

Джен Беннет
Яростные тени

Ревущие двадцатые в туманном Сан-Франциско. Сухой закон, запреты ослаблены, а в городе появляется черная магия...

Археолог Лоу Магнуссон заполучил желанную добычу: амулет джед, бесценный египетский артефакт, который можно продать за баснословную сумму одному из богачей Сан-Франциско. Однако когда красавчик швед встречается с чопорной дочерью своего заказчика, легкие деньги превращаются в чрезвычайно сложную проблему...

Куратор Хэдли Бэкол, которую в силу проклятья сопровождают смертельно опасные духи, обязана сохранять спокойствие, чтобы сдерживать их и не позволять атаковать и крушить все вокруг. Проблема в том, что Лоу доводит ее до безумия, а ее отцу позарез нужен перевозимый наглецом артефакт. И хоть Хэдли чувствует силу амулета, она даже не представляет, какой урон он нанесет, какое желание вызовет.

Bennett "Grim Shadows", 2014

Перевод осуществлен на сайте <http://lady.webnice.ru>

Переводчик: KattyK

Редактор: Мария Ширинова

Принять участие в работе Лиги переводчиков

<http://lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=5151>

Джен Беннет

Яростные тени

(Ревущие двадцатые – 2)

"GrimShadows", 2014

Перевод осуществлен на сайте <http://lady.webnice.ru>

Переводчик: KattyK

Редактор: Мария Ширинова

Принять участие в работе Лиги

переводчиков: [//lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=5151](http://lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=5151)

Аннотация:

Ревущие двадцатые в туманном Сан-Франциско. Сухой закон, запреты ослаблены, а в городе появляется черная магия...

Археолог Лоу Магнуссон заполучил желанную добычу: амулет джед, бесценный египетский артефакт, который можно продать за баснословную сумму одному из богачей Сан-Франциско. Однако когда красавчик швед встречается с чопорной дочерью своего заказчика, легкие деньги превращаются в чрезвычайно сложную проблему...

Куратор Хэдли Бэкол, которую в силу проклятья сопровождают смертельно опасные духи, обязана сохранять спокойствие, чтобы сдерживать их и не позволять атаковать и крушить все вокруг. Проблема в том, что Лоу доводит ее до безумия, а ее отцу позарез нужен перевозимый наглецом артефакт. И хоть Хэдли чувствует силу амулета, она даже не представляет, какой урон он нанесет, какое желание вызовет.

Глава 1

Январь 1928 г.

Лоу Магнуссон оглядел пустынный зал станции Объединенной Тихоокеанской железной дороги. Молодая супружеская пара, прибывшая в поезде вместе с ним, перелистывала журналы у газетного киоска во время этой краткой вечерней остановки. Несколько других пассажиров расселись по скамейкам. Ни следа тех двух головорезов, но это лишь вопрос времени. Легче убить в темном уголке на захолустной станции, чем в забитом вагоне для курящих.

Убедившись, что по крайней мере временно ему ничто не угрожает, Лоу протянул банкноту в окошко билетной кассы. Не слишком крупную, но несомненно достаточную, чтобы повлиять на провинциального продавца билетов Солт-Лейк-Сити.

И заговорил как можно спокойнее:

– Слушайте, мы оба знаем, что у вас еще остались билеты первого класса на следующий поезд в Сан-Франциско. Он отходит в восемь, так что, если придется ждать управляющего с ужина, будет уже поздно. Я ведь не прошу новый билет, а просто хочу пересесть с одного поезда на другой.

Молодой служащий тяжело вздохнул.

– Простите, сэр, как я уже сказал, у меня нет права менять билеты. Почему бы не подождать отхода вашего поезда? В итоге один час особой погоды не сделает. Может, вы даже уедете раньше, если быстро погрузят товары, а, не считая пары дополнительных остановок, место назначения у обоих одно и то же.

Да, но на другом поезде не было бандитов с пистолетами.

Впервые заметив следующих за ним мужчин, Лоу попенял на недосып, ведь с самого Каира ему не удалось нормально отдохнуть. Пищевое отравление превратило обычно сносное путешествие по Средиземному морю из Александрии в Афины в кошмар наяву. И как раз, когда, казалось, худшее уже позади, во время недельного плавания из Англии в Балтимор штормило так, что Лоу попеременно обнимал то унитаз, то подушку, моля о смерти.

Но Бог явно еще не закончил его наказывать. Проведя три почти бессонные ночи в худшей поездке по железной дороге за всю жизнь и всего за день до возвращения домой, теперь Лоу стал мишенью вооруженных людей.

«Куда, черт побери, подевалось мое везение?»

Прямо сейчас ему хотелось поцеловать твердую землю Сан-Франциско, рухнуть на роскошную перину, предоставленную богатевающим от бутлегерства день ото дня братом, и проспять целую неделю. А еще неплохо бы полакомиться супом-пюре из моллюсков и два часа поотмокать в горячей ванне. А еще пригласить небольшой гарем красоток погреть ему постель, – Лоу всегда стремился мечтать по-крупному. Но если ему удастся избежать пули и ограбления до конца этой проклятой поездки домой, хватит десяти часов спокойного сна и домашней стряпни.

Служитель посмотрел на развязанный галстук и трехдневную щетину Лоу.

– Сэр, у нас даже не хватит времени найти ваш багаж и перенести его в другой поезд до отхода.

– Просто перешлите его по моему адресу в Сан-Франциско. – Лоу неохотно положил еще одну банкноту поверх первой. Черт. В бумажнике осталось лишь сорок долларов. Какая ирония. В сумке на груди бесценный артефакт, который он бережет даже ценой своей

чертовой жизни последние пару месяцев, а денег кот заплакал!

Не говоря уже о кругленькой сумме, которую он теперь должен Монку, раз расторг сделку.

Служитель покачал головой.

– Сэр, я не имею права брать чаевые.

Лоу изменил подход и, понизив голос, склонился над прилавком:

– Можно вам кое в чем признаться, только между нами? Я выполняю сверхсекретное задание правительства. – Ничего подобного. И закончил нелепое пояснение: – Дело Лиги Наций, комиссия по здоровью.

– Комиссия по здоровью, – сухо повторил ничуть не встревоженный служитель.

– Я и не знала, что Соединенные Штаты присоединились к Лиге.

Лоу оторвал взгляд от окошка и увидел женщину в нескольких метрах от себя. Высокая, стройная, в черном платье с черным пальто, перекинутым через руку. Черные перчатки. Черные туфли. Черные волосы, подстриженные чуть ниже подбородка. Столько черного. Ходячее похоронное бюро закрывало ему обзор выхода на платформу.

И она пристально изучала его, будто расстрельная команда из одного человека.

– Я же только что упомянул, что это сверхсекретное задание. Если вы вдруг не услышали часть моей личной беседы, – отозвался Лоу.

– Да, слышала, – ответила незнакомка с благородным трансатлантическим акцентом, словно имела право комментировать и нагло встревать в чужие разговоры. Да она и вовсе не раскаивалась, что влезла не в свое дело.

– Простите. – «И, пожалуйста, оставьте меня в покое», – мысленно добавил он, поворачиваясь к билетной кассе. Создать правдоподобную историю, страдая от недосыпа – задача не из легких.

Но упрямица не закончила:

– Мистер Магнуссон, можно с вами поговорить?

Неужели она услышала его фамилию, которую он назвал служителю? Слух как у совы.

– Сэр?

Лоу снова перевел взгляд на служителя.

– Послушайте, дайте мне билет, пока поезд не ушел. Носильщик доставит мой пароходный кофр по нужному адресу. Я вернусь через минутку.

Он отошел от прилавка к женщине.

– Мистер Магнуссон.

– Да, мы уже выяснили, что вам известно, кто я, – раздраженно буркнул он.

Незнакомка нахмурилась:

– У нас назначена встреча. – Увидев его непонимающий взгляд, она добавила: – Мой отец телеграфировал вам, когда вы прибыли в Балтимор.

Дерьмо.

Торопясь поменять поезд, он совершенно позабыл о встрече с дочерью Арчибальда Бэкола, чудачкой и куратором музея.

Хоть вблизи она недурна. Да и простушкой не назовешь. Помимо совиного слуха, ее угловатые черты напомнили Лоу хищную птицу. Длинное лицо, длинные руки и красивые длинные ноги. Высока для женщины. Макушка шляпки с узкими полями доставала ему до подбородка, значит рост мисс Бэкол метр семьдесят семь. Однако ее мальчишеское стройное

тело зрительно ее уменьшало.

Да и вдовый костюм, застегнутый на все пуговицы до горла, не добавлял ей привлекательности.

– Хэдли Бэкол. – Она протянула руку в кожаной перчатке, отороченной черным мехом. Такой же виднелся и на воротнике ее пальто, перекинутого через руку. У ее семьи водились деньги. Потомственное богатство Сан-Франциско со времен золотой лихорадки – наследство покойной матери, если Лоу правильно помнил. Бэколы обладали также значительным влиянием в музее искусства в парке Золотые ворота. Отец Хэдли управлял департаментом египетского антиквариата и входил в совет попечителей; в молодости Бэкол-старший занимался полевой археологией.

Не то чтобы Лоу был с ним на дружеской ноге. Без амулета, аккуратно припрятанного в сумке, доктор Арчибальд Бэкол и его дочь не удосужились бы пожать ему руку. Черт, да они бы вообще его не заметили.

– Да, конечно, Хэдли, вы правы.

Ее рукопожатие было очень слабым для надменной дамы, чей рукав украшала шерсть в тысячу долларов. Мисс Бэкол постаралась высвободить руку как можно скорее, но Лоу ее удержал лишнюю секунду. Она посмотрела на его пальцы, словно на непослушное дитя, и он неохотно ее отпустил.

– Вы же получили телеграмму моего отца? – уточнила она.

– Конечно. – И не одну, а множество, после того, как фотография Лоу с его дядей на раскопках Филе появилась в газетах по обе стороны Атлантики. Это же изображение месяц спустя перепечатали в «Нэшнл географик».

– Зачем вы соврали продавцу билетов?

Лок кашлянул в кулак.

– Ну, это долгая история и, боюсь, рассказывать времени нет. Понимаете, я пересаживаюсь на другой поезд, и наша встреча все-таки отменяется.

Хэдли вскинула тонкую бровь. Такую холодную и строгую даму разочарование только делало почти привлекательной. Уголки ее глаз трогательно приподнялись, но взгляда она не отвела. Лоу это понравилось.

– Надеюсь, что вы не приехали сюда ради встречи со мной.

Мисс Бэкол покачала головой.

– Я вела семинар по мумификации животных в Среднем царстве в университете Юты.

Неудивительно, ведь она специализировалась в погребальной археологии. Если бы Лоу так сильно не устал, то с интересом бы послушал теории мисс Бэкол, но его глаза то и дело косились на ее груди. Ничего выдающегося, но это его не остановило.

– Я возвращаюсь в Сан-Франциско, – продолжала она, снова привлекая внимание к ее глазам. – Но когда отец узнал, что вы прибываете на этом поезде, то решил, что разумнее заказать мне билет, чтобы я успела выступить в университете до вашего приезда. Не только мы интересуемся вашей находкой. Я понятия не имею, знаете ли вы, во что ввязываетесь, доставив джед сюда.

О, Лоу точно знал, во что ввязался. Он едва вытащил проклятую вещицу из Египта. Пока его дядя противостоял египетским властям, Лоу защищал их раскоп от мародеров. В него стреляли, швыряли камни, дважды пырнули ножом. И он выиграл довольно много кулачных боев.

Лоу считал, что как только вернется в Штаты, все закончится, но теперь переживал,

что его неприятности только начались. Он было подумал, что нанятые головорезы в поезде связаны с его долгом Монку Моралесу, но если бы тот хотел его убить, то подождал бы, возвращения Лоу домой. Нет, эти бандиты явно охотились за амулетом.

– Я уже получил предложения от нескольких коллекционеров.

Мисс Бэкол натянуто улыбнулась:

– Отец готов заплатить наивысшую цену, поэтому я с вами сейчас разговариваю. Мне хотелось бы рассмотреть амулет, если он действительно мифический Позвоночник Осириса...

– Боже, тише! – Лоу снова оглядел зал. – Я стараюсь это не афишировать, если вы не против. К тому же все артефакты с раскопок придут в следующем месяце на другом корабле. У меня ничего при себе нет.

Мимо них быстро прошел носильщик, управляющий багажной тележкой. Хэдли заговорила, только когда тот человек уже не мог их подслушать:

– Вы лжете.

– То есть как?

Она посмотрела на кожаную сумку.

– Судя по тому, как вы ее сжимаете, я бы сказала, что амулет там. Но будь он у вас даже в кармане куртки, я его чувствую.

Странное обвинение повисло между ними. Если бы Лоу сам не «чувствовал» проклятый предмет, то рассмеялся бы. Но по правде сказать, от амулета исходил какой-то необъяснимый поток. Дядя его не ощущал, а вот несколько нанятых на раскопки египтян что-то испытали. Довольно много сбежало из лагеря в ту же ночь, когда Лоу вытащил артефакт из полузатопленной карстовой воронки. находка, если честно, пугала его до чертиков. Да и немигающий спокойный взгляд Хэдли вызывал легкие опасения.

Тут она прошептала, глядя на что-то за его правым плечом.

– Мистер Магнуссон, вы путешествуете с охраной?

Лоу застыл.

– Нет.

– Не оборачивайтесь, – предупредила она.

– Двое мужчин в черных пальто? Словно кирпичные нужники, извините за выражение.

– Не стоит, предпочитаю прямоту. И если вы об их размерах, то ответ – да, они внушительные. Уже несколько минут за вами наблюдают. Один зашел в коридор за билетной кассой, а другой идет к нам.

От тревоги по телу побежали мурашки. Он нащупал джамбию – арабский изогнутый кинжал, притороченный к поясу и спрятанный под курткой на левом бедре. В Египте Лоу привык им пользоваться для самозащиты, но после отъезда не расставался с ним ради своего спокойствия. На всякий случай.

Похоже, теперь кинжал ему пригодится.

– Не смотрите на того, кто идет к нам, просто возьмите свой багаж и следуйте за мной на платформу. Не медлите и сохраняйте спокойствие.

Мисс Бэкол не запаниковала и не стала задавать вопросов. А благодаря длине ног, двигалась энергично и не отставала. Лоу почувствовал резкий аромат лилий от ее одежды, когда они проходили мимо газетного киоска, краем глаза заметив аккуратные ряды журналов «Домашний очаг» и «Еженедельник Кольера».

– Послушайте, – сказал он, прикасаясь ладонью к ее пояснице. – Те мужчины вооружены. Они следили за мной в поезде весь день. Точно не знаю, но у меня странное предчувствие, что они охотятся за амулетом. Зря вы со мной говорили, потому что теперь они посчитают, что мы друзья, а вы станете еще одной мишенью.

– Что вы собираетесь делать? – спокойно уточнила мисс Бэкол. Даже в панике Лоу не мог не восхититься ее мужеством.

– У вас билет на 127-й?

– Да.

– Тогда садитесь в поезд и скажите проводнику, что вас преследуют подозрительные личности.

– Кондуктор не заслонит меня от пуль.

– Запритесь в своем купе.

– Ничего подобного я делать не стану!

Ну конечно не станет. Лоу толкнул упрямыцу на полутемную платформу, где остальные путешественники ожидали отправления, прощаясь с родными и близкими. Несмотря на ночную прохладу, он почувствовал, как по спине стекает капелька пота.

– Если они вас застрелят и заберут амулет, то я не выполню отцовское поручение, так что я от вас не отстану, – логично пояснила мисс Бэкол, будто решая, куда пойти ужинать.

– Ладно, но мне плевать, если вас убьют. Вы и так уже вырядились как покойница на поминальной службе в открытом гробу.

– А вы – как пьянчуга с Варварского берега!

– Неужели? Между прочим, я...

На платформе раздались крики ужаса. Из-за двери с надписью «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД» вышел второй бандит, который до этого скрылся за билетной кассой. Он потопал по платформе, наведя отполированный револьвер прямо на грудь Лоу.

Глава 2

Лоу отпихнул мисс Бэкол в сторону так, что ее чемодан быстро заскользил по перрону, вытащил из куртки изогнутый кинжал джамбия и замахнулся. Прицелиться надо было получше, но он почувствовал сопротивление плоти, когда клинок пронзил плечо бандита.

В ту же секунду раненый нажал на спусковой крючок.

Шум двух локомотивов заглушил выстрел. Лоу не знал, куда попала пуля, просвистевшая мимо его уха, но не собирался, черт побери, выяснять, куда вонзится следующая.

Головорез зарычал, скрежеща зубами и баюкая поврежденную руку. От кинжала несло сильным медным запахом крови. Лоу приготовился еще раз пырнуть противника, но передумал, заметив краем глаза, как мисс Бэкол поднимается на ноги. Нет, глупо устраивать поножовщину на железнодорожной станции. Особенно, когда хранильница музея, которая сулила крупную выплату, осталась без защиты, а шкафоподобный сообщник раненого уже шел к ним с другим пистолетом.

Два пистолета против ножа... шансы ни к черту. Придется бежать, иного выбора нет. Так что Лоу обхватил мисс Бэкол за талию и пустился наутек.

Крики из зала эхом отдавались от двух стоящих паровозов. Перрон был огорожен. Бежать некуда, только обратно в поезд, который Лоу так отчаянно желал покинуть.

Мисс Бэкол споткнулась на металлических ступеньках, ведущих в первый не

запертый вагон. Сработал эффект домино, и Лоу пошатнулся, едва не раздавив спутницу, но в последний момент сумел спасти их обоих от падения головой вперед, в процессе едва не пырнув мисс Бэкол окровавленным ножом.

Магнуссон, ты гений!

– Мой багаж! – закричала она, когда Лоу подхватил и втолкнул ее в вагон, вытирая клинок о штаны.

– Забудьте! Уходим!

Он сунул кинжал в ножны, пока несся вместе с дамочкой по пустующему вагону-ресторану мимо столиков с белыми скатертями. Позади раздавались тяжелые шаги. Бандит покрупнее последовал за ними и уже прицеливался. Лоу прикрыл собой мисс Бэкол и приготовился к худшему...

Черт побери, ему вовсе не улыбалось получить пулю.

Но вместо еще одного выстрела, услышал нечто другое: резкий и оглушительный взрыв, а затем изумленный крик, когда купейный вагон содрогнулся. Оглянувшись, Лоу заметил растянувшегося на полу бандита, покрытого осколками стекла. Окна в передней части вагона-ресторана... разбились.

Четыре оконных стекла разлетелись, будто от взрыва бомбы. Холодный ночной воздух засвистел, проносясь мимо зазубренных осколков.

Как такое, черт побери, возможно?

А не все ли равно? Да нет, блин, не все равно. Наверное, его везение вернулось.

Лоу подтолкнул мисс Бэкол дальше по проходу. Они молча пробежали последнюю четверть вагона и выскочили через открытую заднюю дверь на перрон.

И как раз заметили, что раненый бандит осторожно разглядывает разбитые окна, сжимая плечо. Чудо, что беглецов он пока не заметил.

– Идем-идем, – прошептал Лоу на ушко мисс Бэкол, схватил ее за руку и поспешил по перрону в противоположную от зала и оружия сторону. Они следовали вдоль поезда, пока не добрались до последнего вагона.

Второй паровоз, на который и хотел сесть Лоу, стоял рядом со 127-м. Раздался свисток, из двигателя повалил пар. Поезд отъезжал со станции, а лестница, ведущая через пути на противоположный перрон, с тем же успехом могла находиться в другом городе.

– Вниз! – скомандовал Лоу. Мисс Бэкол не поняла его план, а у него не было времени объяснять, так что он спрыгнул на усыпанные гравием стальные рельсы, потом помог ей спуститься во тьму.

– Бежим! – крикнул он, таща мисс Бэкол с собой вслед за отходящим от станции, пыхтящим поездом. Если не медлить, то они без труда его догонят. Слава богу, у девыцы длинные ноги; цены б ей не было на Олимпиаде.

– Вы с ума сошли? – крикнула она на бегу.

Резонный вопрос, но Лоу не ответил и даже не подумал бросить мисс Бэкол. Если эти бандиты готовы были выстрелить в него рядом с ней, бог знает, что они сделают, оставь он ее на станции, особенно если выяснят, насколько богат ее отец.

Маленькая огороженная платформа обрамляла заднюю часть поезда, освещаемая единственной лампой. Неспешно движущаяся мишень. Можно запрыгнуть, как в вагончик на канатной дороге.

К чертям здравый смысл. Он присел, схватился за поручень и закричал:

– Прыгайте!

Их приземление получилось не таким уж гладким. Лоу зашатался, услышал треск и почувствовал, как мисс Бэкол падает. Промелькнула мысль о ее теле, которое тащится за вагоном, но Лоу чуть подвинулся, и она попала в его объятия. Неловко поборовшись с пальто в ее руках, – как, черт побери, она сумела не упустить эту вещь? – он помог ей подняться на задней платформе, где они оба пытались отдышаться.

Они это сделали! Лоу не мог не испустить триумфальный крик, как только они проехали мимо паровоза №127. Он заметил встревоженную толпу в золотистом свете прежде, чем поезд с пыhtением укатил в темноту.

Довольный Лоу улыбнулся мисс Бэкол. Даже слишком самодовольный. Кровь бурлила в теле и прилила вниз, слегка возбуждив его радостью победы.

Я мужчина! Услышьте мой рев!

Господи, ему почти захотелось поцеловать ее. Возможно дело в приливе крови к паху, но все же. Небольшой поцелуй возможно приведет...

– Что теперь? – невесело спросила мисс Бэкол.

Беспорядочные триумфальные планы провалились. Лоу пока не думал о будущем.

Не подозревая о безумных мыслях, свирепствующих в его голове, мисс Бэкол махнула рукой, отвернулась от него и взялась за дверную ручку. С их везением она окажется закрытой, и...

Милостивый боже.

Мисс Бэкол не подозревала, что ее платье порвано сзади, – вот почему раздался тот треск, когда Лоу затащил ее на платформу. Кусок ткани свисал со стяжного болта, трепеща на ветру будто флаг. Но Лоу, прищурившись, смотрел на то, что скрывалось под платьем.

Длиннющие ноги в черных чулках. Соблазнительная розовая кожа над подвязками. Белье цвета зрелой медовой дыни, по краю расшитое павлиньими перьями.

Его сердце замерло.

Только представьте. Все ее строгие черные одежды были фальшивым фасадом, будто дом эпохи Дикого Запада из голливудского фильма! И под ними был весь этот... цвет.

И не только цвет, а намного больше.

Потому что под рубашкой угадывались самые округлые, чувственные ягодицы, какие ему только попадались на глаза. Без преувеличения. Как такая стройная и долговязая девушка обзавелась попкой как мяч для баскетбола?

Такого чуда он не встречал за все двадцать пять лет своей жизни.

Мисс Бэкол хмыкнула, не догадываясь о постигшей ее неприятности.

– Дверь не заперта, но задвижка заела. Помогите.

Может сказать? Надо ведь сообщить? Как она не чувствует прохладный воздух на обнаженной коже? Черт, придется признаться. Обязательно... но боже мой, какая округлая попа. Если прежде он был лишь слегка возбужден, то теперь пришел в полную боевую готовность.

– Мистер Магнуссон?

– Что? О да. Позвольте... подвиньтесь, а то я не достаю. Ладно, я сделаю вот так. Не двигайтесь. – По его затылку пробежался ветерок. Лоу потянулся через нее, так как этого было не избежать: на платформе не хватало места, а поезд набирал скорость. Ему пришлось прижаться к ее спине, чтобы добраться до задвижки. Милостивые боги. Он будто опустился на теплую подушку, не слишком мягкую, не слишком твердую, именно такую, как надо. И из-за высокого роста мисс Бэкол Лоу не пришлось наклоняться, чтобы его твердый член

оказался между этих округлых мягких...

– О... боже, – прошептала мисс Бэкол.

В самом деле. Похоже, не придется рассказывать ей о порванном платье.

Как только задвижка соскользнула, Хэдли открыла дверь и бросилась в вагон. С обеих сторон все отсеки были заполнены багажом. В остальном помещении пустовало.

Неужели она действительно почувствовала прикосновение мужского возбужденного тела? Прохладный воздух щекотал ее ноги. Она извернулась, чтобы лучше рассмотреть платье.

– Вы порвали его в прыжке. – Лоу запер дверь, отчего пропали свист ветра и шелканье ускоряющегося поезда.

– Вы обязаны были мне рассказать!

– Я заметил, лишь когда вы повернулись. Пытался спасти нас от пуль.

– Спасти нас? – Она свела оборванные концы платья вместе, стараясь прикрыть прореху. – Стреляли в вас, а не в меня. И это вы размахивали... церемониальным кинжалом.

– Церемониальные кинжалы тупые, а мой – наточенный. – Лоу говорил с легким акцентом, который сразу не распознаешь, но в модуляции его слов было что-то мелодичное. Скандинавское. О, точно, Магнуссоны же шведские иммигранты. – И вам бы порадоваться, что у меня острый кинжал, или та пуля снова убила бы лису, которая положила свою короткую жизнь на воротник вашего пальто.

– Это норка, и я не припоминаю, чтобы просила меня спасать.

– Ох, ну простите, что я повел себя как джентльмен.

– Джентльмен, – фыркнула Хэдли и горько усмехнулась. Джентльмен бы так не прижимался. И несмотря на все усилия, ее одолели неприличные мысли о прикосновениях Лоу, выйдя на первый план в золотой рамке.

– Ладно. Мне открыть дверь? Можете спрыгнуть и поковылять на станцию со сломанной ногой. И после того, как побываете в заложницах у тех бандитов, подпишете чек, заплатив выкуп из отцовского состояния, потом поздравьте себя с успехом.

Не успела Хэдли подавить прилив злости, как ее зрение стало темнеть. Мрачные и отталкивающие духи появились из стен будто тени. Обычно они не показывались тому неудачнику, который попадался им на пути. Иногда Хэдли просто не успевала отправить их в ту адскую дыру, откуда они вылезли, а подчас и не хотела их отсылать.

Духи опрокинули ряд кожаных чемоданов с полки над мистером Магнуссоном. Тот увернулся и едва не сбил с ног Хэдли, пытаясь спасти свою шкуру.

Так ему и надо.

Когда упал багаж со следующей полки, она продвинулась дальше в вагон.

Это за то, что похотливо прижимался к ее нижнему белью, заставляя хотеть того, что не суждено.

Лоу что-то неразборчиво крикнул, уклоняясь от упавших сумок. Для человека такого роста он двигался удивительно грациозно. Однако лучше все остановить, пока он не потерял сознание и не умер.

Или пока до него не дошло, что именно ее духи разбили окна в первом поезде.

Один, два, три, четыре...

Гнев ослеплял и лишал ее самообладания. В этом случае духи со смертельной яростью нападали на того, кто ее разозлил, так что надо подавить опасные чувства. Она обязана. Отец поручил ей договориться с этим мужчиной. Амулет джед значил для него

больше, чем просто научное изыскание и ценная собственность, особенно потому, что он был согласен расстаться с такими деньгами, чтобы получить находку до того, как какой-то музей и другие коллекционеры предложат свою цену. Отец сказал, что обретение этого амулета важнее всего в его жизни.

Пять, шесть, семь, восемь...

Хэдли считала, пока духи не скрылись в стенах, а мистер Магнуссон перестал сыпать ругательствами. Во всяком случае она так думала, потому что он перешел на шведский, и нельзя было сказать наверняка.

– Какого черта! – воскликнул он уже на понятном языке. Он стоял наготове, рассматривая кучу сваленного багажа и убирая растрепанные кудрявые волосы с лица. У него был такой острый хитрый взгляд ярких холодных голубых глаз цвета фаянсовой вазы лотоса в четырнадцатой витрине выставки позднего периода Нового царства. Его внешность отвлекала: необычные глаза, запавшие щеки и благородные скандинавские скулы, высокие и выпуклые, как нос корабля викингов. И эти губы... с ямочками в уголках и такие полные, что им позавидовала бы любая женщина.

Единственный недостаток – плохо сросшийся нос. Он был сломан ниже переносицы, привлекая внимания, но все же не слишком портил Лоу. Как же нечестно, что меркантильный охотник за сокровищами настолько ослепительно красив.

Она видела его фотографию, как и жители половины мира, но реальность оказалась много лучше. Он уверенно держался, иногда выказывая пренебрежение. Щетина и потрепанные туфли делали его похожим на сказочного короля в одеянии бродяги. Ему ведь плевать на ее мнение. Его брат – один из самых богатых бутлегеров Сан-Франциско. Хэдли не удивилась бы, если незаконные накопления Магнуссонов превышают то, что осталось от наследства ее матери.

– Вы это видели? – спросил он, раскидывая руки, будто потерял равновесие.

– Видела.

– Вагон трянуло? Что произошло?

– Все закончилось, – ответила Хэдли, пытаясь изобразить дурочку. – Так какой у вас план, мистер Магнуссон? Мы скроемся здесь часов на восемнадцать до самого Сан-Франциско или сойдем на следующей остановке?

– Боже, не знаю. – Он расправил сумку, прикрепленную к его груди, и озадаченно посмотрел на упавший багаж у своих ног. – А что вы думаете?

Так теперь он интересуется ее мнением?

Она задумалась над их положением.

– До Рино нет приличных станций, так что шансов найти открытую билетную кассу в этом время ночи почти никаких.

– Возможно, вы правы. Нам пришлось бы спать в зале и дожидаться следующего поезда, возможно целые сутки. – Он протяжно выдохнул. – Я не был дома целых девять месяцев, несколько недель нормально не выспался, так что предпочел бы не задерживаться. А что в следующем вагоне? Вы что-то видите за шторкой?

Хэдли подошла к двери между вагонами, но вспомнила, что случилось на платформе поезда, и поспешно надела пальто.

– Поздно, я уже все видел. – Лоу боком проскользнул мимо нее. – Вы стали ярким событием моей поездки домой.

Нежеланное возбуждение лишило ее последних остатков стыда. Ради бога. Что такое,

она ведь обычно не ведется на пустую лесть? И почему тут так тепло? Хэдли украдкой обмахнула лицо, пока Лоу смотрел, что там дальше.

– Кухонный вагон, кажется, пустой. – Он, не глядя, поманил Хэдли за собой. – Если нас поймают, говорю я.

Они поспешили дальше. От запаха свежесваренного кофе и поджаренного хлеба желудок Хэдли заурчал. Следующей была смотровая площадка, полная сигаретного дыма. Тут расположился только один пассажир, который был настолько увлечен газетой, что даже не обратил на них внимания. Наконец они попали в спальный вагон, где по левую сторону узкого коридора находились частные купе. Дальше было открытое общественное помещение.

– Кабинет управляющего, – прочитал мистер Магнуссон позолоченную надпись на деревянной двери. – А, вот и купе. – Занято, занято, занято. Дверь последнего открылась, и оттуда вышел долговязый молодой человек не старше семнадцати-восемнадцати лет в форме железнодорожной компании.

– Кабинет управляющего, – прочитал мистер Магнуссон позолоченную надпись на деревянной двери. – А, вот и купе. – Занято, занято, занято. Дверь последнего открылась, и оттуда вышел долговязый молодой человек не старше семнадцати-восемнадцати лет в форме железнодорожной компании.

– Простите, сэр, – сказал он, опуская глаза и отступая в купе, чтобы не столкнуться.

– А это купе не занято? – спросил мистер Магнуссон.

– Сейчас нет, сэр.

Мистер Магнуссон показал проводнику билет на поезд.

– Мы ехали на 127-м. – Он махнув рукой в сторону Хэдли. – Но нас пересадили на этот поезд в Солт-Лейк-Сити. Муж моей сестры... ладно, скажу прямо. Этот пьяница угрожает ей. А она ждет ребенка. Жуткое положение.

Хэдли открыла рот.

Проводник удивился не меньше.

– Да, сэр.

– Поэтому нас любезно пересадили на другой поезд, – продолжал хитрец. – Сказали, что кассир выдаст нам новые билеты, а в это время вызовут полицию для задержания ее мужа. Ради безопасности моей сестры.

– О боже! – воскликнул проводник, пытаясь получше рассмотреть жертву.

– Вот только поезд тронулся до того, как вернулся кассир. Теперь наш багаж остался на 127-м, а мы здесь. Нам так и не сообщили номера купе.

– Меня не предупредили, – признался проводник.

– Все произошло так быстро, – ответил Магнуссон, качая головой. – У ее подлого муженька оказался револьвер. Вы представляете? Наставить пушку на женщину, которая носит твоего ребенка!

– Мэм, как ужасно, – посочувствовал парень.

Хэдли в ответ только хмыкнула.

– Ну, ну, соберись, милая. Ты утверждаешь, что он пьет только, когда переработает, но так продолжаться не может. Папа наймет адвоката. Тебе грозит опасность, нужно подумать и о ребенке.

– Вопиющее безобразие, – пробурчал проводник.

– Аминь, – согласился Магнуссон. – Думаете, нас собирались поместить в это купе?

– В это купе? Его забронировали для пассажиров, что сядут в Неваде.

– О, – Магнуссон помрачнел и грустно посмотрел на Хэдли. – Я знаю, что ты расстроена, устала и испугана. Мне так жаль.

– Я уже столько пережила с тобой... дорогой братец, – сухо ответила она.

Проводник кашлянул.

– Думаю, парочка, что заказала это купе, не пережила таких сложностей, как вы. Я могу поселить их в общем вагоне, если вы не против устроиться вдвоем в этом купе.

Хэдли совсем это не понравилось, но ее возражения потонули в слишком пылких благодарностях мистера Магнуссона:

– О, это чудесно, просто чудесно. – Он мило улыбался проводнику, восторженно пожимая ему руку. – Мы оба так вам признательны. – Лоу вытащил из бумажника пять долларов и протянул служащему. – Не могли бы вы в последний раз помочь нам и принести кофейник и бутерброды?

– Да, сэр.

– А мне, пожалуйста, горячего чая, – добавила Хэдли. Если уж на то пошло, можно попросить то, что хочется.

– Да, мэм. Устраивайтесь поудобнее. Я сейчас вернусь, – сказал проводник, пропуская их в купе, щелчком ставя табличку «ЗАНЯТО».

Хэдли прикусила язык и вошла в тесное купе. Справа небольшая дверь вела в отдельный туалет и душ, слева – гостиная, где перед большим глухим окном стояли два мягких кресла, а наверху две откидывающиеся койки.

Мистер Магнуссон снял сумку и пальто, повесил их на крюк, затем пригнулся и рухнул на сиденье. Он занял большую часть помещения, задевая ногами край кресла напротив.

– Первый класс. В общих вагонах 127-го было сено.

«С чего это брат бутлегера ехал в общем вагоне?» – задумалась Хэдли, а потом решила, что это неважно. Она сняла сумочку, цепь которой обвивала ее запястье, и заговорила о проблемах посерьезнее:

– Сначала вы выдаете себя за представителя комитета по здоровью Лиги Наций, а теперь изображаете героического брата беременной потаскушки.

– Ничего подобного, я же сказал, что вы замужем.

– Вы всегда так делаете? Враньем улаживаете свои проблемы?

– Я предпочитаю называть это вхождением в роль. Актерством.

– Актерством, – повторила она, вешая сумочку рядом с его вещами. Она собралась снять пальто, но потом вспомнила про прореху на платье. И, если судить по улыбке Магнуссона, не только она. Хэдли запахнула пальто и села в кресло. – Почему же не сказать правду?

– То есть я должен был признаться, что я – археолог, нашедший мифический артефакт, который вроде открывает дверь в мир мертвых, и что в нас стреляли двое наемников, намеренных его отобрать, так что мы вскочили на этот поезд «зайцами»?

Хэдли положила ногу на ногу.

– Вы, сэр, не археолог, а прохвост.

– У меня есть ученая степень.

– А у меня их две.

Лоу небрежно закинул ноги на сиденье рядом с Хэдли и скрестил лодыжки.

– Без полевой практики.

– Дело не в нежелании, но спасибо, что пристыдили.

Лоу поморщился, будто от пощечины, но через мгновение по его лицу уже ничего нельзя было понять. Он вытянул шею и расслабился.

– Вы же сами хотели честности. Если желаете, чтобы я пощадил ваши нежные чувства, с удовольствием так и сделаю.

Откинув голову на спинку, он сложил руки на груди и закрыл глаза.

– Я хочу, чтобы вы обращались со мной как с мужчиной.

Он посмотрел на нее прищуренными глазами и вскинул бровь.

– То есть, хочу той же прямоты, которую вы бы выказали доверенному коллеге. Я вам ровня. Говорите со мной без обиняков или молчите.

Хэдли разозлилась и уставилась в окно, глядя мимо своего сурового отражения на темный сменяющийся пейзаж.

Один, два, три...

– Ладно, я согласен, – сказал он через пару минут. – Если бы вы были моим коллегой, то первым делом я бы отказался от формальностей.

Мисс Бэкол заколебалась.

– Спасибо... Лоу.

– Пожалуйста, Хэдли.

Он улыбнулся и закрыл глаза.

Они сидели в молчании. Возможно, она в нем ошиблась. Теперь, вспоминая сегодняшние события, она поняла, что он действовал с благими намерениями: отпихнул ее прочь от пули и защитил ножом. Прикрыл ее от битого стекла в вагоне первого поезда, не зная, что именно она причина кавардака. А теперь они хорошо устроились, во всяком случае лучше здесь, чем на той станции.

– Знаешь, я тут подумал, – заговорил он, не открывая глаз. – Если бы мы были коллегами, общающимися на «ты», я бы похвастался, что мельком увидел прекрасные ягодицы и сногсшибательные ноги. Как жаль, что такая женщина, управляющая мумиями в департаменте антиквариата музея де Янг, одевается как старая дева.

Какой нахал!

– А я тебе отвечу, что она так одевается, чтобы мужчины обращались к ней уважительно, а не просто как к богатой дочери Арчибальда Бэкола.

Лоу смягчился.

– А я бы ей сказал, что не стоит меняться, чтобы кому-то угодить, а ее сотрудники слишком заумные выпускники Стэнфорда, не имеющие опыта полевой работы, так не все ли равно, что они там себе думают?

– Я закончила Стэнфорд.

Лоу уже собирался состричь, но тут раздался стук в дверь, и вошел проводник с подносом. Мистер Магнуссон ради приличий снял ноги с подушки, чтобы можно было разложить стол. Поставив серебряные горячие кофейник и чайник, прикрытую тарелку с бутербродами и столовые приборы, он еще раз с сочувствием посмотрел на Хэдли и оставил их одних.

– Ты ешь за двоих, значит оставлю тебе бутерброды... с коричневой пастой. А что тут, грецкие орехи? Не-е-ет, спасибо, – отмахнулся Лоу, снимая тонкие кожаные перчатки. Хэдли заметила некую странность в левой перчатке.

Левая перчатка, левая рука. Боже, у него нет мизинца. Совсем, до костяшки. И кожа обесцвечена. Остались шрамы на месте зашитой раны.

– Хотите посмотреть поближе?

Хэдли смутилась.

– Как это случилось? Похоже, не так давно.

Лоу рубанул рукой по столу.

– Я лишился мизинца в Александрии. Нельзя красть женщину-мусульманку.

Женщину? Удивление сменилось недоверием. Он ее за идиотку принимает?

– Закон шариата предполагает лишь ампутацию у воров. А вот адюльтер карается смертью под градом камней.

Лоу снял верхний хлебец с бутерброда.

– Может, ему особо не нравилась та женщина, вот мне и сделали всего лишь предупреждение.

– Знаешь что? Мне плевать, как ты его лишился, – отрезала Хэдли, стараясь подавить желание снова призвать духов. Может, они бы свалили койку на него и по новой сломали ему нос. – Хватит с меня дурацких рассказней. Покажи мне амулет.

Лоу перестал поедать бутерброды.

– Покажи мне чек.

– Деньги, ну конечно. Отец упоминал, что они тебя волнуют в первую очередь.

– Как и любого другого.

– Ошибаешься, я не такая, как ты.

– О, так просвети меня.

– Ты землекоп, а я – ученый.

– Если бы люди как я не копали, что бы вы, ученые, изучали? Мумифицированных крыс в стенах вашего драгоценного музея?

Они сверлили друг друга взглядами сквозь кольца пара от кофейника. Наконец Хэдли сдалась, вытащила из сумочки отцовский чек и положила рядом с собой.

Лоу стряхнул крошки с рук и взял сумку. Ага! Значит, она не ошиблась. Ни за что он бы не запаковал эту вещицу в ящик на корабле после всей этой шумихи в прессе.

К тому же она правда почувствовала какой-то непонятный шум, когда вышла на платформу. Не впервые ей приходилось ощущать силу экспоната. В музее хранилась дверь Ньюгейтской тюрьмы, поблизости от которой у Хэдли кружилась голова. А от некоторых покупок отца у нее волосы вставали дыбом. Сила предмета, как духи, которые сначала резко выделяются, а потом к ним привыкаешь.

Лоу развернул на столе сверток из замши. Внутри лежала продолговатая золотая фигурка пятнадцати сантиметров в высоту и пяти в ширину. Статуэтка Осириса, египетского бога загробного мира. Корона атеф венчала его голову, символические жезл и цепь, были скрещены на груди. Эта фигурка – одна из составляющих мифического амулета джед бога Тота. Тело Осириса – основание колонны. Не хватает четырех перекладин, накладываемых одна на другую, чтобы образовать вершину: черная дыра в короне показывала, куда надо вставить недостающие части.

Хэдли вытащила складную лупу и пригляделась. Стиль верный. Особые металлические метки на боковых швах, у золота определенный красноватый оттенок, часто встречающийся на экспонатах из Древнего Египта. В статье «Нэшнл географик» Лоу утверждал, что нашел статуэтку в затопленном тайном убежище главного храма острова

Филы.

У Хэдли горло пересохло, и она хрипло спросила:

– Можно взглянуть на другую сторону?

Лоу перевернул статуэтку. На плоской поверхности были выбиты иероглифы и непонятные символы, которые резко прерывались там, куда следовало приладить недостающие перекладки. Неужели это магические символы мифической Книги Тота? Господи, как же здорово даже на минуту поверить в чудо.

Если бы пришлось подтвердить подлинность экспоната и на глаз оценить, то по опыту и образованию Хэдли бы отнесла его ко времени трех тысячелетней давности. Бесценный артефакт, прекрасный образчик золотых изделий амарнского периода. Неизвестно, действительно ли он открывает дверь в мифический подземный мир, но от него исходит какая-то сила.

– Мой отец хочет приобрести подлинный артефакт, – наконец сказала она.

– Я не могу так просто отдать его тебе, – ответил Лоу, забирая амулет. – Нужны подписи, свидетели, все в таком духе. А тебе с отцом не помешают египетские документы.

– А они у тебя есть?

– У моего дяди.

Боже милостивый, как волнующе.

Нет ничего важнее. Хэдли позабыла обо всех его оскорблениях и о странных чувствах, вызванных им. Все пережитое стоит того, чтобы получить этот загадочный исторический образчик. Заодно ее ждет столь желанное повышение, то есть можно убить двух зайцев одним выстрелом.

Хэдли толкнула чек Лоу.

– Считай это первым взносом. Дай мне слово, что не продашь его другому. Мой отец отдаст остальное при встрече.

– Заключим джентльменское соглашение. – Лоу протянул здоровую руку, но покачал головой, когда Хэдли выставила свою. – Без перчаток, как мужчина.

Кожа к коже? Даже перспектива получить этот амулет ее не заставит. Хэдли вообще старалась никого не касаться, а тем более голой кожей. Не считая пары поцелуев на вечеринках в школе и расставание с девственностью в колледже, она не помнила, когда в последний раз намеренно касалась кого-нибудь без перчаток.

За полдня этот комедиант уже дотрагивался до нее несколько раз: провел ладонью по ее спине, когда затащил в зал на станции; бежал, держась за руку, стараясь поспеть на поезд; неприлично прижимался к ее порванной юбке! Столько прикосновений!

Наверное ему все равно. У некоторых людей нет границ, однако для нее все иначе.

– Джентльмен не снимает перчатки, – парировала она, протягивая руку.

– Ладно, ты не хочешь скрепить наш договор? Знаешь, есть особые мужские правила.

Плевки, тайные рукопожатия.

С хитрой улыбкой Лоу крепко и надежно сжал ее кисть.

Тепло проникало даже через тонкую перчатку. Все связанные мысли покинули ее, пока она не поняла, что Лоу ничего не делает. Почему? Он тихонько хмыкнул и посмотрел ей в глаза.

И тут же пленил ее взгляд, как и руку, большим пальцем поглаживая нежную кожу запястья, едва задевая жилку, под которой бился пульс. Легкое, едва ощутимое касание. Наверное даже случайное, но все равно по руке побежали мурашки.

Хэдли вырвалась и, отодвинувшись на безопасное расстояние, сказала, надеясь, что по ее голосу непонятно, насколько измученной она себя чувствует:

– Значит договорились, мистер Магнуссон.

Глава 3

Лоу придавал мало значения джентльменскому соглашению и любой другой договоренности. Как и многие родственники, он считал «закон» и «ограничение» свободно воспринимаемыми понятиями и тут же начинал искать способ раздвинуть границы. Не имело значения, был ли контракт скреплен рукопожатием, записан на бумаге или составлен в государственном учреждении.

Договоренность с Хэдли не отличалась от сотен других, которые Лоу заключал, не собираясь исполнять, поэтому не понимал, почему испытывает... неловкость. Наверное, дело в ее слишком серьезном напористом поведении, приводившем его в замешательство, или в том, как она смотрела на него пронизательным ястребиным взглядом.

Может, в чувстве вины, что Хэдли поверила его лжи, несмотря на разумные инстинкты. Почему? Разве он не дал ей повода не доверять? Сам Лоу точно ей не верил. Девушка была слишком умной и требовательной. Он видел, как крутятся колесики в мозгах этой выпускницы Стэнфорда.

Вот поэтому, пока Хэдли была в туалете, Лоу спрятал основание амулета под подушку на своей койке, как делал каждую ночь с момента находки проклятой вещицы. И как все прошлые ночи в поезде, он не надеялся хорошо отдохнуть. Проснувшись на следующее утро, Лоу с удивлением обнаружил, что он и Хэдли проспали всю ночь.

Как ни странно, приятно видеть на другой койке ее все еще завернутой в пальто. Острые удлиненные черты лица смягчились во сне. Просто поразительно: она была довольно хорошенькой.

Все равно Лоу не собирался продавать амулет джед ее отцу. Если Бэколу так приспичило, можно наверняка найти того, кто заплатит двойную цену. Напрасно он об этом думает, потому что даже такие деньги не покроют его долг.

Серьезные проблемы требуют нестандартных решений, и Лоу точно знал, что сделает сразу после того, как поест горячей еды и примет ванну.

Беседа на профессиональные темы позволила им с Хэдли скоротать время пути. В четыре часа пополудни он сошел с поезда на перрон станции Твин Пикс и вдохнул воздух Сан-Франциско. Наконец-то дома, слава богу!

– Лоу!

К нему бросилась младшая сестра, отчего ее светлые коротко подстриженные волосы колыхались на бегу. Она накинулась на него как в детстве.

– Ай, Астрид, – воскликнул он, но стоило сестре обнять его за шею, не удержался и подхватил ее, обнимая с тем же пылом. – Ладно, ладно, отпусти меня, демоница.

И поставил ее обратно.

Астрид улыбнулась, проводя рукой в перчатке по его усам.

– Ты выглядишь как бродяга, *älskade broder* [1].

– Да я и ощущаю себя бродягой. Ты только посмотри на себя! Так выросла с лета. Неужели тебе только семнадцать?

– С утра было так.

– Ты покрасилась?

– Вполне возможно.

– Если бы родители знали, перевернулись бы в гробу.

– Лоу, я не ребенок.

Он рассмеялся.

– Я не утверждал, что это неприлично.

Астрид сморщила носик и улыбнулась. Лоу обнял ее за плечи и поцеловал в щеку, а потом увидел еще одно знакомое лицо.

– Бо Йонг, – поздоровался он, высвобождаясь из объятий сестры, чтобы пожать руку. Китайский парнишка вырос: двадцать один год, стройный, крепкий и грациозно красивый. Бывший карманник сирота Бо уже несколько лет занимал должность доверенного помощника брата Лоу, Уинтера. Молодой человек не только помогал патрону с бутлегерством, но также выполнял обязанности семейного шофера и телохранителя Астрид. Ему отлично платили, судя по клетчатой кепке разносчика газет и темно-зеленому костюму, стоявшему больше, чем паровой котел Лоу с подходящей для пустыни одеждой.

– Астрид права, ты выглядишь потрепанным, – заметил Бо после крепкого рукопожатия.

– В последние недели я пережил настоящий ад. Не могу выразить, как же замечательно встретить доброжелательных людей.

– Хотел бы сказать, что в доме без тебя было тихо, но солгу. – Бо жил у Магнуссонов в комнате для слуг с тех пор, как больше двух лет назад их родители погибли в автомобильной аварии. Он был членом семьи. Но то, как покровительственно молодой человек следил за Астрид, даже слишком пристально, и то, как она держалась поближе к Бо, свидетельствовало, что пока Лоу был в Египте, между ними что-то изменилось.

Интересно. Лоу всегда обожал громкие скандалы.

Сестра испуганно вскрикнула:

– Что случилось?

– А, ты об этом? Разве я тебе не писал? – спросил Лоу, когда Астрид взяла его левую руку. – Я проиграл его в «Пальцы против ножа».

– Что... – в унисон переспросили сестра и Бо, и только Астрид продолжила: –... это вообще такое?

– Игра, – ответил Лоу, протягивая ладонь тыльной стороной вверх. – Кладешь на стол руку с растопыренными пальцами и втыкаешь кончик ножа между ними... тук, тук, тук!

– Ты лжешь! – в ужасе воскликнула Астрид и рассмеялась. – Его правда нет? Или это обман зрения?

– Какая же ты любопытная. – Он покачал четырьмя пальцами и бросился щекотать сестру, пока та не принялась визжать, умоляя его прекратить. – Ладно, довольно. Меня встречаете только вы? А где же старший брат с вымышленной женой?

Тут позади него раздался веселый голос:

– Вымышленной? А я думала, что это у вас тысяча историй в рукаве.

Повернувшись, он увидел веснушчатую даму в красном шелковом платье с восточным воротником. Она мило улыбнулась и скрестила руки на внушительном бюсте.

– Вы, должно быть, медиум.

– А также вымышленная жена вашего брата.

– Здравствуй, Аида. – Лоу хотел пожать невестке руку, но все же обнял. – Ради бога, мы теперь семья. – Он отстранил ее от себя и оглядел. – Ты правда беременна от Уинтера?

– Доктор подтвердит.

Лоу снова обнял смеющуюся Аиду.

– Боже помоги тебе, если это мальчик.

– Господи, не раздави ее, – произнес низким мелодичным голосом его старший брат Уинтер Магнуссон, могущественный бутлегер. В тридцать он был старше Лоу на пять лет и в два раза крепче. Блудный брат принял родственные объятия и похлопывание по плечу.

– Выглядишь из рук вон плохо. Неужели в первом классе нет цирюльника?

Есть, но параноя не давала Лоу подпустить к себе человека с опасной бритвой. Не говоря уже о более чем скромных средствах в его распоряжении.

– Подумываю отпустить бороду.

– Нет, если хочешь жить у меня, – отрезал Уинтер.

Брат после женитьбы не изменился: все тот же диктатор.

Лоу слишком устал, чтобы спорить, так что опять обратил внимание на Аиду. Как его брату с грубоватым поведением и поврежденным глазом удалось завлечь такую красотку, Лоу не понимал.

– Астрид превосходно описала тебя в письмах. – А вот о груди Уинтер сам сообщил в самом длинном послании, отправленном брату. Там было написано: «Я влюблен. Женился на невысокой веснушчатой девушке с замечательной грудью и здравым смыслом. Тебе она понравится». А месяц спустя пришла телеграмма: «Ты станешь дядей».

Аида улыбнулась в ответ:

– Все домочадцы твердят, что ты самый везучий человек на свете.

Краем глаза он заметил, как проводник помогает Хэдли сойти на перрон, будто она была инвалидом или... А, точно. Она же в бегах от воображаемого мужа. Лучше положить этому конец, как говаривал его друг Адам, пока история не дошла до семьи Лоу.

– Прости, – извинился он перед Аидой и бросился к поезду.

– Спасибо за все, теперь я о ней позабочусь, – поблагодарил служащего и быстро взял Хэдли за руку.

Она также поспешно высвободилась и пробормотала:

– Я могу идти сама.

Дав проводнику еще пять долларов – свои последние деньги, – Лоу повернулся и увидел, что на него в ожидании уставились члены семьи.

Он кашлянул и представил свою спутницу:

– Хэдли Бэкол, познакомьтесь с кланом Магнуссонов. – Лоу поспешно выпалил имена. – Мы с Мисс Бэкол встретились в поезде.

– Можно и так сказать, – пробурчала Хэдли.

– Ее отец работает в музее де Янг.

– Я тоже, – добавила она.

– Совершенно верно, – смущенно согласился он. Почему сразу этого не сказал? Между ними ведь не произошло ничего скандального. Ну, не считая разорванного платья. Лоу тут же посмотрел на пальто, а в голове в который раз всплыла картинка белья, расшитого павлиньими перьями на соблазнительной попке.

Боже милостивый, очнись, парень!

– Она – куратор. Ее музей заинтересовался моей находкой из пустыни.

Вот вам логичное объяснение. Лоу сунул руки в карманы и выдохнул, пока Хэдли вежливо поведала о своей вечной любви к мумиям, историям о египетской еде и образе жизни... она говорила и говорила. Его родные были заинтригованы. Да, да, хорошо. Все

было в порядке.

Пока не заговорил Бо:

– За вами заедут или вас подвезти?

– Я возьму такси, благодарю, – отказалась от предложения Хэдли.

Затем в разговор вступил Уинтер:

– Бо может доставить ваш багаж к стоянке такси.

Багаж, точно. Пора придумать еще одну историю. Однако Хэдли соображала быстрее:

– Вообще-то ваш брат выбил чемодан у меня из рук в Солт-Лейк-Сити во время поножовщины, так что бог его знает, нашли ли служащие железной дороги мои вещи.

Лоу поморщился.

– О поножовщине и речи не шло.

– Если мне не изменяет память, за вчерашним ужином в вагоне мы обсуждали, как вы пырнули одного из тех головорезов. Вы съязвили, мол, «так им и надо за то, что сунулись с пушками к человеку с ножом», – сказала она кисло, как вкус мичиганского шерри.

Черт!

– Обычный день в жизни Магнуссона, – прошептала Аида, а Уинтер помрачнел.

Лоу хотел отвести Хэдли в сторону. Что случилось с его сообщницей? Она так хорошо утром играла роль, и они весь день болтали. Лоу считал, что они поладили. Теперь от нее веяло ледяным ветром настолько сильным, чтобы похоронить его под лавиной холодного негодования. Что изменилось?

Он изобразил фальшивую улыбку, пытаясь вернуть ее расположение или, по крайней мере, улучшить теперешнее отношение.

– Погоди... я же доставил нас домой целыми и почти невредимыми. Прости за багаж и платье.

Хэдли смерила его долгим взглядом и сказала:

– Вы получили чек моего отца. Он свяжется с вами, чтобы договориться о встрече. – Она вежливо попрощалась с его родными, кивнула ему на прощание и ушла, будто Лоу был последним человеком, которого она хотела бы снова увидеть.

И даже тогда он не смог отвести взгляд от завораживающе покачивающихся бедер, пока она проходила мимо громогласных путешественников, толпившихся на перроне.

– Боже правый! – пробурчал Уинтер. – Что ты сотворил с той дамой?

– Ничего, – запротестовал он.

Ничего из желаемого.

Мимо медленно засеменила группа пожилых монахинь, заслоняя Хэдли. В это время Уинтер зашептал брату на ухо:

– Монк Моралес разнюхивал что-то на причале, искал тебя. Рассказывает, что ты продал ему подделку. Миниатюрную золотую статую животного.

Лоу поскреб затылок.

– Крокодила.

– Ты снова связался с Адамом Голдбергом?

Младший Магнуссон хмыкнул.

– Лоу, черт тебя побери!

– Адам не виноват. Его копия была безупречной. Дело в чертовых документах. Монк даже не заметил ошибки. А вот тот, кому он продал вещицу, был внимательнее.

Уинтер на мгновение прикрыл глаза.

– И кто же это?

– Без понятия. Имя покупателя не разглашали.

– Так что Монку от тебя надо на этот раз?

– Кажется, он хочет вернуть деньги, но и вряд ли откажется от моей головы в придачу.

– Почему бы тебе не пойти на компромисс и не отдать ему подлинную статую?

Невозможно отдать то, чего не имеешь. Подделка для того и создавалась, чтобы один предмет продать дважды. Лоу вежливо кивнул одной из высокомерных монашек. Да, сестра, вы не так уж далеки от истины в том, что мужчины рода Магнуссон погрязли в пороке и лжи. Мы виноваты в том, что люди раскаиваются в грехах на исповеди. Ничего глазеть, идите прочь.

Уинтер разжал пальцы, будто подумывал встать на сторону Монка.

– Сколько ты ему должен?

– Не волнуйся, у меня есть план.

– Надеюсь, ты не просишь у меня денег?

– Никогда прежде не просил и сейчас не собираюсь.

– Хорошо, потому что мои ликвидные активы вложены в строительство нового склада в Марин Каунти, и недавно я выплатил рождественские премии работникам, и...

– Ja[2], ja! Я же сказал, что не прошу денег.

Не то, чтобы он не думал об этом, но все же.

Прошла последняя монашка. Уинтер схватил брата за загривок и горячо зашептал на ухо:

– Разберись с Моралесом. У меня скоро будет ребенок. Не навлекай на нас неприятности.

Расставшись с Лоу, Хэдли несколько минут приходила в себя. Она не понимала, почему так расстроилась, встретив его семью. Убравшись от них подальше, и думать забыла о Лоу. В надежде, что ее потерянный чемодан окажется на 127-м поезде, пришлось прождать почти два часа в зале станции Твин Пикс, но напрасно.

Хэдли подала заявление о пропаже служащему, выслушала его пересказ событий на перроне Солт-Лейк-Сити. Никто не знал, что случилось, а полиция не поймала стрелков. Наверное, бандиты бросились вслед за Лоу, чтобы закончить работу.

Когда Хэдли проехала на такси по Кастро и Мишн и наконец круто свернула с Калифорния-стрит, направляясь в квартиру в районе Ноб-Хилл на Мейсон-стрит, уже стемнело. Элегантное девятиэтажное здание было построено год назад и считалось очень элитным. Хэдли решила покинуть родной дом, а ее отец настоял на лучшем жилье для дочери.

Ночной туман обвил французские колонны у подъездной дорожки. Хэдли заплатила шоферу и пробежала через маленький вестибюль к лифту, помахав консервю, который едва поднял голову. А он вообще знает, как ее зовут?

– Мисс Бэкол, удачно съездили?

Наконец-то дружеское участие. Седой лифтер встретил ее обычной широкой улыбкой.

– Очень утомительно, мистер Уолтер. Я рада вернуться домой.

– Без багажа?

Хэдли устало прислонилась к стене лифта.

– Без багажа. Боюсь, это длинная история. Надеюсь, его завтра доставят.

Лифтер закрыл двери и запустил механизм.

– Вы намеренно пытаетесь меня заинтриговать, но я не настаиваю. А как студенты в университете? Им понравилась ваша лекция о египетских котах?

– Они внимательно слушали. – Те, кто не ушел и не уснул. Она знала, что не умеет вызывать интерес у аудитории. Коллега Джордж как-то сравнил ее речи с бухгалтерским панегириком. Хэдли понимала, что он прав: ведя семинары, она чувствовала себя неловко. Но если желает получить повышение и Джорджа, то публичные выступления – неизбежное зло, на которое она с радостью пойдет. Ей больше всего на свете хотелось занять отцовский пост главы департамента.

Однако общение со студентами колледжа в провинциальном университете вышло весьма однобоким. Ничего похожего на живое обсуждение, которое устроили они с Лоу. К ее огромному удивлению, Магнуссон-младший был не просто тупым охотником за сокровищами, который случайно наткнулся на джед. Лоу многое умел. Он мог читать иероглифы и даже обучился немного нуби у уроженцев Асуана на раскопе. Он рассказывал ей про рынок исторических книг в Александрии и расспрашивал о ее семинаре.

Он слушал. Задавал вопросы.

Спорил.

Пусть не соглашался со всеми ее теориями касательно инструментов погребения и плохо помнил династические даты, но был умен. И Хэдли редко встречались подобные ему люди, способные говорить просто и без претензий.

Лоу также лгал обо всем на свете. Хэдли чувствовала, что под показной беззаботностью скрывается виртуоз по увиливанию. За то время, что они провели вместе, о себе он почти не говорил.

Пока лифт поднимался, за дверцами сменялись номера этажей. Мистер Уолтер болтал о зимнем дожде, который не помешал устроить пьяную разудалую вечеринку в джентльменском клубе Пасифик-Юнион через дорогу. На девятом этаже он пожелал ей спокойной ночи.

На пороге Хэдли сняла пальто и наступила на конверт. Она взвесила его в ладони, опасаясь недобрых вестей.

– Миссис Дюрер?

Горничная не ответила.

Подходящий конец паршивого дня.

Стук ее каблучков по отполированному мрамору отдавался эхом от высоких стен просторной гостиной. Окна выходили на мерцающие огни отеля «Фэрмонт» – красивого здания, где всегда сновали люди. День и ночь в окрестностях слышался шум машин, иногда разбавляемый щелканьем канатной дороги.

В спальне, как и во всей квартире, стояло крайне мало мебели. Все было прикручено: кровать, тумбочка, кушетка. За полгода дүхи Хэдли выбили два окна, сломали три лампы и перевернули большой шкаф. Хэдли выяснила, что лучше не давать им повода для буйства.

Отец называл их Мори, дүхи смерти. Ее мать подхватила проклятие во время поездки в Египет и, умерев, передала дочери. Духов вызывали сильные негативные эмоции, дарующие им силы. Отец описывал их натуру понятием «теневые ловкачи».

«Ловкач» еще мягко сказано о дүхах, способных убить.

И единственный, кто стойко переносил ее негативное настроение – черный кот. Он

возлежал на шелковом покрывале и в знак приветствия вытянул длинные лапы, увидев, что хозяйка бросила сумочку на комод.

– Привет, Четвертый, – поздоровалась Хэдли, глядя мягкий живот. Кот ответил громким мурлыканьем.

В силу необычного проклятья ей не давали в детстве завести питомца из предосторожности. Бог знает, она бы не решилась подвергнуть опасности невинного, но Хэдли не искала Четвертого, а просто нашла его в кладовой после переезда сюда. И хоть пыталась его прогнать, кот все время возвращался, пока она не позволила упрямцу остаться.

Несколько месяцев назад он звался Третьим, пока Хэдли с отцом не поспорили: кот спрятался под креслом, которое дүхи превратили в щепки. И, как и первые два раза, когда ему досталось от духов, мурлыка сумел подняться и просто жить.

Есть поверье, что у котиков девять жизней. И раз ее питомец уже проживает четвертую по счету, у него в запасе есть еще пять. Он был странным чудом, этот кот.

Напоминал ее саму.

Пытаясь выкинуть мысли о Лоу из головы, Хэдли разделась и бросила в мусорное ведро порванное платье. Невероятно, что она провела прошлую ночь и полдня вместе с ним. Сейчас это казалось нереальным сном, или скорее ярким виденьем.

Вытянувшись на кровати с Четвертым, Хэдли поднесла найденный конверт к ночнику над изголовьем. В золотистом свете показались очертания ключа и письма. Она разорвала край конверта и выбросила содержимое на ладонь. Выпал ключ от ее квартиры. Металл охлаждал кожу.

Хэдли прочитала написанное от руки письмо ее последней прислуги:

«Мисс Бэкол... Благодарю, что Вы взяли меня на работу... Однако я должна уйти... Мои нервы на пределе. Ведь внутри Вас демоны... Невезение. Я буду молиться за Вас и Вашего демонического кота».

– И еще с одной горничной покончено, – обратилась она к Четвертому. – Считаешь, скатертью дорога? Как грубо. Однако миссис Дюрер особой вежливостью не отличалась и называла тебя демонским отродьем. Позвоним завтра в агентство и найдем кого-то менее религиозного.

Кот согласно замурлыкал.

Хэдли не сильно расстроилась из-за ухода прислуги, просто взглянула в окно, не замечая городских огней. Мысли снова вернулись к Лоу и его шумной семейке. Из окошка поезда она видела, как тепло его встретили, обнимали, улыбались и смеялись.

Никто не потрудился встретить ее. Отец, наверное, даже не вспомнил о приезде дочери. Жаль, что только лифтер и замечал ее отсутствие.

Нет, ей не жаль горничной, уволившейся по собственному желанию. Грустно только, что старуха оставила Хэдли одну в этом оживленном городе. Прискорбно, что ей чего-то так не достает. Не впервые ей захотелось возвращаться домой к кому-то теплому и разговорчивому.

К другому человеку.

Она вспомнила, что прошлой ночью прислушивалась к равномерному дыханию Лоу, лежавшему на другой койке. Как хорошо засыпать под этот звук.

Хэдли вцепилась в это воспоминание и свернулась калачиком в спальне пустой квартиры, в которой кроме нее был лишь кот.

Глава 4

После года скитаний по палаткам и грязным отелям Лоу обнаружил, что его любимая кровать на втором этаже семейного особняка в стиле королевы Анны совершенно не изменилась: все такая же роскошная, удобная и безопасная. К тому же личная ванная Лоу сияла чистотой, отполированный пол в комнате благоухал апельсиновым маслом, а все вещи остались на своих местах. Вдоволь наговорившись с семьей и слугами, – экономка Грета оплакала потерю мизинца младшего Магнуссона и накормила шведским гравлаксом (особо приготовленным лососем) и картошкой с укропом, – наутро Лоу почувствовал беспокойство.

Может, дело в сообщении Уинтера о Монке Моралесе или в чертовом амулете, который, фигурально выражаясь, жег душу. Надо поскорее спрятать находку в безопасном месте, а до этого показать вещицу Арчибальду Бэколу. Возможно, ему она так понравится, что он увеличит предложенную сумму в три, а то и в четыре раза.

Вероятно, у доктора Бэкола ему удастся снова повидаться с Хэдли. После того, как она ушла со станции, в его же интересах избегать девицу. Так почему же он все еще думает о ней?

Рано утром железнодорожная компания прислала его багаж. Лоу перерыл вещи в поисках подарков, привезенных из Египта, оделся в свежевыглаженный костюм и нацепил галстук. Это была самая чистая одежда, которую он носил за последние месяцы. Однако старые привычки сложно искоренить, поэтому Магнуссон-младший заправил штаны в коричневые кожаные сапоги до колен и не стал возиться с подтяжками, ограничившись ремнем. Удобнее, да и есть куда сунуть изогнутый кинжал. Лоу никогда бы не признался Уинтеру, но после стычки с бандитами в Солт-Лейк-Сити не собирался разгуливать по городу без защиты. Убедившись, что короткое пальто прикрывает оружие, он вышел из дома.

– О, Лулу, детка, – ласково обратился Лоу к мотоциклу цвета индийского красного мака, блестящему в полуденном солнце. Боже, как ему не хватало своей любимицы! Да, бросается в глаза, но одновременно такой маленький и маневренный, что пройдет там, где застрянет большой автомобиль.

Лоу поправил топливный краник, убрал тормозную подпорку, завел мотоцикл, и тот загрохотал. Великолепно. Он натянул край любимой коричневой шляпы с тульей с рисунком елочкой, объехал лимузин Уинтера и на скорости вылетел за ворота. Сладкая свобода! Все исчезло, кроме Лулу и дороги.

Лоу ехал, заново изучая городские крутые холмы и вид на блестящий залив; настоящий оазис после тюремного заключения, которое провел, копая под палящим египетским солнцем. Он вернулся домой и не собирался уже никогда уезжать. Лоу повторял это обещание знакомым зданиям, пока не исколесил деловой район вдоль и поперек.

Не заметив хвоста, Лоу заглянул к любимому цирюльнику, чтобы сбрить колючие усы, подстричь и уложить по моде выжженные на солнце локоны. Теперь Астрид перестанет его доставать.

Чувствуя легкость, он зигзагом проехал по юго-восточному району Пасифик-Хайтс мимо кладбища Лорел-Хилл в парк Золотые ворота. Музей де Янг стоял на зеленых лужайках и был обсажен пальмами. Множество людей впитывали солнце перед зданием с фасадом в стиле испанского платереско. Лоу быстро подъехал по боковой дорожке к служебным кабинетам.

В помещении, обшитом мрачными деревянными панелями, сидела симпатичная рыжеволосая секретарша.

– Здравствуйте, сэр, – поздоровалась она, ослепительно улыбаясь и жуя жвачку. – Чем я могу вам помочь?

– Мистер Магнуссон к доктору Бэколу. – Лоу протянул свою визитку, и девушка ушла доложить о его приходе. Через несколько минут она вернулась и повела его по узкому коридору мимо нескольких закрытых дверей к одному из кабинетов в задней части музея.

В затхлой комнате вдоль стен громоздились забитые книгами шкафы и многочисленные ящики, а на углу стола для совещаний стопки документов. Лоу заметил всколыхнувшиеся пылинки. В полосе света сидел худой пожилой мужчина, склонившийся над столом. Хозяин кабинета выглядел так, что краше в гроб кладут, словно через пару минут он превратится в прах, и ветер вынесет его останки за окно.

– Доктор Бэкол... – обратилась к нему рыжая.

– Лоу Магнуссон? – ответил он и повернулся к гостю, но так его и не увидел. Глаза старика оказались до жути пустыми. Белыми как у альбиноса, без радужки и с едва заметными зрачками.

Доктор Бэкол был слеп.

Боже милостивый. Какого черта с ним случилось?

Лоу прокашлялся.

– А, да, сэр, приятно с вами познакомиться.

– Заходите, заходите. Извините, в последнее время мне трудно передвигаться. – Он поднял голову и обратился к секретарше: – Мисс Тилли, усадите гостя и закройте дверь, пожалуйста. У нас личный разговор, не мешайте.

Как только дверь закрылась, Лоу снял шляпу и принялся изучать старика. Обвислая кожа, хрупкие кости, облысение, возрастная пигментация. Лоу видел недавно фотографии ученого в журналах по археологии, и у него были все волосы, Бэколу на них не дашь и пятидесяти.

– Я рад наконец встретиться с вами после всей переписки, – сказал доктор Бэкол частично с британским, частично с благородным американским акцентом. Последний очень напоминал манеру речи Хэдли. Если Лоу не изменяет память, его собеседник происходил из титулованной английской семьи. Он женился на наследнице золотых приисков после того, как переехал сюда за океан.

– Я тоже.

А мог ли Бэкол видеть хоть что-то? Лоу помахал рукой в воздухе, но старик устоялся в противоположный конец комнаты.

– Однако какой уголок вы обнаружили у храма на острове Филы. Трудно поверить, что туда стекались за последние пару десятков лет столько ученых и туристов, и никто не нашел затопленный вход в тайник.

Лоу снял перчатки и сунул их в карманы пальто.

– Просто у меня получилось расшифровать код на храмовых стенах, что и привело в тайную комнату. Всего лишь повезло.

– Я не верю в везение. Вы отлично умеете решать головоломки и находить спрятанное. Хорошие ученые стоят на вес золота. Сегодня целая дюжина умников собралась тут. Они умеют обсуждать теорию и находить новое, сидя за столом, но не станут пачкать руки. А вот вы – совсем другое дело: образованный охотник за сокровищами с опытом полевой практики и к тому же с мозгами, способными расшифровать загадки. Вас недооценивают.

– Благодарю, сэр.

Снобы из высшего общества, вроде Бэкола, вовсе не уважали таких как Лоу. Возможно, старик пытается его умаслить и сбить цену. Его дочь читать было куда проще.

Зазвонил телефон.

– Я же сказал не прерывать, – пробурчал старик. – Извините, я на минутку.

Лоу откинулся в кресле в ожидании, пока Бэкол закончит разговор. Через несколько секунд раздался стук, и дверь в углу распахнулась. Вошла знакомая стройная фигура, со стопкой папок до носа.

В черной юбке-карандаш, сером свитере и с ожерельем шлифованных черных бусинок, свисающим до талии, Хэдли напоминала больше сотрудницу бюро ритуальных услуг, а не богатую посетительницу похорон.

С фырканьем она опустила документы на стол и попыталась поправить покосившуюся стопку. Она остановилась и вздернула подбородок, будто принюхиваясь, затем так резко повернулась к Лоу, что ожерелье взлетело.

Он улыбнулся. Трудно сказать, испытала ли Хэдли изумление или недовольство, но что бы ни было, ее рука соскользнула с папок. Половина документов накренилась и попадала на пол, как осенние листья.

Лоу вскочил, чтобы помочь.

– Занятно тебя здесь увидеть, – тихо сказал он, поправляя оставшиеся на столе документы. – Ты сегодня запрыгивала на какой-нибудь поезд?

– Прошу, не при отце, – прошептала она, оглядываясь через плечо на все еще говорившего по телефону ученого.

– Ты о прыжке на платформу, о разорванном платье или о совместно проведенной ночи?

– Мы лишь познакомились в вагоне-ресторане первого класса и ничем иным не занимались.

– Ну надо же! Ты соврала папочке!

Она сердито зыркнула на него, желая выцарапать глаза.

– Даю слово, – ставя невидимый крест на сердце, поклялся Лоу.

– Цена твоему слову – грош в базарный день.

– Уф! – Он склонился, помогая Хэдли собирать бумаги. – У меня такое впечатление, что мне не рады.

– Ты прав.

Несмотря на недовольство Хэдли, Лоу, если бы ее не знал, подумал, что она флиртует. Странная искорка согрела его грудь.

– И только подумать: вчера утром я проснулся и увидел тебя взъерошенной после сна.

– Да тише ты! – прошипела она, снова оглядываясь на отца.

– Если ты солгала старику, что же ты наплела своему парню? – У нее не было кольца, она не говорила о другом мужчине прошлой ночью, но она вообще распиналась больше всего о пыльных мумиях. Возможно, Хэдли встречается с каким-то ученым пижоном из высшего общества.

Она слегка покраснела, но так и не подняла глаз.

– Ты пришел портить мне жизнь?

– Я пришел опустошить банковский счет твоего отца, остальное – приятное дополнение.

– Кажется, ты впервые сказал правду.

– Только не бери в голову.

– У меня в мыслях только вон тот член, – сказала она, взглядом указывая на стену.

Лоу застыл.

– Прошу прощения?

– Я спешу.

Он задумался и через пару минут до него дошло:

– Ты про гобелен?

– Я так и сказала. – Но она соврала, ведь мельком глянула на его пах. Лоу сначала было решил, что ему показалось, пока не увидел пунцовый румянец на ее щеках и шее.

– Я-я про г-гобелен, – Хэдли запнулась и прошептала себе под нос: – Боже!

Так, так, так. И когда он в последний раз слышал подобное от женщины? А было ли такое? Хэдли Бэкол, горящая желанием к... гобелену.

Лоу сомневался, что ей есть куда краснеть и даже немного пожалел ее. Лучше сменить тему, как бы ему не хотелось обратного. Он сложил бумаги, давая ей возможность прийти в себя.

– Эй, вот эта не рассыпалась. – Передавая папку, Лоу задел пальцами поврежденной руки ладонь Хэдли, которая так отшатнулась, будто опасалась заразиться чумой.

Обида застала Лоу врасплох. Он привык к взглядам, но неужели его увечье вызывает отвращение и у Хэдли?

Она кашлянула и указала на его кисть.

– Поверь, дело совсем не в этом. Пожалуйста.

И посмотрела ему в глаза.

Ее искреннее признание пробрало его до глубины души и по какой-то странной причине обрадовало. Почему? Будто эта минута растянулась между ними и превратилась в мостик. Хрупкая, небезопасная опора, которую Лоу все равно попробовал перейти. Странное удовольствие заставило его наклониться ближе.

– Ты о чем? – прошептал он, сдувая блестящую прядь волос цвета вороного крыла с ее ушка. – Чего ты хочешь, Хэдли?

– Я хочу, чтобы ты сел и молчал, – сдержанно ответила она.

Ну что ж.

Нельзя перейти мостик, если тебя с него сталкивают. Лоу оставил Хэдли на полу с документами и устроился в кресле, не зная, почему послушался. Бэкол все еще разговаривал по телефону.

Подергивая коленом от волнения, Лоу попытался отвлечься на что-то другое. В шкафах множество книг с названиями сүше, чем Сахара. Вот птичка села на ветку у окна... потертый телефонный шнур. Его внимание привлек шепот «раз, два, три». Хэдли тихонько считала себе под нос, подбирая папки с пола.

Лоу резко втянул воздух.

Всего в паре метров от него находилось такое. Как он мог забыть? Стоило Хэдли нагнуться, как он представил ее ягодицы во всей красе. Край юбки задрался на пару-тройку сантиметров.

Если бы на карнавальной афише нарисовали развратный портрет Хэдли, то надпись бы гласила: «Приходите посмотреть на женщину с самой округлой соблазнительной попой в мире!» Бродячие артисты могли бы брать любую цену со всех, кто хотел бы заглянуть в

темную палатку, а Лоу отдал бы все заработанные деньги, чтобы остаться с ней наедине на пять минут.

Она наклоняется, берет документ, выпрямляется и оставляет его на столе.

Все ради него, прямо перед ним! Искушение, словно официант ресторана несет фламбе с вишней. Только вместо слюнок во рту, Лоу почувствовал стеснение в штанах. Он поерзал и бросил мимолетный взгляд на отца Хэдли. Боже милостивый, только бы он был совершенно слеп.

Наклоняется. Выпрямляется.

О, что бы он дал, чтобы перегнуть ее через стол, задрать юбку и узнать, есть ли на ней цветное белье. Вместо павлиньих перьев он представил пылающие вишенки. Вот он встает позади нее на колени и вонзает зубы в одну из округлых ягодиц.

Капельки пота выступили у него на лбу. Не стоит возбуждаться в присутствии отца желанной женщины. Нельзя, нельзя, нельзя. Он передвинул шляпу на коленях повыше, чтобы прикрыть, пах и снова посмотрел на названия книг. Сухих, скучных, ученых фолиантов про древнюю фаянсовую глазурь и севооборот в XV веке. О, вот... и отец Хэдли закончил разговор.

Слава богу!

– Простите, что прервался, – извинился доктор Бэкол, сжав телефон в виде подсвечника и на ощупь находя крючок для трубки. – Хэдли, это ты?

– Да, папа.

– Все в порядке?

– Я уронила пару документов по экспонатам, прости.

– Не расстраивайся. – Ее отец говорил как-то странно, будто укоризненно.

– Это не... ничего, я в порядке.

– Хорошо, хорошо, моя милая девочка, – хозяин кабинета говорил с Хэдли, будто с испуганной лошастью.

Лоу переводил взгляд с отца на дочь, чувствуя, что чего-то не понимает.

– Мне пора работать, – вдруг выпалила Хэдли и поспешила туда, откуда пришла.

– Был рад снова с вами встретиться, мисс Бэкол, – воскликнул Лоу. – И с удовольствием наблюдал за вашей работой. Надеюсь, вы не станете разглядывать гобелен до вечера.

Ему медаль положена за сдержанность.

На ее лице промелькнуло выражение ужаса, но она не покраснела и ничего не сказала. Вместо этого обратилась к отцу:

– У него с собой основание амулета джед.

– Спасибо, дорогая. И больше не прерывай нас, пожалуйста.

Лоу попытался посмотреть ей в глаза, но она вышла, хлопнув дверью.

– Вы уже знаете, что Хэдли чувствует исходящую от амулета силу? – спросил Бэкол, когда затих стук каблучков. – Она рассказала, когда вы познакомились в Солт-Лейк-Сити?

– Да, – осторожно ответил Лоу. – Вы хотите... – «посмотреть на амулет?» не совсем та фраза, которую говорят слепому.

– Нет, нет, нет. Я доверяю дочери.

– И вы все еще желаете его купить?

– Конечно. У вас есть при себе документы на находку?

– Они на пути из Египта, – легко соврал Лоу. – Через месяц все будет готово. Я еще не

обналичил ваш чек, но...

– Обналичьте. Вам нужно подписать вот этот контракт. И если вы сможете спрятать амулет в безопасном месте, тем лучше для меня. Но вы должны его хорошо охранять. Есть люди, готовые убить, чтобы добраться до него. Надеюсь, вы не станете хранить его дома. Таким образом вы только напроситесь на ограбление. Банковская ячейка – не выход. Его нужно скрыть как можно лучше.

– Не волнуйтесь.

– Да, уверен, ваша семья умеет прятать товары. Как же иначе, учитывая промысел вашего брата.

– Согласен.

– Вы удовлетворены предложенной суммой?

– Мне поступали предложения получше.

Точнее, он рассчитывал на большее, если правильно разыграет карты.

– Я так и думал. Деньги не проблема. Назначайте справедливую цену. Однако у меня к вам предложение, связанное с амулетом, за которое я готов заплатить намного больше. И полагаю, оно вам по силам.

– Я весь внимание.

Доктор Бэкол откинулся в кресле.

– Прежде я занимался раскопками в Египте каждый год. Половина музейной коллекции по Египту найдена мной лично.

– Знаю.

– А если я признаюсь, что нашел четыре пропавших перекладыны джеда много лет назад?

Лоу застыл. Бэкол не шутит? Часть амулета – одно, но целый? Он будет стоить... намного больше.

– Если это так...

– Почему я их не продал? Во-первых, амулет имеет для меня особое значение. А вторая причина связана с тем, для чего я желаю вас нанять. Четыре перекладыны находятся в городе. По крайней мере, я так думаю. Просто не знаю, где именно.

– Я вас не совсем понимаю.

Доктор Бэкол нащупал золотой портсигар и с усилием вытащил сигарету. Смотреть на беднягу было больно, так что Лоу предложил зажечь спичку.

– Благодарю, – пробурчал ученый и затянулся. – В молодости мы с партнером пережили в Каире кое-что мистическое. Не буду наскучивать подробностями...

– Я редко скучаю.

– Достаточно сказать, что после этого мы стали врагами. Не такими, кто пререкается по мелочам в кабинете, а которые почти все свободное время посвящают планам убийства друг друга.

Вот так-так.

– Если делать что-то, то на совесть.

– Мистер Магнуссон, мой рассказ не повод для шуток.

Ворчливый старый ублюдок.

– Прошу прощения, продолжайте.

Бэкол сделал затяжку.

– Когда мы дружили, то много времени провели в поисках мифических предметов. И

знаменитый позвоночник Осириса был одним из них. Одержимость творит странные дела с разумом, и я собирался во что бы то ни стало превзойти своего партнера.

– И вы принялись искать этот амулет.

– Чем и занимался многие годы. Я очень расстроился, узнав, что его разделили в амарнский период. Представьте себе, найти то, части чего были разбросаны по всему Египту почти три тысячи лет назад.

– Но вы его нашли?

– Я потратил целое состояние на раскопки, но обнаружил все в одном месте. Не в могиле, не в храме, не на раскопках, а в руках богатого английского графа, который купил их у расхитителей могил в 1879 году.

– А.

– Да, не такой победы жаждет молодой археолог, но мне было плевать. Я отдал этому графу большую часть состояния моей жены, чтобы их получить. А потом возникла проблема.

– У вас не было основания амулета.

– Это одна из проблем. Но в то время я верил, что со временем ее найду. А основная состояла в том, что до моего напарника дошли слухи о перекладах. И я не мог рисковать, что он украдет их у меня до того, как я отыщу последнюю часть. Было слишком опасно хранить их при себе, так что я отправил ценную посылку на корабле жене.

Лоу скрестил ноги.

– Вашей покойной жене.

– В то время моя супруга была жива. Шел 1906 год. У меня имелась зацепка о местонахождении основания, которая оказалась ложной. В тот момент я этого не знал, поэтому отправился в Каир и наказал жене спрятать перекладыны в нашем доме. Она их схоронила в Сан-Франциско. У меня осталось несколько телеграмм, в которых она пояснила, что желает покончить с моей одержимостью этим амулетом и попытается зачем-то помирить меня с партнером. Она попыталась уничтожить части амулета и сказала, что это золото в огне не горит.

Удивительно.

– Значит, она спрятала их в разных уголках города?

– Так и было. Она их скрыла, написала зашифрованную карту и ее тоже припрятала. В последней телеграмме заявила, что никто не найдет ни карту, ни части амулета, пока я не помирюсь с партнером. Я не успел вернуться домой и вправить ей мозги, как произошло землетрясение. Вера погибла.

– Мои соболезнования.

– Прошло больше двадцати лет, но мне ее все также не хватает. – Бэкол нежно улыбнулся. – Теперь меня не удивляет, что жена спрятала части амулета. Она всегда любила головоломки и прекрасно умела их расшифровывать. В этом она была немного похожа на вас.

Лоу тяжело выдохнул.

– Вы хотите, чтобы я расшифровал код вашей жены?

– Да, а также найдите, где она спрятала части амулета. Устройте охоту за сокровищами в Сан-Франциско. Если отыщите их все и передадите мне вместе с основанием, которое уже обнаружили, я выпишу вам чек на сотню тысяч долларов.

Сотня тысяч! Этого хватит покрыть долг Монку и еще с лихвой останется. Знакомый

восторг от возможности отыскать сокровище и обещания, что удача опять повернулась к нему лицом, заставил его сердце заколотиться.

– А в чем подвох?

В таких делах всегда должен быть подвох. Всегда, всегда, всегда.

Старик откинулся в кресле.

– Подвох в том, что вам придется поговорить с моей покойной женой, чтобы выяснить, где она припрятала карту.

Глава 5

Лоу изумленно уставился на слепца.

– Вы хотите, чтобы я?...

– Мне сообщили, что ваша невестка – настоящий медиум.

Брат и сестра рассказывали, что Аида вызывала духов на сцене одного из «тихий» баров Норт-Бич – клуба «Гри-гри». Там она и познакомилась с Уинтером. Теперь невестка работала в Чайна-тауне, проводя частные сеансы и экзорцизмы в своем заведении.

Верил ли Лоу в ее способности? У него не было повода сомневаться. Увидь он собственными глазами, то явно выбрал бы положительный ответ. Лоу сам ощущал странности, одна из которых – необъяснимая сила амулета.

– Начните с того, что ваша невестка вызовет дух моей жены. Вы спросите ее о карте, – посоветовал Бэкол.

– А почему бы вам самому с ней не поговорить?

– Она не открыла мне тайну при жизни, поэтому сильно сомневаюсь, что признается теперь.

– А как же ваша дочь?

– Я совершенно не хочу втягивать в это Хэдли. Если примете мое предложение, я скажу ей, что вы ищите моих старых друзей. Ей совсем не надо знать про предательство матери.

– То есть о том, что ее мать скрыла от вас части амулета?

Бэкол помолчал и продолжил:

– Да. Хэдли достаточно знать, что я покупаю у вас основание амулета. Это не обсуждается, конец истории.

Ну что ж, видно, доктор Бэкол не доверяет своим родным. Хотя имел ли Лоу право судить о чужой скрытности? Особенно человека, готового ему заплатить?

– Я предлагаю очень щедрую сумму. В два раза больше, чем за проданную в прошлом году александрийскую стелу. Готов поспорить, не найдется ни музея, ни коллекционера, который бы дал вам такую цену. И я предлагаю кое-что в придачу.

– И что же?

– В связи с ухудшающимся здоровьем я скоро слагаю с себя полномочия. Через месяц совет попечителей выберет моего преемника. Если вы найдете спрятанные части амулета, я с удовольствием прослежу, чтобы вы стали единственным кандидатом на мое место. Зарплата отличная, должность дает право оплачивать раскопки, если вы все еще захотите продолжать заниматься полевой работой. А если нет... Вас ждет хорошо оплачиваемый канцелярский пост с небольшим статусом.

Очень даже статусный пост. Лоу манила возможность больше не отправляться на раскопки в унылую пустыню. Но и ежедневно торчать лишь в кабинете ему не улыбалось.

– Подумайте над моим предложением, – сказал Бэкол. – Директор устраивает на

выходных ежегодную вечеринку «Друзья нашего музея». Вдова Джеймса Флада принимает гостей в своем особняке на Бродвее – всего в нескольких кварталах от дома вашей семьи.

– Да, я знаю, где это.

Лоу постоянно проезжал мимо мраморного дворца Флада.

– На ужине фрак обязателен, будет оркестр. Прекрасная возможность пообщаться со спонсорами и теми, кто поспособствует вашей карьере. Я достану вам приглашение.

Лоу посмотрел на дверь, которой хлопнула Хэдли, думая, придет ли она на эту вечеринку. Ему надо бы перестать фантазировать об эротических карнавальных афишах, и ее страсти к гобеленам, и сосредоточиться на выяснении, с чего это ее папаша предлагает ему целое состояние на блюде с голубой каемочкой.

Ведь в таком деле всегда есть какой-нибудь подвох.

Хэдли смотрела в окно отцовского кабинета, как Лоу оживленно болтает с садовником. Расточает улыбки и смех. Неужели он по-дружески общается с любым незнакомцем, попавшемся ему на пути?

– Все хорошо, моя дорогая? – спросил отец и включил радио на столе.

Не считая той унижительной сцены? Нет, не все хорошо. Боже, что ее дернуло... это сказать?

– Я просто смотрю, какая погода на улице.

– Скоро дождь, я чувствую боль в коленях.

– Мистер Магнуссон забрал амулет с собой?

Она больше его не чувствовала, значит забрал.

– Он сохранит его, пока из Египта не придут документы.

Отец покрутил колесико радио, стараясь улучшить сигнал, пока не был удовлетворен чистотой музыки – старомодной мелодии регтайма.

– А как ему удалось вывезти находку из страны без документов?

– Хм. Понятия не имею. Его дядя любому зубы заговорит. Вся семья состоит из преступников и мошенников.

– Тогда почему ты ему доверяешь?

– Потому, что я сделал ему предложение, от которого не отказываются, а такие люди, как Магнуссон, продают свою преданность тому, кто больше заплатит.

Хэдли отодвинула штору, чтобы получше рассмотреть Лоу. Он приветственно приподнял шляпу перед старой ворчливой миссис Беккет, которая, входя в здание, лишь взглянула ему в лицо и сразу так заулыбалась, будто Лоу – Святой Петр, а она стремится обманом попасть в рай.

– А что ты сделаешь с амулетом? Отдашь музею?

– Еще не знаю.

Явная ложь. Когда папа впервые настоял, чтобы Хэдли встретила Лоу на станции, он утверждал, что в молодости пытался найти реликвию самостоятельно, и что всю жизнь мечтал наконец завладеть амулетом. Он не пошел бы на все эти трудности, не будь у него планов.

– Кстати, я пригласил мистера Магнуссона в выходные на вечеринку. Попрошу мисс Тилли его сопровождать.

У Хэдли сердце сжалось.

– А ему она понравилась?

Мисс Тилли красотка. Кому бы она не понравилась?

Кому, в самом деле. Хэдли не понимала причину своих переживаний. Лоу пару раз грубовато польстил ей, прикоснулся к ее руке, и теперь мозг посылает собственнические сигналы сердцу? Нелепо.

– Вот уж не думала, что ты решишься подложить свою любимую секретаршу как проститутку.

– Не груби, Хэдли. Ревность тебе не идет.

– Я не ревную.

Но она действительно по-дурацки ревновала. И прежде чем успела сдержать свои эмоции, духи Мори подсмотрели ее мысли и встрепенулись, чтобы по-детски столкнуть радио со стола. При ударе об пол раздался треск статики.

Отец подпрыгнул.

– Что это было?

– Я задела радио. Ничего страшного, – сказала Хэдли, быстро подхватывая приемник и про себя считая. Она подкрутила колесико, чтобы снова найти нужную станцию.

Старик расслабился.

– Просто не хочу терять Магнуссона из вида, пока не приобрету амулет, а мисс Тилли представит его всем кураторам. Не думаю, что она будет возражать. Она упомянула, что он высок и своеобразно красив.

О, да неужели? То есть так своеобразно секретарша тактично описала сломанный нос красавца? Если честно, Хэдли удивилась, что он побрился и пришел в приличном костюме, хотя его коричневые сапоги до колен чересчур бросались в глаза. Будто Лоу готов к службе в кавалерии или верхом выехать на охоту.

И почему о внешности Лоу папа спросил мнение секретаря, а не Хэдли? Ну как всегда. Иногда ей казалось, что он все еще считает ее десятилетней девочкой. Как бы его шокировало, что Лоу прижимался к ее белью.

«Хэдли, чего ты хочешь?»

Она в последний раз выглянула в окно. Лоу уже закончил болтать и теперь шел к ярко-красному мотоциклу. Почему это ее не удивляет? Все-таки она не ошиблась, и эти сапоги подходили для механического коня. Стекло закрытого окна задребезжало от рева заведенного мотоцикла.

Он натянул шлем и наступил на подножку. Боже, какая у него превосходная фигура. Просто потрясающая. От Лоу у нее дух захватывало. Самую малость.

А, может, и сильнее.

Потому что, когда он выехал со стоянки, Хэдли потянуло вслед.

Как бы ей хотелось оказаться на этом мотоцикле, уносясь прочь за спиной Лоу.

Из музея Лоу ехал закоулками к Филмор и припарковал Лулу в укромном уголке. Со времен Великого пожара в этих окрестностях жили семьи разных иммигрантов из рабочего класса. Первые десять лет Лоу прожил здесь же в многоквартирном доме, пока из-за отцовского рыболовного промысла его семья не переехала поближе к Эмбаркадеро.

Он ехал в самое сердце еврейской общины; здесь дела вели по большей части евреи из России и Восточной Европы. Миновав еврейскую школу, двух кошерных мясников и несколько табачных лавок, он спрятался в нише кинотеатра и постоял в тени билетной кассы, на всякий случай.

Никто за ним не следил.

Чудесный запах свежего хлеба доносился из «Булочной Ваксмана». Лоу подошел к

обочине и собрался перейти улицу, по которой то и дело носились машины. Если вдруг один из подручных Монка следил за ним, то засек, как он зашел в музей, и решил бы, что амулет остался там. Лоу пытался расслабиться, но мыслями все время возвращался к Хэдли, отвлекаясь от дороги.

Краем глаза он заметил желтое пятно у продуктовой лавки, которая находилась по диагонали на другой стороне улицы. Лоу повернул голову и узрел Стеллу Голдберг в платье цвета лютиков, идущую вприпрыжку по тротуару.

На мгновение он улыбнулся круглолицей четырехлетней девочке, молча бегущей ему навстречу. А потом поднял голову и увидел препятствие на пути малышки.

По стене здания на шкивах и веревках рабочие тянули промышленный вентилятор. Квадратная штукавина размером с бампер, судя по тому, как напряглись работяги, была очень тяжелой. Поблизости стоял бригадир, контролирующий процесс, и покрикивал на еще одного рабочего на крыше.

Тут главный заметил Стеллу и приказал ей остановиться.

Но в силу глухоты девочка его не слышала.

Она решительно прошла под феном, висевшим на веревках всего лишь этажом выше, не замечая ни опасности, ни рабочих, в спешке споткнулась о ногу одного из них и рухнула лицом вниз на тротуар.

Прерывистый крик эхом отразился от здания.

Мужчина, о которого малышка споткнулась, потерял равновесие. Веревка выскользнула у него из рук. Фен пролетел несколько ярдов, его тень все увеличивалась над тельцем Стеллы.

Лоу бросился через дорогу, ничего не слыша, кроме биения крови. Только длинные ноги помогли ему в последнюю секунду проскользнуть перед «Фордом Ти». Одним прыжком Лоу оказался на тротуаре. Бригадир схватил упущенную веревку.

Шкивы закрипели.

Кто-то кричал.

Лоу, не поднимая головы, подхватил малышку, как раз, когда фен рухнул... остановившись в нескольких сантиметрах над землей. Девочку чуть не раздавило.

С горящими легкими Лоу прижал ребенка к груди – мячик в желтых оборочках, с темными кудряшками и хрупкими ножками и ручками. Она обхватила спасителя за шею. Сердечко Стеллы билось как у колибри.

– Я с тобой, я с тобой, – убеждал Лоу, прижимаясь к ее голове, чтобы Стелла почувствовала его слова.

Она вдруг перестала плакать, будто внутри щелкнул выключатель.

Из ближайшей лавки, отчаянно голося, высыпала толпа женщин. Стелла отвела мокрое в слезах лицо от плеча Лоу и забеспокоилась, заметив, что творится вокруг.

Лоу поднял руку, привлекая внимание зевак.

– Девочка в порядке, не пугайте ее.

Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

– Милая, ты была на волоске. Этот барьер чуть не стал для тебя последним.

Стелла улыбнулась, сверкнув зубами.

– Вот так, все отлично.

Рабочие опустили фен на тротуар с таким грохотом, что под ногами содрогнулась земля. Лоу прижал Стеллу к правому бедру и обошел махину.

– Ты узнала farbror (швед. яз. «дядя») Лоу, которого не было шесть месяцев. Умница. А теперь поищем твоего папу, пока эти мужчины снова не упустили чертову штуковину.

– Из-за этого ребенка мой человек чуть не пострадал, – закричал бригадир, чьи подчиненные в молчании смотрели на Лоу с малышкой. – Вам повезло, что мы не уронили фен, иначе пришлось бы оплатить ремонт.

Лоу ради Стеллы сохранял спокойное выражение лица и натянуто улыбнулся, процедив:

– Это вам повезло: я ведь мог разбить ваше лицо в кровь, сломать обе ноги, а потом вызвать семейного адвоката, чтобы подать иск против вашей компании за халатность.

– Вы понимаете...

Стелла что-то неясно хмыкнула и посмотрела на «Продуктовую лавку Диллера», откуда в панике вылетел ее отец.

– Стелла!

– А вот и папа, – сказал Лоу и в последний раз бросил злобный взгляд на бригадира.

– Лоу, слава богу! – Адам Голдберг встретил их на полпути. – Я отвернулся на секунду. Что случилось? – Он оглядел происходящее на тротуаре и нахмурился.

– Ничего, что не исправить горячей водой и мазью. – Лоу разжал одну из хрупких ладошек Стеллы.

– Больно, ja? – спросил он, похлопывая по пальцам.

Стелла пошевелила кистью и кивнула.

Адам забрал дочь у Лоу, тихонько вознеся молитву. Осмотрел коленки малышки, понурился, а потом у него вырвался смешок, выдав облегчение и страх. Подобную реакцию Лоу уже раз сто наблюдал у старого друга.

– Ты так загорел в пустыне, – сказал Адам. – Вижу, еще и пальца лишился. Хочешь рассказать?

– Вряд ли.

– Ну ладно. Ты голоден?

– Умираю с голоду.

– Вот и тайная встреча. Пойдем.

Ароматы солонины, куриного бульона и укропа донеслись до них, стоило переступить порог продуктовой лавки. Консервы и хлеб продавались в одном уголке, холодные продукты находились на холодильном прилавке, а горячие блюда готовили в кухоньке в задней части. У прилавка на доске был нацарапан краткий перечень предлагаемых блюд.

Адам устроил Стеллу на одном из четырех столов у окон и отряхнул ее испачканное платье, а Лоу порылся в сумке и вытащил заводную игрушку, за которую он торговался на рынке в Каире. С театральным поклоном он протянул Стелле черную кошку.

– Ну как тебе? Вот, держи, ее нужно заводить вот так, – он продемонстрировал и положил игрушку на стол. Она крутилась и шаталась, помахивая хвостом вверх-вниз.

Стелла радостно фыркнула, пытаясь коснуться двигающейся кошки. Получилось. Лоу никогда не мог сказать наверняка. Стелла отказывалась от половины его подарков.

– Она выросла на тридцать сантиметров, пока я был в отъезде.

Адам пригладил ее челку.

– И в последнее время нахальства в ней в два раза больше.

Пожилая женщина за прилавком улыбнулась им.

Адам кивком поздоровался и сказал Стелле:

– Отнеси ее миссис Беркович. Как только умоешься, сможешь поиграть. – Знаками он показал слово «мыться» и указал на продавщицу. Стелла схватила игрушку, и миссис Беркович увела малышку в подсобку.

– В такое время я думаю, что у Мириам получилось бы куда лучше, – печально сказал Адам, глядя вслед дочери.

Его жена умерла от гриппа через год после рождения Стеллы, почти три года назад. Они трое дружили с детства. Смерть супруги стала для Адама ударом. Это случилось за пару месяцев до аварии, в которой погибли родители Лоу, так что друзья горевали вместе. Но хоть Лоу и мог сказать, что в основном примирился со смертью родителей, Адам так и не оправился от потери Мириам. Лоу опасался, что друг никогда не придет в себя.

– Я тебе тысячу раз говорил, что ты ничего не потеряешь, если наймешь няню.

– А я тебе пару тысяч раз повторял, что не приму подачку от Магнуссонов. Я – часовщик, а не бутлегер. Кручусь, как могу.

– Ты гениальный мастер по металлу. И если мы сможем это повернуть, то заработаем столько, что именно ты будешь раздавать подачки.

– И это я от тебя слышал тысячу раз, – сказал друг, улыбаясь уголками губ.

– Мы неплохо заработали, продав подделку статуи крокодила.

Ничего, что дядюшка Лоу неправильно оформил бумаги, и то, что теперь Монк мечтал получить голову Магнуссона-младшего. Адам тут не причем.

– И я потратил все деньги, расплачиваясь с долгами родственников Стеллы.

– Ты благороднее меня, Голдберг.

Адем шутливо хлопнул друга по руке.

– Скажи мне то, чего я не знаю.

Как только миссис Беркович принесла миски с горячим супом, свежий хлеб и малосольные огурчики из больших деревянных бочек у прилавка, Лоу вытащил основание амулета. Странная вибрация, исходившая от вещицы, стала еще сильнее, стоило ее развернуть.

– Взгляни.

Адам в восторге присвистнул.

– Это он?

– Что думаешь? Сможешь сделать? – Лоу посмотрел на Стеллу, игравшую с заводной кошкой. Кажется, она не «слышала» амулет, может и к лучшему. Адам тоже ничего не сказал.

– Можно? – спросил он, вытаскивая очки для ювелиров с дополнительными увеличительными линзами.

– Конечно. Я не могу к ней прикоснуться, у меня от нее мурашки.

Адам повертел вещицу в руках и присмотрелся.

– Такой же странный красноватый оттенок золота, что и в статуе крокодила, но совсем другой способ его нанесения.

– Эта вещь на тысячу лет древнее и из другого региона. Присмотрись к отверстию в верхней части. – Лоу вытащил черную записную книжку и грубо нарисовал конечный вид амулета с четырьмя перекладинами наверху. Во всяком случае так ему это представлялось, на основании знаменитых описаний и других колонн джедов, изображенных на керамике и драгоценностях того же периода. – Его оценила хранительница музея де Янга – дочь главы

департамента антиквариата.

– Это та женщина, что предложила его купить?

– Та самая. Я только что с ней виделся. – Лоу постучал пальцами по столу и почувствовал взгляд друга.

– То есть, я встречался с ее отцом. И она там была.

Адам хмыкнул, будто одновременно забавляясь и осуждая.

– Приятно провел время?

– С ее отцом?

– Да пошел ты.

– Значит, с Хэдли.

– О, Хэдли, – протянул Адам. – Ты дома всего день, а уже обращаешься к ней по имени? Черт побери тебя, твой высокий рост викинга и твою лживую улыбку. Как эта Хэдли выглядит?

– Она интересная. – Ну, так и было. Он даже не знал, как ее описать. С одной стороны, хотелось рассказать Адаму про ее оговорку с гобеленом и чудесные ягодицы, но какая-то неразумная часть его мозга эгоистично хотела придержать эти сведения.

– Ладно, не говори. Ее отец купит у тебя основание амулета?

– Даже лучше. Он утверждает, что нашел перекладыны, которые подходят к верхушке. Его покойная супруга спрятала их в Сан-Франциско много лет назад. Бэкол хочет, чтобы я их нашел и продал ему целый амулет.

Адам посмотрел на приятеля поверх увеличительных очков.

– Сколько?

Лоу назвал цену.

– Ничего себе!

– О да, – подтвердил Лоу. – И с божьей помощью, если найду перекладыны, я хочу, чтобы ты скопировал все части.

– У меня уйдет несколько недель только на основание.

– Все нормально. Перекладыны будут поменьше, так что работы не так много. – Лоу протянул другу конверт с внушительным количеством банкнот, которые он прихватил из заначки Уинтера; надо будет вернуть деньги, обналичив чек Бэкола. – Вот деньги на закупку золота. И положи эту штуку в сейф, Адам, на случай, если кто-то придет сюда вынюхивать.

– А кому это надо?

– Ну, во-первых, Монк в ярости из-за документов на статую.

Адам закатил глаза к потолку.

– Твой дядюшка и его затеи. У нас проблемы?

– Может быть, точно не знаю. За мной сюда никто не следил, но будь осторожен.

– погоди минутку. Я делаю копию амулета для Монка? Чтобы отплатить ему за статую крокодила? Зачем ему верить тебе снова, если тебя уже ловили на обмане?

– Он и не доверяет. Ты делаешь подделку для доктора Бэкола, а Монку я отдам подлинник.

– Черт. Ты уверен, что сможешь подсунуть фальшивку эксперту?

Лоу откинулся в кресле и улыбнулся.

– Доктор Бэкол слеп.

– А, это тебе на руку, – улыбнулся Адам.

– Если эти перекладыны существуют, ты сможешь подделать настоящий амулет, и мы

разбогатеет. В худшем случае обойдемся без них. Монк получит подлинник, а мы – пятьдесят штук от Бэкола за фальшивое основание.

– Пятьдесят штук. Настоящее состояние.

– Тебе причитается половина.

– Лоу...

– Половина, – настойчиво продолжал Лоу и кивнул на Стеллу. – Если не ради себя, то ради нее. Я всего лишь выкопал основание. К тому же если ты не возьмешь деньги, Мириам надерет тебе зад с того света.

Адам вздохнул и снял очки.

– Это не простая статуя. Возможно, тебе стоит заплатить долг Монку, продать Бэколу подделку основания амулета и на этом закончить.

– Но если я найду его части, получу пятьдесят штук. Адам, пятьдесят!

– Если ты их найдешь. Если.

– Я обнаружил мифическую реликвию в затопленном убежище в другой части света. Найти остальные в этом городе будет проще простого.

Глава 6

По мнению Адама, Лоу был душой общества. Однако несколько дней спустя, взойдя по белой мраморной лестнице в особняк Флада в стиле боз-ар и передав привратнику приглашение, шляпу, белые перчатки и верхнее пальто, он почувствовал прежнее отвращение. В большом зале и примыкающих комнатах столпились люди во фраках и вечерних платьях. Старые деньги. Престиж. Высший свет Сан-Франциско.

Все, чем Лоу не обладал и к чему не принадлежал.

Конечно, дом Магнуссонов находился в том же престижном районе, а телефонный номер подключался с той же станции, но их семья не дотягивала до уровня высшего света. Во-первых, Лоу сомневался, что кто-то из присутствующих провел бы целую неделю, не отвечая на звонки Монка Моралеса, и страдал бы паранойей, опасаясь слежки одного из подручных этого опасного преступника. Лоу пока никого не обнаружил, но ведь когда-нибудь это случится.

И хотя никто тут не подозревал, что Лоу должен гангстеру-барыге целое состояние за подделку, всем было известно, что богатство его семьи заработано бутлегерством. Черт, да весь полицейский департамент об этом знал: Уинтер исправно вносил ежемесячную плату.

Так что да, шампанское, которое хлестали все эти гуляки, наверняка попало к ним из запасов Магнуссона-старшего, но Лоу к их кругу не принадлежал. Они это знали, он это знал. И увидев доктора Бэкола с тростью с золотым набалдашником, которого вел мужчина много младше, Лоу растянул губы в улыбке.

– Мистер Магнуссон? – Низкий и приземистый молодой человек напоминал пожарный гидрант. Похоже, сегодня парень играл роль собаки-поводыря.

– Где он? – Старик повернул голову и уставился белыми глазами в никуда.

– Я здесь, доктор Бэкол, благодарю за приглашение, – ответил Лоу, крепко пожимая руку ученому.

– Не стоит благодарности, мой мальчик. В зале наливают выпивку, а скоро подадут ужин. Простите, мисс Тилли не смогла прийти, у нее дела.

Лоу изобразил разочарование.

– Может в другой раз.

– Я хотел бы познакомить вас с несколькими людьми. Стен помогает мне

передвигаться, но он пока не знает всех в лицо. Почему бы вам не найти Хэдли?

Хэдли. Не прикажет ли она ему снова заткнуться? Только об этом он и думал последние несколько дней. Бог знает почему. Возможно, ему просто по душе быть козлом отпущения.

Бэкол приблизился, едва не задев плечо Лоу.

– Вы подумали о моем предложении?

Очень тщательно. Лоу также немного пообщался с медиумом, женой Уинтера. Однако если бы у Аиды получилось вызвать покойную жену Бэкола, она узнала бы о делах Лоу. Жаль, что она замужем за его старшим братом.

Лоу ответил:

– Я бы очень хотел попробовать. Но в таком случае мне нужно будет нечто посущественнее джентльменского соглашения до того, как я втяну свою невестку. Мне не нравится вмешивать родных в дела, а чтобы скрыть подоплеку потребуются ловкость и хитрость.

Бэкол кивнул.

– Мой мальчик, я понимаю, что вы имеете в виду.

Хорошо, потому что Лоу хотелось предварительно собрать как можно больше денег на тот случай, если заявится Монк и придется его умиротворять частичной выплатой долга.

Кто-то позвал доктора, и Лоу убедил старика, что найдет Хэдли и вернется.

Оставив Бэкола с помощником, Лоу прошел по залу, по пути схватив бокал шампанского, – точно из запасов Уинтера, – и представился вдовствующему художественному критику, которого узнал из газет. Выпив второй бокал шампанского, столкнулся с железнодорожным магнатом, который узнал уже его, Лоу, из статьи в газете. Хэдли видно не было, пока он не посмотрел в конец большого зала.

Отделившись от толпы гостей на другой стороне невероятно длинных столов, накрытых для формального ужина, она беседовала с мужчиной. Позади нее находились три окна-эркера, выходящие на ночной залив. Единственная лампа развеивала медленно двигающиеся тени на ее лице.

Многослойное платье без рукавов – кружево из серебряных нитей под черной бисерной вышивкой – оставляло обнаженными бледные руки и шею. Украшенная бусинами сеть понемногу все теснее и теснее облегалась тело, заставляя колыхаться волны блестящих обсидиановых полосок, которые черным вихрем вились вокруг бедер.

Помимо платья, Хэдли красовалась в серебряных туфлях на изогнутых каблуках, белых перчатках до локтей и бриллиантовых украшениях на запястьях. Она вдруг повернула голову и отвлеклась на что-то, отчего ее серьезное лицо смягчилось.

Возведенная вокруг его лживого сердца стена дала трещину.

Сдерживаемая волнистыми волосами цвета воронова крыла, за ее левым ухом была заправлена звездообразная сибирская лилия.

Казалось бы, ничего особенного, но цветок открыл тайную дверцу в разуме Лоу. Все превратилось в приглушенный шум – музыка, звон бокалов, надменные разговоры в зале.

Хэдли была не худощавой, а элегантной.

Не долговязой, а статной.

Сегодня она не просто симпатичная, а сногшибательно, ослепительно красивая.

Лоу несколько раз моргнул и снова посмотрел. Это не сон, Хэдли все также красива. Она кивнула в ответ на вопрос собеседника, взглянула на толпу и заметила

Магнуссона-младшего.

Они смотрели друг на друга. Или, скорее, она смотрела, а он застыл на мраморном полу, словно ребенок, не выучивший урок и стесняющийся признать, что не знает ответа. Лоу потерялся, глядя на Хэдли. Он не сознавал, сколько прошло времени. Вот он тонул, а в следующую секунду почувствовал, как ножка бокала с шампанским выскальзывает из его пальцев.

В панике Лоу ухватился и выровнял бокал, сжав его двумя руками.

Мило, плавно и так легкомысленно. Вероятно, окружающие уже считали его в стельку пьяным. Прищуренный взгляд Хэдли лишь подтвердил его опасения. Лоу поставил пустой бокал на стол и постарался найти утраченную браваду, пока шел к дочери доктора Бэкола.

Ее собеседник был высоким брюнетом одного с Лоу возраста. Слишком длинный фрак, чуть перекрахмаленная рубашка, чересчур смазливое лицо. А еще он был наедине с Хэдли, поэтому Лоу возненавидел пижона с первого взгляда.

– Здравствуй, Хэдли.

– Здравствуйте, мистер Магнуссон.

Значит они больше не на «ты»? Этого стоило ожидать.

– Надеюсь, я не прерываю личную беседу.

– Мистер Оливер Джин, познакомьтесь с мистером Лоу Магнуссоном. – Мисс Бэкол с трудом процедила его имя с тем нелепым благородным акцентом.

– Вы тот самый охотник за сокровищами, – вспомнил мистер Джин, оценивая Лоу ледяным взглядом.

– Предпочитаю термин «Искатель сокровищ».

– Мистер Джин – меценат, – пояснила Хэдли, будто доказывая благонадежность собеседника перед судом присяжных. – Он спонсировал несколько раскопок в Мексике, вкладывая средства в научные гранты университета.

– В ацтекскую программу в Беркли? – уточнил Лоу, пытаясь вспомнить, где слышал это имя.

Джин покачал головой.

– Я только что сюда переехал, моя семья родом из Орегона.

Лоу, честно говоря, было плевать на этого выскочку.

– Именно мистер Джин уговорил меня чаще выступать на публике, и он неким образом ответственен за то, что я согласилась провести тот семинар в Солт-Лейк-Сити.

Да неужели?

– Как мило. Я вам премного благодарен, ведь если бы не ваши уговоры, мы бы с Хэдли никогда не встретились и не оказались в поезде в том уютном маленьком...

– Мистер Магнуссон, можно поговорить с вами наедине? – выпалила Хэдли.

– Ну конечно, разумеется.

Хэдли извинилась перед денежным мешком и, не оглядываясь, бросилась прочь. Лоу понял, что должен следовать за ней как пес, и покорился. Паутина черных бусинок обхвативших ее выдающиеся ягодицы, вздрагивала с каждым сердитым шагом. Картина настолько завораживала, что крепкая бронзовая дверь, которую открыла Хэдли, закрываясь, едва не ударила ценителя красоты по голове.

Лоу вышел в обсаженный пальмами итальянский дворик, холодный ночной воздух ударил ему в лицо. Там же прогуливались несколько гостей. Слуги в укромных уголках

курили сигареты. Хэдли подошла к зеркальному с мраморными бортиками пруду в центре двора и остановилась у кромки воды. Лоу услышал, как она считает себе под нос.

Хэдли пристально смотрела на свое отражение в освещенном лунным светом пруду. Голодные и ожидающие свободы духи собрались поодаль. Где-то между девятнадцатую и восемнадцатую позади нее в воде показалось другое отражение. Этого хватило, чтобы призраки ушли прочь.

– Я слышал, как вы делали то же самое в отцовском кабинете, – раздался низкий голос Лоу у ее макушки, вызвав мурашки на шее. – Вы управляете своим гневом?

– Не ваше дело. – Хэдли скрестила руки на груди, чтобы согреться. – Вы пьяны?

– Вообще-то сам не знаю, потому что не могу отвести от вас взгляд, а это бессмысленно.

Оба признания Лоу не укладывались в голове. Хэдли видела, как он смотрел на нее в зале, – как она могла не заметить? Он глядел так пристально, что она прямо чувствовала его внимание. И на мгновение чуть по-дурацки не поверила, что он увидел ее в первый раз. Что они будто исследователи на горе Синай, застрявшие на противоположных скалах. Словно Лоу бросил ей веревку, и Хэдли не грозило упасть в голодный обморок и лежать, пока стервятники не выключат глаза.

А потом Лоу нагрубил мистеру Джину, и эта воображаемая веревка порвалась.

– Нет ничего удивительного, что меня привлекают твои ягодички. Я ведь все-таки мужчина. Если бы я был религиозным, то поверил бы, что твою попу создал сам дьявол, чтобы ввести меня в искушение. Но спереди ты...

– Спереди? – Хэдли повернулась к Лоу лицом. – И что ты этим хочешь сказать? Что у меня резкие черты лица? Я странная? Слишком долговязая? Что изучала мумии так долго, что стала на них похожа? Потому что я все это уже слышала, выкладывай, что хочешь.

Лоу лишь уставился на нее, разинув рот, затем поджал губы. Неужели она его шокировала? Рассердился ли Магнуссон или смутился? Хорошо.

– Хочешь знать, что я собирался сказать?

– Говори, – потребовала Хэдли.

Тревога преобразила Лоу: глаза сузились до черных щелочек под нахмуренными бровями, челюсти сжались. В нем не осталось ничего веселого, легкомысленного и очаровательного, все пропало и сменилось грубой напряженностью и угрюмостью.

Лоу навис над Хэдли, склонившись слишком быстро. Они чуть не столкнулись носами.

– Я собирался сказать, что в этом платье ты выглядишь чертовски привлекательно, и я не понимал, насколько ты красива, потому что ты вечно носила те нелепые похоронные тряпки. – Он отступил чуть подальше. – Ну вот, счастлива?

Счастлива? Счастлива? Сердце Хэдли чуть не перестало биться.

Напряжение покинуло тело Лоу, и он низким голосом добавил:

– А еще собирался сказать, что твоя лилия напоминает мне картину на гробнице, которую я видел в Британском музее прошлой весной: Небанум, охотящийся на болотах с красавицей с цветком лотоса в волосах. И цветок тебе очень идет.

Странное ощущение пронзило грудь Хэдли. Никто никогда такого ей не говорил. Почему же из всех людей именно Лоу решился ей это сказать? Он точно не шутил.

Пожалуйста, только бы он не покривил душой.

Хэдли моргнула, оттолкнув нежеланные чувства в ожидании концовки, но ничего не

произошло. Нависая над ней в черном фраке и белом жилете, Лоу был таким красивым. От его расслабленной позы исходила уверенность. Хэдли чуть не покачнулась к нему, будто могла напитаться его небрежной выдержки и излучаемым им золотистым светом.

Затем вспомнила, с кем имеет дело.

С лгуном и льстецом. Лоу хорош, просто мастер, но Хэдли не была душой.

Она горько усмехнулась.

– Как только мужчина впервые лжет женщине, последующая неправда растет как снежный ком [3], – процитировала Хэдли своими словами.

– Логично. Я не давал повода полагаться на мои слова. Скажи, чем я могу заслужить твое доверие? Поклясться на библии? Встать на колени? Назови.

Хэдли покачала головой, смущенная эмоциями, которые разрывали ее здравый смысл. В поисках опоры, она впиалась взглядом в узел на его черном галстуке и в край его широкого плеча, освещенные темно-желтым светом из особняка. Но когда заметила выглядывающий из-под фрака край крахмаленной белой манжеты и поврежденную руку, решила словить Лоу на слове.

– Ну что ж, – сказала она, кивая на его кисть, – расскажи, что на самом деле случилось с твоим пальцем. Дай мне повод тебе доверять.

Лоу поднял поврежденную руку другой рукой, потирая покрытую шрамами кожу подушечкой большого пальца.

– После отъезда из Египта я никому об этом не рассказывал.

– Даже семье?

– Даже лучшему другу.

Хэдли не поняла, солгал ли Лоу.

– Продолжай.

– Эта история и вполнину не так интересна, как ты ожидаешь, – сказал он, оттягивая ответ.

Неужели Лоу ожидал, что она возьмет свои слова назад? Ни за что. Через несколько мгновение он вздохнул.

– В начале сентября мы с дядей только-только переехали из Александрии на остров Филы, даже можно сказать, острова. Там находились лишь полузатопленные руины и древние храмы... а еще несколько археологов и местные, которые зарабатывали деньги на перевозках туристов. Мы работали у колоннады, и однажды, когда дядя поехал в Асуан, я пропустил последнюю лодку и застрял на острове на ночь с несколькими местными работниками.

Лоу повернулся и ударил край зеркального пруда.

– Я должен был поставить леса для раскопок, но мы с жителями нуби решили выпить чего покрепче. К тому времени, как мы занялись постройками, я был не так внимателен, как следовало бы.

– То есть, пьян.

– Что-то вроде того. – Он хмыкнул и потер нос с видом настоящего трезвенника, что шло вразрез с ее прежним впечатлением в зале, когда он поигрывал бокалом вина.

– Что случилось?

– Я распиливал доску правой рукой, – объяснил он, подкрепляя слова жестами, – а левой держал. Но не смог хорошенько ее ухватить, так что вертел так и эдак и, если честно, сам отрезал палец.

Кровь отлила от лица Хэдли.

– Только до первой фаланги. Наверное, выпивка притупила мою реакцию и нервы. Однако мы застряли на острове без доктора. Там не было ничего. Я лишь перебинтовал рану и пил до потери сознания. К тому времени, как дядя вернулся на следующий день, и кто-то пришел меня залатать, я горел в лихорадке, а в рану попала инфекция. Несколько дней спустя пришлось ампутировать весь палец, в противном случае я бы потерял руку.

– Боже милостивый, – прошептала Хэдли.

– Рана затянулась лишь через пару месяцев. Я был совершенно бесполезен. Тяжело работать в песке и грязи одной рукой. Да и вообще делать хоть что-то, когда испытываешь постоянную боль. И вот тогда я начал расшифровывать иероглифы на стенах храма. Скука привела меня к джеду. Боюсь, это некрасивая история.

Хэдли не собиралась брать Лоу за руку, но не сдержалась, хоть обычно не касалась других людей. Тепло его кожи проникло под ее шелковую перчатку, она подняла кисть Лоу, чтобы осмотреть шрамы в освещении дворика.

– Сперва и не замечаешь, что чего-то не хватает. Отсутствие мизинца не столь явно, как, например, среднего пальца.

– Можно и так сказать.

На его губах заиграла нежная улыбка.

Нельзя вечно держаться за руки. Однако стоило Хэдли попытаться высвободиться, как Лоу вцепился в нее, как при первой встрече на железнодорожной станции. На сей раз она не сопротивлялась.

– Я часто переживал, что не смогу снова коснуться женщины без того, чтобы она давила в себе отвращение и старалась вытерпеть мои ласки.

– Полагаю, это зависит от женщины. – Хэдли ответила намеренно практично, но когда Лоу немного склонил голову на бок, поняла, что он нашел в ее словах скрытый смысл. Она против этого не возражала. Ей нравилось его крепкое рукопожатие. В ее голове родилось странное желание ощутить, как Лоу проводит рукой от ее перчатки до голой кожи. Просто в качестве эксперимента, чтобы посмотреть, «выдержит» ли она. От этой идеи сердце нервно затрепетало.

– Ты не считаешь мою кисть гротескной? – спросил он.

– Разве ты не знаешь? Обожаю все гротескное и мрачное.

Лоу прищурил глаз.

– Хэдли Бэкол, ты со мной флиртуешь?

– Совершенно не умею флиртовать, – честно ответила она.

Ближайшая к ним пара передвинулась к другой стороне пруда, а Лоу оттащил Хэдли подальше в тень навеса. Он опустил голову и снова оказался совсем рядом с ней, только на этот раз Хэдли не знала, что пугало ее больше: злой Лоу или Лоу, готовый овладеть ею в темном дворе.

– Так каков вердикт? Теперь ты мне доверяешь?

– Возможно.

– И только?

– Временно, до следующей лжи.

– А может сегодня я больше лгать не буду. Стану образцом добродетели, и ты объявишь меня святым.

– Говорить правду всего один вечер – не значит стать добропорядочным.

– Хм, а ты знаток добродетели?

– Я разбираюсь во многом, но не в этом.

– Рад слышать, – прошептал Лоу с заговорщической улыбкой. – Знаешь, я всегда думал, что порочные люди заслуживают собственную канонизацию. Очень тяжело быть аморальным, требуется мастерство и упорство.

– И некий природный талант.

– Точно. Предпочитаю думать, что родился безнравственным. Так вся вина ложится на дурную кровь.

Хэдли тихонько усмехнулась.

– Fan [4], – прошептал он по-шведски. – Делай так почаще.

Он медленно поднял здоровую руку, и до Хэдли донесся запах свеженакрахмаленной рубашки. Кончики пальцев дотронулись до лепестков лилии у нее за ухом, вызвав легкие мурашки на коже головы под волосами и на шее. Хэдли почувствовала в своих нервных окончаниях и клетках нечто, распространяющееся, будто лесной пожар.

Удовольствие.

Она едва опознала это ощущение. Напряглась всем телом, сдерживая дрожь. Боже милостивый, они даже по-настоящему не ласкали друг к другу, а она уже тонет. Возможно, хватило и прикосновения, потому что до Хэдли только дошло, что Лоу так и не отпустил ее руку. А может это она сжимала его ладонь. Кто-то держал крепче, возможно, именно она, Хэдли.

Лоу опустил голову, вдохнул аромат и прошептал:

– Как опьяняюще.

Он был так близко. Достаточно, чтобы Хэдли почувствовала легкий запах ванили в его помаде для волос, а Лоу закрыл ее обнаженные руки от прохладного ночного воздуха и задел лацканом пиджака ее соски.

Хэдли затаила дыхание, потонув в новой волне трепетного удовольствия, нахлынувшего на кожу. Он так близко. Ей хотелось прижаться щекой к его щеке и чтобы его рот...

Тут громкий голос ворвался в ее мысли:

– Дамы и господа, ужин подадут через десять минут.

Глава 7

Хэдли в испуге отпустила руку Лоу и огляделась. Слуга у открытой двери зазывал гуляющих гостей в дом.

В замешательстве Хэдли остро почувствовала телом потерю тепла Лоу, а уж потом осознала, что происходит.

– Нам пора... ужинать.

Он кашлянул.

– Да, конечно.

– Я должна помочь отцу с...

С чем? И почему она так плохо соображает?

– С представлениями, – охотно подсказал Лоу.

– Верно.

Представления. Да, вот на чем надо сосредоточиться. Хорошо.

Казалось, прошли годы, пока они с Лоу преодолели небольшое расстояние до зала. Как в тумане Хэдли представила его нескольким членом совета попечителей и еще одному

куратору, пока не пришлось искать свои места по карточкам и садиться ужинать. Оливер сидел слева от Хэдли, а Лоу – напротив, рядом с ее отцом. Она виновато уставилась на серебряные приборы и фарфор, будто другие сотрапезники могли догадаться, что только что произошло во дворе.

– Скажите, вы в порядке? – спросил Оливер пару раз.

Да, да. В порядке. Чего он прицепился? Тон его голоса напоминал ворчание ее отца.

Хэдли все еще находилась в прострации, когда подали суп. А осмелившись посмотреть на Лоу, почувствовал, как от его ожидающего, тяжелого взгляда сердце снова заколотилось.

Как только гости полакомились рыбой, доктор Бэкол похлопал по столу, и его обеспокоенные помощник появился из тени. Отец Хэдли постучал ложкой о бокал, и все разговоры утихли.

– Я очень благодарен вдове Флад, которая гостеприимно открыла нам двери своего дома на этот вечер, – объявил он. За столами раздались приветственные крики и возгласы. – Каждый год эта встреча имеет для нас особое значение не только потому, что многие присутствующие любезно открывают бумажники, пользуясь налоговыми льготами – то есть делают благотворительные взносы для нашего прекрасного музея.

Смех гостей отразился от мраморных стен.

– Еще мы встречаем старых друзей, чтобы вспомнить, чего мы добились в этом году и поделиться чаяниями на следующий. И как вы все знаете, мое здоровье уже не то. Погодите, не жалейте меня. Я пока еще не на смертном одре. Но я стар и устал, отдав департаменту антиквариата двадцать пять плодотворных лет. Пора дать шанс человеку моложе и умнее.

Сердечко Хэдли заколотилось с удвоенной скоростью. Пелена спала с ее разума. Неужели отец сегодня объявит своего преемника в присутствии совета попечителей и директора музея? Она думала, что он подождет до собрания в следующем месяце, но он решил сделать это сейчас.

О боже, нужно же будет хоть что-то произнести. Однако она совсем не готова выступать перед всеми этими людьми. Какой горький и сладкий, но насколько приятный сюрприз. Ей придется сказать пару слов, выглядеть элегантно и постараться не злорадствовать над Джорджем, который что-то шептал на ухо жене одного из попечителей.

Хэдли посмотрела на Лоу и покраснела. Она не понимала, почему хочет добиться его уважения. Глупо, но она радовалась, что он увидит ее триумф. Весь ее тяжелый труд наконец получит признание.

Отец откашлялся и продолжил:

– Как вы знаете, мистер Лоу Магнуссон только что вернулся с широко известных раскопок на острове Филы. – Минутку. Почему он говорил о Лоу? – Он любезно предложил музею эксклюзивную возможность предложить цену за свои находки.

У Хэдли в висках застучало. Она не могла сосредоточиться на словах отца. Ученая степень. Калифорнийский университет, Беркли. С отличием. Восходящая звезда в своей области. Она посмотрела на Лоу, который тоже выглядел ошеломленным. Хэдли прерывисто задышала.

– ... и поэтому я с огромным удовольствием выставляю кандидатуру мистера Магнуссона на голосование в качестве моего преемника.

Зазвучали вежливые аплодисменты. Лоу ответил, упомянув, какой неожиданной чести его удостоили и все в таком духе.

Он претендует на должность Хэдли. Она была преемницей отца, прямой наследницей. Для этого она училась, работала. Она заслужила этот пост больше, чем любой другой мужчина за этим столом. И в тысячу раз больше, чем Лоу Магнуссон.

Он кратко покачал головой, делая вид, что ни при чем. Bravo! Какая игра! По-тихому очаровать девушку в саду – проще простого, потому что она настолько соскучилась по обществу других людей, что приняла бы любое внимание, – а потом сесть и забрать корону победителя.

Какой же душой она была.

От ярости и обиды из-под пола появились Мори. Гротескные фигуры с черными конечностями и мигающими глазами. Чудовища, усиленные ее болью. Мертвые, вызванные из мира духов. Хэдли их не понимала и с трудом ими управляла, но духи слились в извивающуюся массу мрака и тени, поднимаясь по мраморным стенам и колоннам. Нюхом чуяли шанс вырваться на свободу, вытаскивая картинку из разума Хэдли.

«Приказывай нам», – шептали они в ее голове. Темные мстители, готовые исполнить ее волю. Отплатить мерзкими деяниями. Напустить страха, покалечить, убить.

Негативные эмоции Хэдли были словно пададь. А привлеченные к ним, вечно голодные духи копались в ее разуме. И готовы были следовать ее повелению.

«Его», – подумала она, чувствуя, как глаза наливаются слезами ярости. «Нет, обоих. Отец должен ответить за предательство, а Лоу – за представление и ложь. Они оба виноваты».

Директор музея как раз встал и поднял тост за кандидата, а ее духи скользнули по потолку, будто черный выхлоп, к своей цели: большой хрустальной люстре над столом.

Потолок сотрясся.

Гости застыли с бокалами в руках.

До того, как ослепнуть, отец Хэдли мог видеть Мори. Но сейчас великий доктор Бэкол не понимал, что происходит, как и остальные гости, которые нашли логичное объяснение непонятному происшествию.

– Землетрясение?

И только это слово слетело с чьих-то губ, как гостей за столами охватила паника.

Оливер вскочил с места и посмотрел вверх. Он заметил духов? Как такое возможно? Ладно, неважно. Слишком поздно уже призывать их назад.

Сотни хрусталиков зазвенели в унисон. По потолку пошла трещина. Электричество заискрилось. И когда свет в люстре померк, одна из цепей, на которых она крепилась, порвалась с ужасным металлическим скрежетом! Люстра накренила на бок, как большой стеклянный маятник.

В зале раздались испуганные крики. Стулья закрипели по мрамору, а гости бросились врассыпную.

Все, кроме ее отца, который не видел, куда идти. И Лоу, который пытался поднять слепца с места, тогда как Оливер тянул Хэдли в противоположную сторону.

– Хэдли! – заорал ее отец.

Его голос проник в туман ее гнева, вернув здравый смысл.

Отец знал, что дело в ее духах – он знал, знал, знал!

О боже! Что она наделала?

С огромным усилием Хэдли отослала Мори прочь. Они пропали в потолке, когда она уже отчаялась и закричала:

– Бегите!

Слишком поздно.

Порвалась вторая цепь, и хрустальная люстра рухнул вниз, будто машина, сброшенная с обрыва. Люди пронзительно завопили.

Лоу отпихнул стул, обхватил рукой доктора Бэкола и повалил на пол, когда люстра упала на стол, взорвавшись осколками и щепками.

Магнуссон-младший прополз под дрожащей машиной, которая едва держалась на столе, оттаскивая отца Хэдли в безопасное место. Сама же виновница произошедшего забилась в руках Оливера и отпихнула его, едва не упав, стремясь добраться к Лоу и отцу.

– Папа!

– Я в порядке! – рявкнул он, прижимаясь к стене.

Лоу стряхнул осколки с плеча ее отца, а потом посмотрел на себя.

– Ты... – начала она.

– Цел ли я? Думаю, что да. – Он словно в тумане отряхнул пиджак и, посмотрев на разрушения, спросил: – Что тут, черт возьми, произошло?

– Ты! – рявкнул ее отец, покраснев от ярости. – Ты и твой мелочный гнев. Матери было бы стыдно за тебя.

Пока в зале раздавались крики и беспокойные разговоры, Лоу прищурился и с подозрением переводил взгляд с Хэдли на ее родителя.

Бог знает, прав ли был отец, Хэдли почти не помнила мать. Он имел право злиться, ведь она его чуть не убила. А заодно Лоу, и других гостей. Она посмотрела на окружающий хаос. Кажется, никто не пострадал, но бедные слуги были в панике.

Хэдли почувствовала, что сейчас заплачет, и, прежде чем отец выдавит еще слово, а Лоу догадается о причине обвинения, она повернулась и вышла из дома.

Глава 8

К крышам вдоль Бродвея льнул тяжелый туман. На вечеринку Хэдли привез шофер отца, но об этой мелочи она вспомнила только на улице. Было холодно, а она умудрилась не только забыть перчатки, которые сняла на ужине, – наверное, они упали с ее колен во время происшествия с люстрой, – но и забрать шубу. И что теперь? Вернуться, поджав хвост?

– Хэдли.

Повернувшись, она увидела идущего по обочине Оливера.

– Вы в порядке? – спокойно и по-деловому спросил он, надевая теплое пальто, которое так и манило замерзшую Хэдли. Возможно, он по-джентльменски предложит вернуться в дом за ее верхней одеждой? – Нам надо поговорить о том, что только что случилось.

– Не понимаю, о чем вы.

– Меня совершенно не потрясают явления не из нашего мира.

Значит Оливер видел Мори. Подобные люди редко встречались. Очень редко.

– Мне многое ведомо о преисподней.

Интересное определение, но подойдет, как и любое другое. Хэдли точно не знала, откуда появились Мори. Она годами искала информацию, но нашла только крупички, ничего определенного и применимого на практике. Прямо как распускать свитер: как только его распутаешь, он превращается в бесполезную горку ниток.

– Человеку с вашим богатством и положением? Я считала, что вас интересуют мексиканские развалины. Когда у вас было время изучать преисподнюю?

– Вы удивитесь, на что мне хватило времени за годы жизни, – ответил Оливер. – Давайте обсудим? Я наверняка смогу вам помочь. Вернитесь со мной в дом и позвольте...

– Ценю ваше беспокойство. – Оливер всегда с самого знакомства относился к ней хорошо. Добрый красавец интересовался ее работой и поддерживал. Хотя, судя по его взглядам, он хотел большего от их отношений, помимо совместных обедов и чаепитий, однако Хэдли сомневалась, что сама испытывает подобное желание.

Глупо, потому что следовало бы с ним сойтись. На нее ведь не каждый день кидаются мужчины. Хэдли даже не целовалась с самого колледжа. И, если не считать ее личного неприятия прикосновений, Оливер с практической точки зрения наиболее подходящая партия. Однако для романа не хватало искры.

Возможно, проблема в Хэдли. Наверное, она сломлена и неполноценна. Ненормальная. Потому что вместо того, чтобы заинтересоваться подходящим мужчиной, думает о том, кто только что обманом увел у нее из-под носа должность в музее. О совершенно неподходящем мужчине.

О том, кого едва не убила, когда перестала сдерживать порывы.

– Позвольте вам помочь, мисс Бэкол, – сказал Оливер. – Доверьтесь мне, вы не пожалеете.

Она глубоко вздохнула и собралась с мыслями.

– Я понятия не имею, что вы там «видели», но сейчас предпочитаю побыть в одиночестве.

– Ну хватит. У вас истерика. Вы волновались перед ужином. Пойдем и поговорим, – его резкость застала Хэдли врасплох.

Истерика? Нет, она никогда не была истеричкой. Злилась, печалилась, чувствовала холодность, отчуждение и проклятье. Но никогда не истерила. И это предположение лишь сильнее испортило ей настроение.

– Позвоните мне в музей на следующей неделе. Спокойной ночи.

Она хотела уйти, но Оливер заступил ей дорогу.

– Довольно, Хэдли, я... – он запнулся, когда на его лицо упала тень.

– Кажется, дама пожелала вам спокойной ночи. – Лоу вышел вперед и угрожающе навис над Оливером. – И теперь я говорю то же самое. Возвращайтесь на вечеринку или идите домой. Просто проваливайтесь.

– Ничего подобного я делать не стану.

– Вы сопровождали эту даму на вечеринку?

– Нет, но...

– Значит и не уйдете с ней.

О боже.

Оливер ткнул пальцем в Лоу, но, казалось, передумал спорить. Натянута улыбка скрывала его подлинные чувства.

– Мистер Магнуссон, наше знакомство кое-что прояснило, с нетерпением жду следующей встречи. Доброй ночи, мисс Бэкол.

Оливер пошел к припаркованной машине. Хэдли не знала, чего в ней больше – облегчения или злости. Она мысленно бросила кости и решила остановиться на гневе.

– Не надо было отсылать Оливера, он всего лишь беспокоился обо мне.

– А мне так не показалось. Держи, здесь чертовски холодно, – Лоу протянул ей черную норковую шубу. Почему именно Лоу проявил заботу о ней? Не видя повода

отказываться, Хэдли быстро сунула кисти в рукава с шелковой подкладкой.

– Это твоя шляпка? – Он протянул головной убор ярко-красного цвета в перьях.

– Боже, нет!

– Я так и подумал, но не хотел терять время на споры со швейцаром. – Лоу повесил шляпку на забор у чьего-то двора и надел свое пальто. – Тебе полегчает, если я скажу, что мою шляпу тоже потеряли?

– Нет. Вот если бы ты мне так нагло не лгал, соблазняя во двореке, а потом не сговорился с моим отцом, чтобы лишиться меня работы, тогда бы мне полегчало!

Ее крик души подхватило эхо тихой улицы. Лоу еще повезло, что Мори уже устали, а иначе Хэдли захотелось бы дать им свободу во второй раз за вечер.

Прохвост поднял указательный палец.

– Во-первых, я не врал, когда говорил, что сегодня тебе не солгу. Во-вторых, – еще один палец добавился к первом. – ...я не «сговаривался» с твоим отцом. Он упоминал что-то о должности главы департамента на встрече в его кабинете, но то было в первый и последний раз.

– Так я и поверила.

– Слушай, я был так же шокирован, как и ты. Он даже не спросил, нужен ли мне канцелярский пост.

– Однако ты не запротестовал.

– Я не успел! – Лоу покачал головой, будто вытряхивая из нее посторонние мысли, а потом поднял третий палец. – В последний раз именно ты меня соблазнила.

У Хэдли от удивления открылся рот.

– Это самое нелепое, что я когда-либо...

– Ты первая меня коснулась. И смотрела влюбленными глазами.

– Ничего подобного! Это ты затащил меня в темный уголок, а полчаса спустя предал перед коллегами! Ты меня унизил.

– Твой отец тебя унизил.

– Вы оба меня унизили.

Лоу склонил голову на бок.

– И ты... пыталась убить нас той люстрой?

«О боже». Хэдли развернулась и пошла по тротуару. Лоу последовал за ней.

– Helvete [5], это сделала ты!

– Это нелепо.

– Неужели? Потому что я слышал слова твоего отца и подслушал твой разговор с денежным мешком. Я знаю, что такое землетрясение, мисс Бэкол, и произошедшее не было на него похоже. Черт, если подумать, я ведь так и не понял, как разбились окна в том поезде, по которому за нами гнался бандит. А еще падение багажа.

– Ты сумасшедший.

– Но не глупый.

– Прошу, просто оставь меня в покое.

– Я не брошу женщину на темной улице посреди ночи.

– Сейчас восемь вечера, и мы в совершенно безопасном районе. Я же просила при первой встрече относиться ко мне как к мужчине, равному. А не как к хрупкой кукле с мозгами с горошину и истеричке.

– Эй, это сказал денежный мешок, а не я. Договорились, я за. Значит, ты – мужчина.

Хоть мне немного неловко, принимая во внимание мои шокирующие мысли о нас, но какого черта – я практичен. Как говорится, открыт всему новому.

Шокирующие мысли о ней? Волна возбуждения прокатилась по ее неуправляемому сознанию. Боже, зачем вообще об этом думать? Надо лишь сосредоточиться на подлом предательстве отца, после того, как много месяцев он расхваливал ее работу перед попечителями. После стольких лет уверений, какая она умница, как много умеет.

Ну что ж, недостаточно много, чтобы участвовать в раскопках в Египте. Отец не раз разглагольствовал, что женщинам не место в пустыне. И когда Хэдли упомянула, что ее мать сопровождала его, отец парировал, что вот эта вольность и стала самой большой ошибкой в его жизни. И никакие доводы не заставили его передумать, поэтому Хэдли пришлось расстаться с мечтой.

А теперь и другая ее мечта погублена.

Но Лоу уверял, что не знал о намерении доктора Бэкола. Можно ли ему верить? И правда, если подумать трезво, разве не важно узнать причину? Отец уже вскоре получит от Лоу желаемое – джед. И до обнаружения амулета охотник за сокровищами его совершенно не интересовал. Раньше она лишь мимолетно слышала фамилию Магнуссонов.

Отец сильно темнил в случае с джедом, отказываясь поведать, зачем ему эта вещь и что с ней делает. Неужели он правда считал, что у амулета есть магическая сила? Хотя, от джеда действительно исходила странная энергия.

Позвоночник Осириса по легенде открывал дверь в преисподнюю. В египетский мир мертвых: Дуат. Но даже если сила джеда настоящая, Лоу нашел лишь часть амулета. Только вот с чего ее отец вдруг встретил молодого археолога в музее с распростертыми объятиями?

– Куда ты идешь?

Хэдли остановилась, развернулась и увидела Лоу на другом конце квартала. Она успела даже перейти дорогу, сама того не сознавая.

– Ищу такси.

Лоу осмотрел темную жилую улицу. Они давно уже ушли от припаркованных лимузинов, ожидающих гостей у дома Флада. Мимо проехала машина. В тишине слышно было, как наползает туман.

– Тут сложно найти стоянку такси. Если хочешь доехать домой, наш водитель тебя отвезет. Мы всего в паре кварталов от моего дома, я пришел сюда пешком.

Хэдли застонала.

Магнуссон-младший сунул руки в карманы пальто и прошел по наклонной боковой улочке.

– Моя семья, скорее всего, еще ужинает, так что я не тащу тебя в уединенный дом, чтобы заняться всякими вольностями. – Он остановился перед ней, разглядывая ее шубу. – К тому же, ты ведь пыталась похоронить меня под двумя тоннами стекла. Как, я понятия не имею, но подозреваю, что опасность грозит именно мне, а не тебе.

Его подозрения верны.

– Мир?

– Ладно, но с одним условием, – согласилась она.

Он вздохнул, уставился на туманное небо и, до того, как ответить, прошептал что-то по-шведски.

– А почему, черт побери, нет. Давай уж, выкладывай свое условие.

– Ты расскажешь мне, почему мой отец из кожи вон лезет, позволяя тебе всякие

вольности.

Глава 9

Лоу изумленно рассмеялся. Мимолетное веселье смягчило недовольство в глазах Хэдли, и ему тут же захотелось бросить ее в кусты и повалиться с ней на травке.

Боже. Ему же нельзя бегать за этой девушкой. Он обещал доктору Бэколу проводить его дочь домой, но, честно говоря, сейчас ему плевать на старика-ученого. Однако деньги необходимы, поэтому надо быть очень осторожным, руководствоваться мозгами, а не членом.

Но черт побери, она стала вдвойне завораживающей после того, как попыталась его убить.

Лоу подозревал, что в Хэдли бурлят сильные страсти. Что же довело ее до того, чтобы силой мысли сорвать люстру с потолка? Ну, бог знает, как она это сделала, но он видел случившееся своими глазами. Будто невидимые руки с небес сдернули хрустальное сооружение.

Может, он просто сошел с ума.

На его вкус, в мире есть два вида людей и событий: скучные и интересные. И Хэдли Бэкол никак не назовешь скучной.

Он догнал ее и пошел рядом.

– Я бы не сказал, что твой отец позволяет мне вольности. Он предложил плату за доставленное сокровище, больше ничего.

– Я думала, что сегодня ты не лжешь.

– Не лгу.

– Однако не договариваешь.

– Ты медиум? Менталист?

– В этом случае я бы держалась от тебя подальше в Солт-Лейк-Сити.

– Туше.

Они шли в одном ритме, стуча каблуками. В сумерках лицо Хэдли было слабо освещено, а бесформенная шуба скрывала округлости, но само ее присутствие привлекало внимание Лоу, как полуобнаженная танцовщица бурлеска.

– Похоже, твой отец считает меня Говардом Картером. Он впечатлен тем, что я нашел амулет, и хочет нанять на поиски других артефактов.

Как только Хэдли перевела на него взгляд, Лоу почувствовал запах сибирской лилии.

– Он хочет спонсировать раскопки в Египте?

– Не совсем.

– Говори прямо.

– Слушай, я пообещал, что не стану тебя вмешивать, понятно? Доктор Бэкол предложил мне целое состояние, чтобы найти для него кое-что, и предупредил молчать и не проговориться, в особенности тебе.

– Мне? Почему?

– Понятия не имею. И ты, скорее всего, не поймешь, но мне нужны деньги, предложенные твоим отцом. Очень нужны. У меня огромные долги, и не говори, я же вижу, что вертится у тебя на языке: я не могу взять средства у семьи. И скорее отпилю второй мизинец, чем стану работать на Уинтера. У меня есть гордость, и я хочу быть независимым.

Хэдли прошла несколько шагов в молчании.

– Лоу, мы не так уж отличаемся. Я всегда хотела, чтобы меня ценили по достоинству.

Работа для меня все. Я так старалась стать достойной этой должности.

– Я не просил твоего отца отдавать мне этот пост.

Через несколько секунд она ответила:

– Я верю тебе.

Какое чудо! Ирония в том, что профессиональному лгуну намного сложнее убедить людей поверить себе, когда он говорит чистую правду.

– Что отец поручил тебе найти?

– Хэдли, – взмолился Лоу и подумал об Адаме и Стелле, а также о долге Монку.

Упрямыца повернулась к нему и запахнула шубу, когда порыв холодного ветра взъерошил ее волосы.

– Скажи мне, и торжественно клянусь, что не проговорюсь отцу. Я умею хранить тайны.

– Дай слово. А еще я хочу знать, как ты обрушила люстру.

– Я не могу. – Лоу чуть не ответил, что сделка не состоится, когда Хэдли добавила: – Я едва тебя знаю.

Она не отказалась категорически и не послала его к чертям. Ничего подобного. Возможно, он просто принимает желаемое за действительное, но на его оптимистический взгляд она имела в виду: «Я расскажу, когда узнаю тебя получше».

Ему хотелось понадеяться на такой шанс. Не больше, конечно, чем получить деньги ее отца. Но после того, что устроил старик сегодня на ужине, Лоу убедился, что с деньгами проблем не будет. Потому что доктор Бэкол совершенно не хотел отдавать выскочке-археологу такой пост. Старик сделал свое заявление после того, как Лоу запросил что-то «материальное» до ужина, а Бэкол понял намек. Ему прекрасно известно, что Лоу нужны деньги, но для интригана это был лучший выход. Он не потратил и цента, а привязал к себе охотника за сокровищами в глазах общества. Будто помочился ему на ногу.

Бэколу сильно хотелось заполучить перекладки амулета, и он предложил Лоу все, что у него было, чтобы получить желаемое. Значит, он ему необходим.

Так что да, теперь Лоу был более чем уверен, что Бэкол заплатит. И не слишком беспокоился, что разговор с Хэдли ему навредит. Но не только это заставляло его довериться ей.

Лоу вспомнил те времена, когда вступил в силу закон Волстеда, и Магнуссон-отец рискнул всем, чтобы сменить род деятельности с рыболовства на бутлегерство. С самого начала Лоу не слишком интересовался его делами, а вот Уинтеру они пришлись по вкусу, и он был хорош. Папа готовил Уинтера себе на смену. Если бы он все еще был жив, собрался уйти на покой и отдал бы бразды правления кому-то, не переговорив сначала со старшим сыном... нет, такого бы не случилось. Потому что он в жизни бы так не поступил со своими детьми.

Никогда.

Все эти размышления вызвали в Лоу обиду за Хэдли. Бэкол в самом деле предал ее. Раз уж Лоу был таким мягкосердечным и надеялся когда-нибудь забраться ей под юбку, он наконец сдался:

– Ладно. Я расскажу, только если поклянешься, что не проговоришься отцу.

– Клянусь, – пообещала она, пока они шли вместе по продуваемой ветром улице. – Давай выкладывай.

– Вкратце: твой отец знает примерное местонахождение оставшихся частей джеда и

поручил мне найти их, а заодно продать ему основание амулета.

Хэдли изумленно хмыкнула, но не остановилась.

– А подробнее?

– А подробнее...

Не сводя взгляда с тротуара перед собой, Хэдли внимательно слушала, пока Лоу не дошел до того, как придется вызвать дух ее матери.

– Погоди, что?

– Новоиспеченная жена моего брата медиум. Ты видела ее на станции. Аида может призывать духов умерших и служить им проводником, чтобы близкие узнали, где спрятаны семейные ценности. А в нашем случае, карта сокровищ. И все, что надо для сеанса – предмет, принадлежавший покойнику.

Хэдли задрала рукав шубы и показала бриллиантовый браслет.

– Что-то вроде этого?

– Подойдет. Вы с матерью были близки? Тебе будет неловко снова с ней говорить?

– Мать умерла, когда мне минуло восемь, и я мало времени проводила с ней. – Хэдли пожала плечами. – Если честно, мне ближе была нянюшка.

Печально. У Лоу остались прекрасные воспоминания о матери. Ему все еще ее не хватало.

Он остановился перед своим домом. Красно-черного лимузина Уинтера на месте не оказалось. Брат собирался проследить за крупной доставкой в гостиницу. Значит, его дома нет, но если повезет, там будет Аида.

– Что скажешь? Любопытно?

Хэдли склонила голову на бок, разглядывая серо-зеленый дом Магнуссонов в стиле Королевы Анны. Ничуть не похожий на мраморный особняк Флада. Самое дорогостоящее здание в квартале не обладало ни прекрасной репутацией, ни одобрением общества. Но должно быть все же достаточно впечатляющее, чтобы соответствовать стандартам Хэдли, потому что она хитро улыбнулась и попросила:

– Показывай дорогу.

– Уинтер мне голову оторвет, если узнает, что я вызываю духов. Он переживает, что ребенок родится с несколькими душами, – пошутила Аида, закрывая дверь. – Так что давайте быстрее. Он вернется через час. День рыболова никогда не заканчивается. – Она подмигнула и села в старинное арабское кресле напротив Лоу и Хэдли. У ног хозяйки дома свернулся калачиком слепой на один глаз огромный пятнистый мастиф Сэм, напоминавший маленькую лошадь.

Гостиную на первом этаже Астрид назвала Палатами шейха. Это было любимое место их матери, которая заказала большую часть мебели из заграницы. Лоу смотрел, как Хэдли рассматривает арабский интерьер. Она присела на краешек дивана, держа спину прямо, будто на голове находилась невидимая книга.

– Ты уверена, что хочешь этого?

Она кивнула.

– Уверена.

– Мне нужен предмет, принадлежавший вашей матери, – сказала Аида.

Хэдли попыталась расстегнуть браслет одной рукой.

– Погоди, – предложил Лоу, желая коснуться ее. Он склонился над запястьем и краем ногтя открыл застежку. А когда украшение упало ей на колени, Лоу провел большим

пальцем по жилке, под которой бился пульс, желая почувствовать мягкую кожу. Он готов был поклясться, что Хэдли задрожала, но она отдернула руку и, не глядя, передала браслет жене Уинтера.

– Очень мило, – заметила Аида, повернув браслет в веснушчатых пальцах. – Как звали вашу мать?

– Вера Мюррей Бэкол.

Аида покачала головой.

– Ладно. Дайте мне минутку, войти в легкий транс. Я позову дух вашей матери и попытаюсь вытащить ее из-за завесы. В зависимости от силы духа, она может побыть в моем теле от нескольких секунд до нескольких минут. Когда как. Обычно я советую клиентам спрашивать духа то, что известно лишь им обоим, чтобы убедиться в его подлинности.

– Я ничего такого не припомню, – призналась Хэдли.

– Ничего. Это скорее для вашего же спокойствия. Но если информация так важна, как утверждает Лоу, лучше сразу задать нужный вопрос. А если захотите поболтать, потом – пожалуйста. Я попытаюсь удержать дух настолько, насколько возможно. Есть вопросы?

– А вы услышите разговор? – спросила Хэдли.

– Услышу. Но я знаю многое. Сотни историй только за прошлый год. Очень много тайн. Однако все происходящее во время сеанса останется между вами и духом. Я не болтаю об этом Уинтеру перед сном. – Губы дрогнули в улыбке. – У нас есть, чем заняться.

Лоу рассмеялся. Ему все больше нравилась Аида. А вот Хэдли было совсем не до смеха.

– Ладно, постарайтесь не шуметь. Начнем.

Медиум прикрыла глаза и сжала браслет. На мгновение Лоу прислушался к отдаленным голосам в доме, звону посуды на кухне и скрипу половиц наверху. Потом он ссутулился, чтобы украдкой наблюдать за Хэдли.

Лилия поникла, а блестящая заколка, что удерживала цветок в черных кудрявых волосах, соскользнула. Как было бы хорошо поправить ее прическу или просто снять заколку, скользнуть пальцами в короткие пряди, наклониться и прижаться губами к шее. К такой же мягкой коже, как и на бледном запястье. Понравится ли Хэдли поцелуй за ушком? Лоу представил, как она тихо стонет в ответ.

Во власти фантазии он будто издалека осознал ее слова. В год смерти матери – в 1906-м – Хэдли было восемь лет. Значит сейчас ей двадцать девять. Она на четыре года старше. Умная женщина из высшего общества. Настолько сильная, чтобы обрушить люстру с потолка... Он не представлял, как ей это удалось, но муза в его голове нарисовала картину, как Хэдли с силой придавливает его к постели, забирается сверху в одной рубашке, расшитой павлиньими перьями...

Хэдли тихонько вскрикнула и схватила Лоу за руку.

Зараза!

Неужели она читает мысли?

– Вера Мюррей Бэкол.

Лоу сел ровнее. Аида теперь выдыхала белый пар, будто вышла зимой на улицу. Helvete. Прямо как Астрид рассказывала. И Хэдли вовсе не прочитала его похотливые мысли, а просто отреагировала на метаморфозу с медиумом и была совершенно очарована происходящим.

И не зря.

Дыхание Аиды изменилось, и она открыла глаза.

Мурашки побежали по шее и рукам Лоу.

– Кто вы? – произнесла Аида в чужой манере своим голосом.

– Получилось? – прошептала Хэдли, крепко прижав колено к его ноге. Когда она успела к нему придвинуться?

– Видишь ее дыхание? – ответил он вопрос.

– Да, боже милостивый.

Лоу кашлянул.

– А мы говорим с... хм, миссис Бэкол?

– Арчи здесь? Ноель?

Арчи, скорее всего, ее супруг, Арчибальд Бэкол, но кто такой Ноель?

Хэдли отпустила руку Лоу и выпрямилась.

– Нет, здесь я, твоя дочь.

– Невозможно... Хэдли?

– Да.

– Ты была такой маленькой. Не верится.

Если Хэдли и переживала от встречи с матерью, то вида не показала. Она говорила так, будто делала заказ в ресторане:

– У меня есть важный вопрос и мало времени. Мне надо знать, где ты спрятала четыре части мифического Позвоночника Осириса.

– Этот амулет опасен.

– Я понимаю его предназначение. Просто расскажи, где ты спрятала его составляющие.

– Я их не спрятала, а отдала, чтобы их нельзя было собрать.

Говорит ли дух загадками или просто ерничает? В любом случае беседа идет не так, как надо. Наверное, стоит воспользоваться указаниями доктора Бэкола.

– Вы нарисовали карту местонахождения этих частей? – спросил Лоу.

– Карту? – Покойная миссис Бэкол рассмеялась губами Аиды.

– Да, я нарисовала карту, как вы ее называете. Свидетельство моих усилий не дать Арчи и Ноелю поубивать друг друга.

А, так Ноель – тот самый партнер.

– Слушайте внимательно, и я расскажу, где можно поискать карту. Ее найдешь на набережных Сены, в глядевших полях, где ночь царит всегда и на нарисованном корабле.

Опять загадки.

– Лучше оставьте все, – сказала миссис Бэкол после недолгого молчания. – Моя дорогая. Твои волосы чернее смолы и очень густые. Прямо как мои.

– Пожалуйста, скажи прямо, где ты спрятала карту, – ответила Хэдли с раздражением.

– Ну я же сказала прямо. Подумай и поймешь. Ты всегда была умницей. Мне кажется справедливым, что ты пойдешь по моим следам как по хлебным крошкам. Будто Изида, ищущая разбросанные по земле части Осириса.

– Для тебя это игра?

– Вся наша жизнь – игра. Слушай, моя милая, я чувствую что-то темное, привязанное к тебе. Надеюсь, это не значит, что я передала тебе проклятье. Если бы я могла вернуться назад и сделать все по-другому, то так бы и поступила.

Хэдли смутилась.

А потом дух ее матери спросил:

– Нашли ли основание амулета?

Ей никто не ответил.

– Назначение амулета не миф. Такая магия опасна. Древние жрицы спрятали части амулета в разных храмах не просто так, вот почему я последовала их примеру. Твоему отцу нельзя дать добраться до него. Если найдете перекладины и присоедините их к основанию, ни в коем случае не разрешайте ему завладеть целым амулетом.

Если бы только доктор Бэкол не махал перед его носом чеком на сотню штук. Лоу уважал покойников, но он был еще жив и нуждался в наличных.

– И Ноелю тоже, – добавила она. – Я постаралась защитить твоего отца от амулета, но боюсь, что случится, если они с Ноелем снова станут соперниками. Не дай им обоим завладеть амулетом. Прошу, пообещай мне.

– Почему? – спросила Хэдли, но послышался лишь полузадушенный стон. Аида вздрогнула и стала хватать ртом воздух. Со следующим выдохом белый пар пропал.

Покойная миссис Бэкол ушла.

– Ух, я чувствую легкое головокружение, – сказала Аида, будто не сделала ничего чудесного, а лишь встала после долгого сна. Мاستиф так и не поднял голову. – Миссис Бэкол сказала что-то полезное?

– Не особенно, – выпалил Лоу в то время, как Хэдли ответила: – Разумеется, весьма полезное.

Лоу прищурился.

– Неужели?

– Точно. – Она встала и взяла шубу с шелковой подушки с кисточками. – По-моему я знаю, где мама спрятала карту.

Глава 10

В прихожей Хэдли заявила:

– Я поеду на такси.

Она осмотрелась, чтобы сориентироваться, и заметила, как медиум Аида с собакой зашли в лифт рядом с большой лестницей.

Весьма впечатляющий дом Магнуссонов был просторным и очень ухоженным. Намного уютнее и живее квартиры Хэдли и дома ее отца. Интересно, каково жить там, где из коридора с комнатами слуг слышалось радио, а со второго этажа через потолок доносился смех.

– Ты хочешь поехать на такси, – повторил Лоу.

– Если воспользуюсь твоим телефоном.

– Черта с два. Где же карта?

– Зачем мне тебе сообщать?

– Зачем? – Лоу склонил голову, пытаясь посмотреть ей в глаза. – Я скажу тебе зачем.

Потому что мы заключили сделку.

– Да, о том, что я не расскажу отцу. И я этого не сделаю.

– Нет, нет, нет... это я охочусь за сокровищами, а не ты.

– Ладно. Значит, сам ищи ту карту.

– И найду, как только ты скажешь мне, где искать.

– Кажется, нашла коса на камень.

Со второго этажа кого-то позвала девушка. Красивый молодой китаец по имени Бо, с

которым Хэдли познакомилась на железнодорожной станции, прошел по коридору за спиной Лоу и с любопытством оглядел Магнуссона-младшего и его спутницу, прежде чем подняться по лестнице.

Лоу приблизился. Хэдли вспомнила, как он гладил цветок в ее волосах, чем временно отключил наиболее цивилизованные уголки ее мозга. Он прошептал:

– Позволь предложить компромисс. С одной стороны, ты знаешь, где карта, а твоя мать считает тебя достаточно сообразительной, чтобы разобраться в ее загадке. С другой стороны, тебе вообще не должно быть известно о карте и частях амулета. Именно мне платят за эту работу, и я неплохо разгадываю головоломки. Нашел ведь основание джеда.

«Почему же Лоу так хорошо пахнет?»

– Продолжай.

– Две головы лучше одной. Если сможешь мне найти части амулета, я поговорю с твоим отцом и сделаю так, чтобы ты получила пост начальника департамента в музее.

Хэдли фыркнула.

– Будто ты на такое способен.

– При желании я могу быть очень убедительным.

– Отец слишком умен, чтобы поверить твоим глупым рассказам.

– Однако он ведь обратит внимание на мою просьбу, если я отдам амулет лишь при условии, что ты получишь вождеденную должность?

Гм. А что-то в этом есть. Понятно, что после сегодняшнего вопиющего предательства и ее опрометчивой реакции отец не станет с ней торговаться. Не в первый раз она в гневе нападала на него вместе с Мори, но с тех пор, как он ослеп, стал меньше ей доверять. Сегодняшнее происшествие, скорее всего, оказалось последней каплей. Она могла бы обратиться к совету попечителей ради возможности получить этот пост, но они в жизни не пойдут против желаний ее отца.

Наконец Хэдли согласилась:

– Мы станем напарниками. Я помогаю тебе, ты – мне. Мы будем честны друг с другом. Ты не врешь мне о поисках, и мы не работаем в тайне друг от друга. Ты получишь деньги, я – должность. И все это зависит от того, найду ли я тайник с картой.

– Согласен.

– Хочешь начать прямо сейчас? – спросила Хэдли.

– Упавшая люстра освободила мое расписание.

Хэдли посмотрела вверх. С потолка свисала медная люстра фирмы «Крафтсмен» с витражным стеклом.

– Ночь только началась, – с улыбкой заметила Хэдли.

Лоу прошептал ей на ухо.

– Мисс Бэкол, мне нравится, как ты флиртуешь.

Не успела она запротестовать, как он крикнул в сторону кухни, что вернется домой попозже. Затем быстро скинул фрак и переоделся в кожаную куртку, которая висела на вешалке.

– Сюда. – Лоу повел Хэдли в коридор, ведущий к входу, где вдоль перил стояли машины. Все же Лоу направился к красному мотоциклу.

– Куда едем?

– Что ты делаешь?

– Стираю пыль с сиденья для пассажира, – сказал он, обтирая деревянную доску над

задней крышкой. Эту неустойчивую конструкцию удерживали металлические спицы, гайки и шурупы.

– Я не поеду на этом. Ты с ума сошел?

– Не называй ее так. Лулу – изготовленный на заказ индийский мотоцикл. Разгоняется до девяноста миль в час по прямой. Не волнуйся, я не гоняю на ней в городских пределах. Астрид постоянно катается со мной на втором сиденье.

Лулу? Какое нелепое название.

– Мое платье...

– Будет прикрыто шубой за миллион долларов. Просто крепче запахни края, чтобы не попали в колесо. Принцесса, а я думал, ты хочешь, чтобы к тебе относились, как к мужчине.

Хэдли долго смотрела на него. Ее чувства колебались между раздражением и страхом.

– Да ну же. Ты в полной безопасности.

Хэдли в этом сильно сомневалась.

Коварная улыбка заиграла на губах Лоу.

– Я поеду медленно.

Он протянул руку и кивнул на мотоцикл.

Хэдли неохотно приняла его руку. Как только Лоу установил мотоцикл на дорогу, она, следуя его указаниям, встала на небольшую подножку у колеса и перекинула ногу через сиденье. Хэдли схватилась за металлическую ручку в форме крикетных ворот между сиденьями, чтобы удержать равновесие.

– Не сработает, у меня слишком узкое платье.

– Приподними его под шубой. Никто ничего не заметит. К сожалению даже я, – вздохнул Лоу, забравшись на водительское место, и щелкнул парой механических переключателей.

Он сильно нажал на пусковой рычаг возле правой ноги Хэдли. Мотоцикл взревел будто медведь, которого разбудили во время долгой зимней спячки. Она почувствовала вибрации каждой косточкой своего тела. Теперь выбора нет. Хэдли быстро приподняла платье и крепко запахнула шубу.

– Все убрала? – спросил он, оглянувшись через плечо.

– У нас не выйдет, – повторила она, крепче схватившись за ручку. – Ты меня убьешь.

– Значит, будем квиты. Куда едем?

Хэдли глубоко вздохнула.

– В музей.

Лоу кивнул, не удивляясь, просто убрал откидную опору и направил мотоцикл по аллее. Неплохо. И тут он выбрался на улицу. Железный конь ринулся в ночь, будто сдирая дорожное покрытие. Прохладный ветерок трепал шерсть норковой шубы, пока парочка искателей сокровищ проносилась мимо особняков на Бродвее.

Как только Лоу свернул на дорогу, которая спускалась к Заливу, Хэдли потеряла веру в прочность ручки и крепко обняла Лоу за талию. Желудок ухнул вниз. Сердце стучало у ребер. Она прижалась щекой к его спине и усилила хватку, желая позвать на помощь, а может выразить свою радость... радость? Как такое возможно?

Но это правда. Она чувствовала бодрящую радость, граничащую с безумием. И даже сквозь раздражающий шум двигателя слышала его грудной смех. Лоу был таким теплым и сильным в ее объятиях, настолько, что Хэдли не мешали ни ручка, неудобно впившаяся ей в живот, ни резкий запах бензина и моторного масла, ни ее неприятие прикосновений. Важнее

всего был Лоу – ее живой якорь. И пока они летели по туманным дорогам, минуя городские фонари, Хэдли постаралась запомнить, каково обнимать сильного мужчину.

Все закончилось слишком быстро, потому что вскоре она увидела знакомые лужайки парка «Золотые ворота». И как только Лоу припарковался у служебного входа, Хэдли чуть не упала с мотоцикла, пытаясь высвободиться и быстро поправить платье.

– Осторожно с двигателем, – предупредил Лоу, помогая спутнице устоять на дрожащих ногах. – Чертовски горячий на ощупь. Поверь, знаю по опыту.

– Я в порядке.

– Уверена?

Если он скажет хоть слово о том, как она за него цеплялась, то она сторит от унижения. Но Лоу молчал, и в конце концов Хэдли ответила:

– Было не так уж плохо.

– Лучше, чем «ужасно». Ну, ладно.

Немного смущаясь, Хэдли осмотрела парковку, где стояли лишь три машины местных сторожей.

– Если охранники нас станут допрашивать, говорить буду я. Не нужно больше плести безумные истории о домашнем насилии и беременности.

– Как хочешь. Так какой у нас план? Где же спрятана карта?

Хэдли достала ключи из кармана.

– Прямо под носом моего отца. Идем, проверим мою правоту.

У входа стоял полумрак. Охранники обходили в основном сам музей, редко заглядывая в крыло служебных помещений. Хэдли вообще хотелось бы не попадаться им на глаза, поэтому надо управиться поскорее. Она провела Лоу прямо в отцовский кабинет и закрыла дверь.

– Ты что-то понял в загадке моей мамы о местонахождении карты? – спросила она, включив лампу на столе.

– Ее ответ напомнил мне бездарные стихи.

– О вкусах не спорят. Отец дарил маме книги на все праздники – дни рождения, юбилеи, Рождество. Дорогие книги, первые издания. И они все стоят вон там. – Она подошла к шкафу около дальней стены рядом со смежной дверью в свой кабинет. – Он считал это вложением средств. Давал ей удовольствие читать литературные произведения, ценность которых со временем лишь растёт. Но я припоминаю, как мама говорила моей няне, что хоть отец дарил их ей, эти книги были скорее для него самого. Он не был любителем поэзии, а лишь коллекционером.

– Вот эти? – Лоу рассмотрел полки. – Тут их сотни. Их не уничтожил Великий Пожар?

– Дом нашей семьи находился немного западнее линии огня, так что нам повезло.

– Мы тогда жили в Филморе, и нас тоже минуло несчастье. – Лоу нахмурился. – Ты уверена, что мать упомянула строчки опубликованных стихов?

– Мои родители всего лишь собирали книги, а вот я прочитала каждый том в этой комнате по меньшей мере раз.

– Я много читал о Египте. В основном журналы «Аргози» и «Странные истории».

– Я не считаю журнальное чтение литературой.

– Какой снобизм, – ответил он, прищурившись. Его улыбка свидетельствовала, что он ее дразнит, но в любой шутке есть доля правды.

– Неважно. Если бы ты прочел книгу в твердом переплете, то догадался бы. Мама сказала, что мы найдем карту на «набережных Сены», в «глядевших полях», «где ночь царит всегда» и «на нарисованном корабле». Я знаю по меньшей мере две цитаты: «Где ночь царит всегда» из «Ворона».

– Эдгара Аллана По.

– Очень хорошо. Значит, ты чему-то научился в Беркли, – прошептала Хэдли, рассматривая книжные полки.

– Вот она – сказал Лоу, указывая на самую верхнюю полку. – Помоги мне убрать это отсюда.

Вместе они перетаскивали кресло, в котором доктор Бэкол курил сигары. Устранив препятствие, высокий Лоу сумел достать до нужной полки. Кончиками пальцев он вытащил книгу. Это был По. Он пролистал его раз, другой, потряс, но из книги так ничего и не выпало.

– Дай мне, – попросила Хэдли. – Возможно на странице с цитатой будет подсказка. – Она посмотрела содержание и нашла стихотворение. – Ничего.

Лоу склонился над ней, чтобы вместе рассмотреть страницы, и Хэдли почувствовала аромат его кожаной куртки. Тот самый запах, который вдыхала на мотоцикле, когда щекой прижималась к его спине. Пульс зачастил.

– Никаких пометок. Да и уголки не загнуты. – Хэдли почувствовала его взгляд на своем лице, а потом и прикосновение пальцев. – Увяла.

– Прости?

– Твоя лилия. – Хэдли ощутила, как покраснела шея, стоило ему вытащить цветок из-под заколки. – Боюсь, не пережила поездку на мотоцикле. Жаль. Аромат все такой же приятный.

– Да, ничто не вечно. – Хэдли погладила волосы там, где была лилия. – Если, конечно, не прошло нужную обработку.

– Ты шутишь о мумиях?

Хэдли мысленно улыбнулась.

– Пожалуйста, сосредоточься на текущем задании. Я бы не хотела столкнуться с охраной.

– Ну, карты здесь нет. Возможно, мы смотрим не в той книге. У твоей матери случайно не две книги По?

Хэдли покачала головой, борясь с разочарованием.

– Только эта.

– Давай прочитаем другое стихотворение. Какую еще цитату ты узнала?

«Как в нарисованной воде,

Рисованный стоит».

– Очень знакомо, – пробурчал Лоу.

– «Поэма о старом моряке» Сэмюэля Тэйлора Кольриджа.

– Ага, я видел Кольриджа... вот здесь. Дай только поставлю на место По. – Он собирался это сделать, как застыл. – погоди.

– Что?

– Тут что-то странное.

Глава 11

Лоу перевернул книгу Эдгара Аллана По и внимательно осмотрел кожаную обложку.

– Точно не знаю. Насколько тебе дороги книги матери?

– Дорогие? Если в эмоциональном плане, то совсем нет. Как я уже сказала...

Не успела Хэдли закончить, как Лоу вытащил из куртки какой-то предмет. Сверкнул металл. Хэдли что-то прошептала, удивляясь, откуда у него под пиджаком оказался кинжал. Одним взмахом Лоу разрезал обложку книги, засунул палец в отверстие, где обнаружил пожелтевшую бумагу.

– Что это? – Хэдли схватилась за один край листка, а Лоу удерживал другой.

На тисненой художественной бумаге размером в ладонь была нарисована изящная акварель, которую они с Хэдли сразу узнали и одновременно прошептали:

– Канопа[6].

То был один из глиняных кувшинов с крышками в виде голов богов, в которых древние египтяне хранили свои внутренние органы в загробной жизни. В каждую могилу опускали четыре канопы с четырьмя разными органами. Крышка на картине изображала Дуамутефа, бога с головой шакала, сына Гора и хранителя желудка.

– Четыре цитаты из стихотворений. Четыре канопы. Тут в углу стоит дата: пятое февраля 1906 года. А это что такое?

Посередине канопы на акварели коричневыми чернилами были аккуратно написаны две колонки странных графических символов. Хэдли украдкой посмотрела на них.

– Обычно в этом месте находится надпись из иероглифов или имя бога-защитника органов. Но это не иероглифы.

– Не египетские иероглифы, – поправил Лоу. – Похоже на алфавит из пиктограмм. Смотри – вот тут цветок и нож.

– Нет, кажется, это травинка.

Он искоса посмотрел Хэдли в лицо, очарованный ее серьезным ученым подходом.

– Твой отец упоминал, что твоей матери нравились головоломки. Думаешь, она сотворила собственный алфавит, наподобие иероглифов?

– Возможно, – согласилась Хэдли. – Но не вижу ничего похожего на карту. Что все это такое?

– Не знаю, но готов поспорить на десять баксов, что изображения остальных трех каноп находятся в других книгах. – Он передал ей бумагу и взялся за Кольриджа, разрывая и эту книгу, как предыдущую. – Клянусь золотой жилой! Это Хапи.

Голова павиана была аккуратно установлена на урну.

– Легкие. Двадцать первое января 1906 года. И снова те же самые пиктограммы.

– Но ни одной с первой картинки.

– Дай глянуть. – Хэдли посмотрела на обе находки. – Ты прав, они все разные. Но алфавит очень красивый.

– Я останусь при своем мнении, пока мы его не расшифруем. Что будем делать теперь? «Глядевшие поля» напоминают о Небраске. Есть ли там поэты, обожающие до безумия пшеницу?

– Кажется, Небраска больше известна своей кукурузой. Глядевшие поля, глядевшие поля... – Она провела пальцем по корешкам на ближайшей полке. – И По, и Кольридж, писали стихи о смерти. Скорее всего, и «глядевшие поля» из той же области. Ой!

– Что?

– «Раз к Смерти я не шла...»

– «Она ко мне явилась в дом», – закончил Лоу. – Да, я знаю эти стихи, Эмили

Дикинсон. Хоть в школе не мог запомнить больше первой строфы. Бэкол, у тебя прекрасная память.

Хэдли усмехнулась и порозовела. Лоу также почувствовал воодушевление от успеха. С ней можно разделить такое неожиданное удовольствие. Вместе они нашли нужную книгу и, разумеется, третья картинка была спрятана в кожаном переплете. Третья канопа с третьим набором пиктограмм с датой «двадцать пятое марта 1906 года».

– А что же последние стихи? – спросила Хэдли.

– Ну, Сена находится во Франции, так что, могу поспорить, последний поэт – француз. Возможно, такой же повернутый на смерти, как и мисс Дикинсон.

– Рембо, Гюго, Бодлер...

Лоу схватил сразу три книги указанных авторов, провел пальцами по обложкам и остановился, почувствовав выпуклость на сборнике Бодлера. И вот она: картина с изображением четвертой канопы, четвертого набора пиктограмм и кое-что еще. Точнее несколько новых подробностей.

– Размеры урны: тридцать восемь сантиметров в высоту, пятнадцать в ширину у основания.

Это не все. На акварели рядом с канопой кто-то изобразил ее же поперечный срез – двойные стенки и полость на дне, которую в описании определили как «дополнительное отделение».

Лоу постучал по уголку листка.

– Чеки за глину и лакировку... цены. Похоже, что все эти изображения были заказаны в фирме под названием «Кипарисовая керамика». «Одобрено клиентом, ВМ. 7 января 1906 года». Это самая ранняя из четырех дат.

– ВМ – Вера Мюррей, – прошептала Хэдли. – Девичья фамилия моей матери. Наверняка, это она их заказала. Посмотри на дополнительное отделение. Оно достаточно большое, чтобы вместить одну из перекладин амулета, если они примерно того же размера, что и найденное тобой основание.

Лоу осмотрел схему дополнительного отделения.

– Боже, ты права, это тайник. Канопы запечатали после того, как поместили туда части амулета. Четыре сосуда для четырех перекладин. – Он провел пальцем по смазанному слову возле поперечного среза. – Купол? Пепел? – Он посмотрел ей в глаза. – Хэдли, они создавались как погребальные урны.

– Ну да, примерно того же размера.

– Посмотри на числа. – Он забрал у нее картинки и разложил на столе доктора Бэкола. – Январь, февраль, март – все даты четыре соответствуют месяцам до Великого пожара.

– На сеансе мама говорила, что раздала перекладки. Она спрятала их в урны, а потом сами урны спрятала в городе. Канопы сделаны для настоящего праха реально существовавших людей.

– Черт побери!

Они долго смотрели друг на друга и улыбались.

Хэдли вздохнула и осмотрела картинки.

– Значит, эти четыре листика на самом деле карта. Потому что, готова поспорить на десять долларов, мистер Магнуссон, пиктограммы – имена покойных, чей прах находится в этих урнах. Если мы хотим найти части амулета, придется отыскать семьи, в которых они хранятся.

Она, конечно, права. Но найти их будет непросто.

– Мы можем подойти к поискам с разных сторон. Например, найти эту «Кипарисовую керамику», но где шанс, что она все еще открыта двадцать с лишним лет спустя, ведь с тех пор было землетрясение и полгорода сгорело дотла... А лучше проверить записи о покойниках. Сколько людей могло почить в городе за те три месяца? Пара сотен?

– В Великом пожаре пропало столько записей. Мы можем попробовать поискать в Колумбарии к северу от парка «Золотые ворота».

– Где?

– В здании под куполом у мест упокоения. Там находятся погребальные урны. Семьи приходят туда навестить прах своих близких. Так называемое внутреннее кладбище.

– Тамшний крематорий не использовался с тех пор, как кремацию в городских пределах запретили, но колумбарий все еще открыт для посетителей. Он выстоял во время землетрясения, так что, возможно, там сохранилась по меньшей мере одна канапа.

Конечно, у Хэдли полно вот таких мрачных сведений. Как мило.

Она начала собирать акварели.

– Завтра суббота, у меня выходной. Давай встретиться там поутру и осмотримся. А пока я заберу их домой и...

Лоу остановил напарницу, прижав ее руки своей.

– Эй, а кто сказал, что их заберешь ты?

– Они принадлежали моей маме.

– А это моя работа. Ты помогаешь, а не руководишь.

В глазах Хэдли промелькнул гнев.

– Мама сказала, что я смогу решить ее головоломку. Именно это она и имела в виду. Я их осмотрю, а потом передам тебе.

Дьявольски хитрая плутовка. Стоило восхититься ее попыткой, но Лоу не собирался уходить без картинок. И тепло ее костяшек под его ладонью вызывало желание большего.

– Я узнал, что есть два способа закончить спор с упрямой женщиной.

Она фыркнула.

– Прошу, просвети меня.

– Первый – дать ей выиграть.

Лоу выпустил ее руку.

– Очень умно. А второй?

В висках Лоу стучал пульс.

– Второй... заключается вот в чем.

Подняв подбородок упрямыцы одной рукой, Лоу решительно прижался губами к ее губам. Хэдли застыла, не дыша. Возможно, просто от изумления. Или Лоу слишком увлекся порывом. Он немного расслабился, вздохнул и принялся целовать ее осторожно и легко. Против таких ласк даже самая невинная девственница не стала бы протестовать.

В ответ ноль эмоций.

Она застыла как мрамор и стала в два раза холодней. Неужели он просчитался? Она его не отталкивала, но и не испытывала страсти. У мертвеца и то было бы больше энтузиазма.

Не так Лоу представлял их поцелуй в своих фантазиях.

Господи. Он никогда не целовал женщину, которая этого не желала, но ее напряженные и безответные губы наводили на определенные мысли. Настолько отличалось

ее поведение от эротического желания, которое он ощутил у зеркального пруда на вечеринке. Он готов был поспорить, что между ними что-то есть. Неужели показалось?

Придется завершить поцелуй и позволить огню унижения согреть арктический воздух между ними. Как он совершил такую ошибку?

Он отпустил Хэдли и отстранился. На ее лице промелькнуло некое подобие ужаса. Она сжала руки в кулаки.

– Похоже, что дело не только в работе, – сострил он, пытаясь пролить бальзам на раненую гордость.

Послышался резкий стук, дверь открылась, и показался мужчина средних лет в униформе охранника.

– Доктор Бэкол?

– А, добрый вечер, мистер Хилл.

– Мисс Бэкол, извините за беспокойство. Я только что отметился и собирался домой. Увидел свет под дверью и решил, что ваш отец заработался допоздна.

– Нет, это всего лишь я. О, и Ло... хм, ну, это, то есть...

– Мистер Магнуссон, – представился Лоу.

– Да, – Хэдли нервозно рассмеялась. – Он только вернулся из Египта. Мы оба пришли с музейной вечеринки.

Охранник прищурился.

– Понятно...

Что она хотела? Позволить ей говорить? Хэдли же совершенно не умеет врать. Стоит ей сказать еще что-то, она признается в преступлении, которого не совершала. И еще хуже, поделится с охранником, что они разорвали книги, чтобы найти карту.

О боже.

На столе рядом с выпотрошенными книгами лежали картины. Лоу быстро встал перед ними, надеясь заслонить их от взгляда охранника, и перебил Хэдли:

– Мы планировали сюрприз по случаю отставки доктора Бэкола. Собираем старые фотографии его юности, чтобы художник нарисовал его для буклета с перечислением его достижений.

Охранник расслабился.

– Уверен, ему понравится.

Все вышло слишком просто.

– Надеюсь на ваше молчание, – напомнил Лоу. – Нам хотелось бы удивить всех сотрудников, вот поэтому мы явились сюда прямо после вечеринки. Не хотели огласки, пока не доставим буклет печатнику.

– Я буду молчать, – заверил его охранник. – А пока я пойду. Мисс Бэкол, вас подвезти домой или куда-то еще?

– Да, пожалуйста, очень любезно с вашей стороны, мистер Хилл. Не придется вызывать такси.

Лоу почувствовал волну раздражающего гнева. Разве не он выдумал причину, чтобы успокоить охранника? Неужели Хэдли так испугалась поцелуя, что старается как можно скорее уйти подальше?

Она улыбнулась мистеру Хиллу.

– Подождите меня у входа, я выйду через минутку.

– Да, мэм. – Охранник приподнял шляпу, прощаясь с Лоу. Как только он пошел

дальше по коридору, Хэдли с беспокойством осмотрела кабинет.

– Я мог бы отвезти тебя домой, – предложил Лоу.

Хэдли его проигнорировала.

– Положи книги на места и проследи, чтобы твоя «резня» осталась незамеченной. И я просто...

О нет! Лоу бросился к столу и успел забрать две картинки. Остальные взяла Хэдли.

– Настоящий компромисс: я сохраню свои, а ты – свои. И встретимся завтра утром часиков в десять в колумбарии.

Значит, решила притвориться, что поцелуя не было? Ладно. Неизвестно, чего вообще он гонялся за ней.

По пути домой Лоу напомнил себе обо всех ее раздражающих чертах характера. Властная. Чудаковатая. То горячая, то холодная. Сдержанная. Обидчивая. Слишком образованная. Упрямая. Слишком старая. С ужасным стилем – Лоу решил, что вечернее платье для вечеринки выбрал кто-то другой.

И вот еще что: Хэдли пыталась его убить.

Позже, раздевшись и собираясь в постель, Лоу нашел увядшую лилию в кармане своего фрака. Хэдли говорила: «ничто не вечно». Как же верно подмечено. Он бросил цветок в мусорную корзину, выключил лампу на комод и лег, продолжая сердиться в темноте.

Боги на небесах, он все еще чувствовал запах проклятого цветка.

Лоу включил лампу и вытащил лилию из мусорного ведра. Минутку подумав, он положил ее между страницами старого выпуска «Странных историй» и засунул журнал под перину.

Глава 12

На следующее утро у входа на кладбище «Оддфеллоуз» вышедшую из такси Хэдли встретил серый туман, приправленный дождем. Величественные греко-римские колонны и зеленоватый бронзовый купол колумбария стояли на страже холмов с рядами могил. Хэдли осмотрела окружающую территорию, но никого не заметила: ни машин, ни родственников, пришедших навестить усопших.

Ни красного мотоцикла.

Учащенное от беспокойства сердцебиение замедлилось.

Подойдя к входу, она поправила шляпку-клош и стряхнула несколько волосков Четвертого с угольно-черного рукава пальто. Чертов кот снова линял и решил немного поластиться к хозяйке, когда она вернулась домой прошлой ночью, переживая из-за Лоу и самого ужасного поцелуя в своей жизни.

Что с ней такое? Не считая очевидного беспокойства. Как же так: сногсшибательно красивый сильный мужчина поцеловал ее, а она заледенела словно зимнее озеро. Хотя Лоу застал ее врасплох, а Хэдли отвыкла от чужих прикосновений и, тем более, поцелуев, все же стоило насладиться моментом. Особенно после того, как он, не отрываясь, продолжал целовать.

И все целовал и целовал...

От таких раздумий Хэдли стиснула зубы.

«Расслабься», – упрашивал ее Джордж, когда они учились в колледже. Ей хотелось, боже, очень хотелось. Губы Лоу оказались теплее и мягче, чем она ожидала. Хэдли представляла, каково было бы сдать на его милость. Она вспомнила свои ощущения у зеркального пруда. А если бы Лоу ее поцеловал тогда? Все могло сложиться иначе. Однако в

музее ее здравый смысл требовал не терять бдительности. Не доверять такому мошеннику как Лоу, потому что он поцеловал ее только, чтобы прихватить рисунки, которые они нашли в книгах.

Почему же ее так смущает собственная холодность? Если Лоу поцеловал ее по неблагоприятной причине, нужно задрать подбородок и гордиться, что не сдалась. А вместо этого она надела платье с декольте и... боже милостивый – расстегнула пальто, чтобы Лоу увидел ее наряд. Что с ней такое? Хэдли быстро застегнулась и виновато осмотрелась, прислушиваясь к шуму его нелепого мотоцикла.

Проблема в том, что прошлой ночью не вышло поспать.

Она собиралась начать переводить мамины пиктограммы и перерисовала примерно половину на большой лист бумаги. А остаток ночи провела, бродя по квартире в чулках и представляя в деталях вечер с Лоу. А также меняя эти детали, чтобы добавить то, что ей следовало сказать и сделать.

Надо было его поцеловать. Ей так хотелось.

Почему же она не ответила на ласку?

И почему он ее не встречает? Будь на его месте другой мужчина, он мог бы признать поражение и решить бросить гиблое дело. Но Магнуссону-младшему нужны деньги ее отца, так что упрямец придет.

Если только он уже не перевел алфавит ее матери и не нашел свои две урны где-то в другом месте.

Лучше не рассматривать такую возможность. Глубоко вздохнув, Хэдли толкнула тяжелую дверь в колумбарий и вошла в ротонду. Четыре этажа-кольца, украшенные колоннами, вели к витражному потолку, увенчанному куполом, а в стенах были устроены сотни ниш, ставших последним местом упокоения для многих жителей Сан-Франциско. Большая часть из них размерами не превышала почтовый ящик. Некоторые скрывались за медными дверями с выгравированными именами усопших. В других проделали стеклянные окошки, позволяя посетителям увидеть урну или даже собрание любимых вещей покойника: мячи для бейсбола, книги, редкий антиквариат, фотографии.

Шаги Хэдли отдавались эхом в круглом зале. Она остановилась перед несколькими нишами. Тут можно искать день напролет. Когда-нибудь археолог, такой, как она, раскопает руины колумбария и постарается угадать, как жило общество Сан-Франциско.

– Нашла что-нибудь?

Хэдли вздрогнула и повернулась. Лоу был одет в коричневое полупальто, сапоги до колена и в федору цвета ржавчины, скошенную на бок так, что край скрывал глаза.

– Я не слышала, как ты подъехал.

– Сегодня я не на мотоцикле, а на такси, – небрежно ответил он, сунув руки в карманы штанов. – Как нынче поживает твой отец?

«Отец?»

– Понятия не имею. Обычно мы мало общаемся, если дело не касается работы. Когда он зол на меня, то говорим еще меньше.

Лоу фыркнул.

– Ну что, как тут устроены эти ниши? – Его обычно хорошее настроение как в воду кануло. Лоу не злился, просто... был отстранен. Похоже, разговора о поцелуе не предвидится, но Хэдли и самой не хотелось обсуждать произошедшее.

– Было бы проще, если бы ниши были распределены по датам, но увы, – сообщила

Хэдли, вытягивая шею, чтобы взглянуть на купол. – Мы могли бы поискать канопу в нишах с окнами, но это займет часа два, даже если мы разделимся.

– И она может быть скрыта за медной дверью без окна.

– Правда, – согласилась Хэдли. – Ты смог перевести какую-нибудь из пиктограмм?

– Некоторые из символов – зеркальное отражение друг друга. Они перевернуты.

– Неужели? – Хэдли ничего подобного не заметила на тех двух картинах, которые взяла домой.

– Должен быть архив, – прошептал Лоу себе под нос.

Хэдли покачала головой.

– Не поможет. Зачем сортировать документы по дате? Скорее всего, их раскладывают по фамилиям.

Кто-то позади них кашлянул.

– Извините, мэм, но крематорий и служебные помещения закрылись почти двадцать лет назад, когда кремация была объявлена вне закона. – В призме света, льющегося из одного из окон с изображением ангелов, стоял пожилой чернокожий человек с банкой чистящего средства и тряпочкой.

Лоу приподнял шляпу.

– Доброе утро. Вы здесь работаете?

– Да, смотрителем, – ответил служащий, приветливо улыбаясь.

– Мы с кузиной приехали из Солт-Лейк-Сити, чтобы провести выходные в Сан-Франциско, – начал Лоу.

«Боже милостивый, опять», – подумала Хэдли.

– Мы искали нишу нашей тети Тессы, – продолжал Лоу. – Она умерла до Великого пожара. Кажется, ее прах здесь, но мы не знаем, под какой фамилией ее похоронили: она разводилась несколько раз. В любом случае, у нас остались о ней приятные детские воспоминания, поэтому мы решили почтить ее память.

По крайней мере, состряпанная сказка не очерняла саму Хэдли. Все же Лоу более приветливо разговаривал со стариком, чем с ней. Лоу не понравился поцелуй? Он обиделся? Или она слишком много внимания уделяет его настроению? Возможно, Лоу уже забыл о случившемся. Ей бы этого так хотелось.

– Найти ее будет непросто, – ответил сторож, кивая. – Даже если бы вы знали ее фамилию, это бы не помогло. Десять лет назад старые документы перенесли в другое место – на склад в деловом районе города. Вам нужно связаться с владельцами. Если вы приехали лишь на выходные, вряд ли сможете их застать.

Лоу разочарованно хмыкнул и осмотрел ротонду, задержавшись там, где пустовали десять разных стульев.

– А вы давно тут смотрителем работаете?

– Уже тринадцать лет.

– А вы не видели тут египетскую урну? Со скульптурной крышкой примерно такой высоты, – Лоу показал жестами. – В виде головы павиана или шакала или...

– С длинными ушами?

– Да, и длинным носом, – подхватила Хэдли. – Спереди на ней еще было два ряда символов.

– Похоже, на погребальную урну миссис Роузвуд.

В ротонде повисло минутное молчание. Лоу пытливо посмотрел на Хэдли, но та не

хотела предаваться напрасным надеждам, ни в случае с урной, и тем более ни с Лоу, и спросила:

– Можете нам показать?

Смотритель покачал головой.

– Простите, ее здесь нет. В дни моей молодости я работал в крематории Долорес между Телеграф-хилл и Норт-бич и помню, что такую урну использовали для праха миссис Роузвуд.

– А кто такая миссис Роузвуд? – спросил Лоу.

– Наследница судовладельца. Ее смерть вызвала настоящий скандал. Поговаривали, что ее убили сыновья, чтобы наложить лапы на особняк почти на самом вершине Телеграф-хилл на краю парка. Ходили слухи, что наследники хотели превратить его в игорный притон. Это случилось прямо перед землетрясением в 1906 году. Особняк сохранился, но свежееиспеченные владельцы утверждали, что там поселился призрак убитой хозяйки.

Хэдли совершенно не боялась призраков; ей хватало своих духов.

– А вы не знаете, где ее урна?

В нескольких местных церквях были ниши для погребального праха, но вряд ли священники согласились бы принять языческую урну с головой бога-шакала.

– Насколько я знаю, родственники оставили ее себе. Такая милая вещица украсила бы каминную полку.

Лоу передал указания смотрителя ожидавшему у колумбария такси. Они с Хэдли молчали, пока машина ехала по темным мокрым улицам. Лоу старался сдерживать свои чувства и сделать вид, будто прошлой ночью между ними ничего не произошло. Во всяком случае, с точки зрения Хэдли, поэтому он притворялся ради самосохранения, восстанавливая раненую мужскую гордость.

Все было бы проще, если бы очарование Золушки, которое он считал причиной ее внезапной привлекательности, магически испарилось бы за ночь. Ведь на Хэдли не было потрясающего платья и цветка в волосах. Она снова стала обычной строгой хранительницей в похоронной одежде.

И намного красивее, чем прошлой ночью.

Господи помоги.

Сегодня она, к счастью, хотя бы не пахла лилиями. Но когда он придержал для нее дверцу такси, то увидел, что ее чулки сзади украшены рядом черных бантиков. Как необычно, а для нее так и вообще вызывающе. Однако в настоящий момент его отвлекали не чулки. Нет, эта честь принадлежала тому, что он заметил в ту же минуту, как встретил ее в колумбарии.

Пальто Хэдли было неправильно застегнуто. Необычная небрежность для такой аккуратистки. В верхней петельке вместо первой пуговицы находилась вторая, отчего с краю шерстяного одеяния появился зазор – небольшое темное углубление. Лоу представил, как маленькие лесные зверьки зарылись под одежду прямо рядом с грудью, и едва не поддразнил пуританку.

Но как только такси повернуло за угол и направилось по Норт-бич, он заметил кое-что поинтереснее, чем маленькая мышка под ее неправильно застегнутыми пуговицами. Кожу. На Хэдли под пальто надето платье с низким вырезом. Он вспомнил ее яркое белье, и ему понадобилась монашеская выдержка, чтобы мысленно не расстегнуть пуговицу.

«Не забывай тот ужасный поцелуй» – посоветовал он себе. Такой ушат холодной

воды мог бы снова привлечь его внимание к их заданию, но только возродил мысли, не покидавшие его с тех пор, как он расстался с Хэдли прошлой ночью.

Она заметила его пристальный взгляд и натянуто улыбнулась.

– Пасмурный день.

– Хм.

– Нужно было взять зонтик.

– Ты встречаешься с тем парнем?

Ее пронизательные глаза округлились.

– С кем?

– С Оливером Гинном.

– О. – Неужели ее плечи поникли? Кажется, она расслабилась. – Мистер Гинн ухаживает за мной уже пару месяцев.

– Понятно. – Лоу ничегошеньки не понимал. – Это серьезно? Скоро зазвонят свадебные колокола?

Хэдли вскинула бровь.

– Насколько я знаю, нет. Думаю, меня бы сперва предупредили.

Он постучал пальцами по колену. Она его дразнит. Это хорошо, потому что явно не такого ответа ожидаешь услышать от влюбленной девушки. Лоу решил, что холодность во время поцелуя объяснялась ее чувствами к другому мужчине.

– Дело не в Оливере, – подтвердила она шепотом, разглядывая шофера такси.

Лоу перестал барабанить по колену.

– Прости?

– Во-первых, я считала, что ты меня обманываешь.

Хэдли говорила так тихо, что Лоу пришлось наклониться ближе.

– Не понимаю.

– Считала, что ты целуешь меня, чтобы забрать картины с канопами.

Минутку: она имеет в виду тот неудачный поцелуй.

– Нет, я не обманывал, – поспешно возразил Лоу. – То есть да, мне хотелось заполучить картины, но поцеловал я тебя просто по желанию.

Хэдли быстро моргнула.

– В любом случае проблема не только в моих сомнениях по поводу твоих мотивов. Я не люблю, когда меня касаются. – Она смотрела на мелькающий за окном город, стиснув руки в перчатках на коленях. – А еще из-за моих... ну, того, что случилось с люстрой.

– Смерти от хрусталя, – подсказал он.

Хэдли кивнула, и на ее губах промелькнула нервная улыбка.

– В юности со мной произошел один случай.

– Какой случай?

– Мне не хочется об этом говорить.

Он помолчал.

– Тебя кто-то обидел?

– Нет, не столь уж важно, что тогда произошло. Дело прошлое, но я не смогла преодолеть негативные чувства, связанные с ним. Обычно это не проблема, потому что люди бессознательно стараются держаться от меня подальше. Ничего страшного. Проще на работе, особенно, когда ко мне никто не лезет. Однако я привыкла к личному пространству.

– Понятно.

Частично, хотя вряд ли тот «случай» совсем ее не задел.

– Я сознаю, как жалко это звучит. Может так и есть, понятия не имею. Я просто не привыкла... – Хэдли попыталась найти нужные слова, жестикулируя, что совсем не помогло ей донести свои ощущения.

– Ты не привыкла, что тебя целуют? – наконец с любопытством спросил Лоу.

Она покраснела.

– Не льсти себе. Я не какая-то невинная девочка без опыта.

Неужели? Как интересно. Лоу нравились бесстыдные женщины с опытом.

– Я просто не привыкла, что меня так просто касаются. Предпочитаю устанавливать границу.

– Границу?

– Перчатки или расстояние... не знаю.

Она поерзала на сиденье.

– Но никаких прикосновений к коже?

Она кивнула.

– Наверное, я ненароком взрастила в себе фобию.

– Понятно.

– Неужели?

Лоу коснулся рукой в перчатке рукава ее пальто.

– Так нормально?

– Да.

– Но...

– Но, – эмоционально согласилась она, будто подводя итог всему, что только что пояснила. – Я не говорю, что мне нравится быть такой. Просто так получилось.

Хэдли пожала плечами и тяжело вздохнула.

Лоу вспомнил их первую ночь в поезде, и то, как она не хотела пожать его руку без перчатки, чтобы скрепить так называемое джентльменское соглашение. И следующий день, когда они собирали папки, Хэдли отшатнулась, и ее настойчивость, что дело не в отсутствии его мизинца. А потом зеркальный пруд. Она сжала его руку, но была в вечерних перчатках. И он ни разу не касался ее лица, только цветка в волосах. Даже когда Хэдли крепко обнимала его в поездке на Лулу, их разделяла одежда.

Конечно, пару раз Лоу притронулся к голому запястью большим пальцем, но впервые он ощутил ее кожу, когда прижал ее руку своей, стоило ей попытаться забрать картинки со стола. И несколько секунд спустя он стремительно поцеловал Хэдли, думая, что завоюет ее, и она просто растечется лужицей в его объятиях. Ну хватит об этом.

Она пригладила свое пальто.

– Ладно, теперь мы квиты.

– Как это?

– Ты никому не рассказывал настоящую версию о потере пальца, а я никогда никому не говорила об этом.

– Даже Денежному мешку?

Уголки ее рта задрожали. Хэдли быстро покачала головой.

Ну ничего себе. Она не сжалась и не умерла от прикосновения его губ к своим. Хотя все может быть, но дело не в нем самом. И вместо того, чтобы попросить Лоу никогда больше не пытаться, Хэдли выдала ему свою тайну, пусть и не всю.

Настоящий вызов. По крайней мере так ситуацию интерпретировало его позитивное мышление, будто Хэдли имела в виду: «Хочешь? Удачи. Надо еще заслужить желаемое».

Он столкнулся с таким большим препятствием, будто собрался прокатиться по Скалистым горам на мотоцикле в снежную бурю. Но Лоу всегда любил на первый взгляд невозможные и заведомо обреченные на провал задания, поэтому оставшееся время провел, вспоминая историю, рассказанную его дядей об одном из работников нуби, который до смерти боялся змей. Единственным способом избавить того человека от страха стала кормежка его тортом, а он тем временем смотрел с расстояния на пойманных змей. Дистанцию постепенно сокращали, покуда позитивная ассоциация с тортом не подавляла страх. Так называемая условно-рефлекторная терапия.

Проще торта или проще пареной репы? Интересно, что бы выбрала Хэдли? Лоу вдруг очень захотелось попробовать себя в поведенческой терапии.

Глава 13

Когда такси притормозило у парка Пайонир, Хэдли почувствовала облегчение. Что, черт побери, заставило ее рассказать о своих проблемах с личным пространством? И теперь между ними повисло тяжелое молчание. Бог знает, о чем Лоу задумался. Ей хотелось поскорее выйти из машины. Лучше сосредоточиться на текущем задании и притвориться, что разговора не было.

Особняк Роузвуд был одним из немногих зданий на вершине Телеграф-хилла и, весьма вероятно, самым богатым домом в районе, где жили представители рабочего класса. Но выглядел он не так уж впечатляюще: тусклая серая краска, покрывающая приземистый дом в итальянско-викторианском стиле, местами облезла; несколько арочных окон на третьем этаже оказались заколочены; пролет венчающего карниза сорвется при первой же буре.

– Там никто не живет, – заметила Хэдли, закрывая дверцу такси. – Жаль, что такой величественный особняк пришел в негодность. Посмотри на великолепную башню и те карнизы на кронштейнах.

– Жаль? – Лоу сморщил нос. – Он зловещий. Наверное, соседи между собой кличут его «Мрачный особняк».

– А мне кажется, что он красив и приятен. Тут мило и тихо, далеко от шумных улиц, вид на Залив потрясающий. Какая чудесная старая пальма в боковом дворе.

– Каждому свое. Но тот факт, что в доме никто не живет, нам сегодня не на пользу. Возможно, мы сумеем найти...

Из дома вышел рыжий мужчина в очках.

– Здравствуйте! Вы Дэвидсоны? Я мистер Фарнсуорт, агент по продаже недвижимости.

Хэдли перевела взгляд с мистера Фарнсуорта на табличку «ПРОДАЕТСЯ», висевшую у входной двери. Она тут же поняла, о чем подумал Лоу: дареному коню в зубы не смотрят.

– Да, Дэвидсоны, – с улыбкой подтвердил хитрец. – Мы не слишком задержались?

– Нет, вы пришли даже рано. Я просто хотел проветрить дом до нашей встречи. Вы же хотите зайти и осмотреться?

– Конечно.

– Нескольким потенциальным покупателям нужна только земля, но костяк здания в изумительном состоянии: выстоял в землетрясении, крепкая постройка. Нужно только сделать ремонт и покрасить. Электрическую проводку и отопление, вероятно, придется

менять, и нет телефона. Но у дома есть свой характер, правда?

– Я тоже так думаю, – согласилась Хэдли, вливаясь в аферу. – Милая старинная резиденция.

– Миссис Дэвидсон, прошу, входите, я вам сейчас все покажу, а потом поговорим о цене.

Как только Хэдли пересекла изогнутый порог, ее охватило легкое неприятное ощущение, такое же, как и от основания джеда. Тут находилась одна из перекладин!

Хэдли оглянулась через плечо на Лоу, который, вытягивая шею, старался осмотреть прихожую. Он ничего не заметил, хотя в поезде признался, что чувствовал энергию в основании амулета. Неужели ей показалось? Потому что в старом доме мрачная атмосфера появляется по нескольким причинам, как сказал бы Лоу. Толстый слой пыли. Мебель, прикрытая полотном. Острый запах плесени. Грубые рисунки, наспех нацарапанные на старых деревянных стенах – оккультные символы, мультяшные призраки в простынях, занимающиеся сексом в разных позах, а у лестницы надпись красной краской «Убирайся».

– Прошу прощения за вульгарную граффити, миссис Дэвидсон, – извинился риэлтор.

– Не знал, что у призраков такая фантазия. – Лоу склонил голову набок, чтобы осмотреть художества. – Трудно сказать, привлекает ли этого парня его приятель-призрак или девушка-привидение.

Фарнсуорт нервно рассмеялся.

– В этот дом не раз вламывались до того, как несколько лет назад он перешел во владение банка. Возможно, просто беспризорники.

– Ох уж эти беспризорники, – сказал Лоу, медленно качая головой.

– Уверю вас, когда в доме будут жильцы, такая проблема пропадет, – сказал мистер Фарнсуорт. – Теперь, если вы заметите, естественный свет исходит из гостиной сразу за прихожей...

Хэдли прошла вслед за мужчинами по нескольким комнатам и едва не споткнулась о пустую бутылку из-под джина на пороге кухни.

– Не с нашего склада, – прошептал Лоу, поддерживая Хэдли под руку. Они оба посмотрели на его пальцы. Он кашлянул, отпустил ее и вытащил из внутреннего кармана куртки упаковку мятных конфет. И, отдирая кусочек фольги с упаковки, спросил: – Хочешь?

Хэдли с удовольствием стала смаковать белую мятную конфетку, Лоу бросил себе в рот другую. Затем сунул в карман пачку одной рукой, а другую прижал к спине Хэдли. Она с подозрением покосилась на него. Разве совсем недавно она не сообщила ему о своей фобии? А когда он провел рукой вдоль позвоночника, содрогнулась. Лоу неспешно гладил вверх-вниз. Массаж. Точно, массаж. Он над ней издевается? Легкий гнев перешел в тревогу, но не успела Хэдли отстраниться, как он убрал руку, расспрашивая Фарнсуорта про точное количество разбитых окон в доме.

Тот ответил, что всего семь. Хэдли за несколько секунд раскусила конфетку, что не прошло для Лоу незамеченным. Она немного отошла от него и продолжила искать погребальную урну, пока напарник безупречно играл богатого супруга, ищущего тихий старый дом, который можно отремонтировать для «тещи».

Они поднялись по пока еще не обвалившейся лестнице на второй этаж, где большую площадку окружали четыре спальни.

– Тут находятся две ваннe комнаты, – указал агент. – Не слишком красивые, но водопровод, похоже, работает. А третья ванная в коридоре для слуг за кухней.

Шестое чувство Хэдли подсказало, что они приближаются к части амулета.

– А эта дверь куда ведет? – спросил Лоу.

– Знаете, я думал, это шкаф, но тут есть замочная скважина, – ответил риэлтор, принявшись перебирать ключи на связки и, что-то бормоча, подошел к запертой двери. – Минутку.

– Я ее чувствую, – прошептала она Лоу, остановившись с ним чуть поодаль.

– Я тоже. – Он порылся в кармане.

– Здесь ощущение сильнее. Наверное, на чердаке есть склад? Потому что в противном случае урну бы поставили на каминную полку или поместили бы в стеклянную витрину, – сказала она, взяв еще одну конфетку. – Возможно, я просто вспоминаю про урны, показанные в колумбарии. – Она опустила взгляд на руки Лоу, которые двинулись к ее груди. Обнаженные пальцы. Когда он успел снять перчатки?

– Ты неправильно застегнулась, – прошептал Лоу, наклоняясь к ее лицу ближе, чем она ожидала. Так близко, что его мятное дыхание отвлекло ее от того, как он расстегивал ее пальто.

Хэдли хотела возразить, но он не соврал. Сколько она ходила с неправильно застегнутыми пуговицами? И почему он ничего не сказал раньше?

– Секундочку, я только... – Порыв прохладного воздуха коснулся ее груди до того, как его теплые пальцы погладили то же место. О боже! На ней же платье с низким вырезом. Ужасная ошибка. Лоу хмыкнул. У Хэдли по рукам побежали мурашки. Она не осмеливалась посмотреть ему в лицо, пока он вдевал пуговицу в нужную петельку. – Вот так.

– Ага! Получилось! – воскликнул одновременно Фарнсуорт из другого угла лестничной площадки.

Хэдли закусила мятную конфету и поспешно догрызла ее, пока они шли к агенту.

– Похоже на небольшую кладовку, – сказал мужчина. – Электричества нет, так что трудно что-то рассмотреть в темноте. Комната примерно размером метр на три.

Тут в отдалении раздался стук, и все повернулись к лестнице. Послышалось робкое:

– Эй?

– И кто же это пожаловал? – спросил мистер Фарнсуорт. Очевидно, настоящие Дэвидсоны, но Хэдли не собиралась делиться догадкой с риэлтором. – Я на минутку, – сказал он, поспешно спускаясь по лестнице. – Погодите, вот увидите прекрасный вид из башни на остров Эйнджел и Алькатрас.

– Нет ничего лучше пасторальной элегантности тюремного двора и плохо контролируемого иммиграционного пункта, – пробурчал Лоу. – Помоги мне. Скорее, пока нас не поймали.

Хэдли споткнулась и едва не врезалась в него.

– Что?

– Разве ты не чувствуешь? Чертова штука прямо зовет меня. Готов поспорить, она где-то здесь. – Он вытащил из потайного кармана маленький медный фонарик и включил, освещая пальто Хэдли. – Всегда готов исследовать маленькие темные уголки.

Боже милостивый! Он с ней флиртует? Сейчас?

Когда шаги Фарнсуорта в классических кожаных туфлях послышались в прихожей, Лоу направил луч фонарика в чулан и бросился следом.

– Боже, эта комната битком набита.

Он был прав. В помещении находились старые ящики, шляпные коробки и сложенные

в штабеля стулья. У них нет времени перебирать все это старье. Но, возможно, не придется утруждаться.

– Ты ее чувствуешь? – спросил Лоу.

Сильнее, чем когда-либо.

– Вот тут, в каком-то из этих забытых ящиков. – От одного из них исходила энергия.

Лоу протянул ей фонарик.

– Подержи. Я только... – Очаровательная смесь шведско-английских ругательств наполнила чулан, когда Лоу покачал край среднего ящика. Секунду спустя от шума, вызванного отдираемым от гвоздей деревом, Хэдли поморщилась.

– Давай, давай... – Лоу рылся в мягкой стружке, пока не нашел сразу две вещи: старый патефон и сосуд с матовой глазурью песчаного цвета с крышкой в виде Дуамутефа, сына Гора с головой шакала.

Канопа ее матери была прелестна. Длинные, чистые линии и идеально прорисованные подробности. Такая современная и одновременно древняя.

Внизу со скрипом закрылась входная дверь.

– Скорее! – попросила Хэдли.

– Стараюсь, – ответил Лоу, вытаскивая урну из ящика.

Хэдли выключила фонарик и положила его в карман.

– Судя по голосам, настоящие Дэвидсоны в недоумении. Как мы вытащим урну отсюда? Через черный ход?

– Правило номер один: никогда не используй черный ход, – сказал он, беря урну под мышку. – Лучше выпутаться из этой ситуации разговорами, чем бежать. Пойдем.

Они спустились, встретившись с посуровевшим мистером Фарнсуортом внизу.

– Сэр, – резко сказал он, когда за ним в прихожую просочилась пара средних лет.

– Кузен! – воскликнул Лоу, растягивая губы до ушей в очень радостной улыбке.

Так называемый «кузен» выглядел удивленным и сбитым с толку.

– Вижу, вы встретились с агентом по недвижимости. Я не знал, сумеете ли вы сегодня прийти, и не хотел упустить возможность купить дом.

– Ричард, что происходит? – промямлила настоящая миссис Дэвидсон.

Лоу хлопнул мистера Дэвидсона по плечу и проводил его к двери.

– Ну раз ты здесь, старина, займись делом сам. Однако я бы не советовал показывать супруге первый этаж. Наш дорогой риэлтор произвел впечатление на мою жену всеми этими неприличными рисунками, нацарапанными на стенах.

– Ну, понимаете, сэр... – начал мистер Фарнсуорт.

Лоу наклонился ближе к мистеру Дэвидсону.

– Похоже, тут происходило что-то оккультное. Наверное, поклонение дьяволу.

– О боже! – воскликнула миссис Дэвидсон, стараясь не отставать.

– Совершенно согласен, – заговорщически подтвердил Лоу.

Мистер Фарнсуорт покраснел.

– Неправда.

Лоу остановился у открытой двери.

– Оккультисты, извращенцы, выпивохи... бог его знает, что за порочные дела творились в этом доме. И не говоря уже о призраке. Зовите меня безумцем, но я почувствовал что-то холодное наверху в том чулане. – Он слегка подтолкнул Хэдли локтем и протянул руку. – Дорогая, что ты думаешь?

Хэдли сунула в рот мятную конфету. От странной сдержанной паники у нее в голове прояснилось, но мысли вылетели.

– Думаю, поэтому соседи называют это место Мрачным особняком.

Хэдли почувствовала теплое давление на плечи и подняла голову. Лоу притянул ее к своему бедру.

– Совершенно верно, – похвалил он с хитринкой в глазах. – Мрачный особняк, в самом деле. Ну что ж, не будем больше тратить ваше время. Приятно с вами познакомиться. Прошу, звоните вашему дяде, он одинокий старик.

Лоу потащил Хэдли в обход шепчущейся пары к открытой двери.

– Погодите! – крикнул мистер Фарнсуорт. – Что это вы взяли?

Лоу посмотрел на урну у себя под рукой.

– Вы об этом?

– Вы не можете забирать из дома все, что хотите. Имущество принадлежит банку. – С изумительным проворством агент по недвижимости ухватился за скульптурную крышку канопы. Костлявый мужчина был не чета Лоу по размерам, по силе и по возрасту, но, к сожалению, на его стороне был элемент неожиданности.

Крышка отошла с ужасным скрежетом. Мужчины расступились, как только между ними возникло облако черного пепла. Хэдли отшатнулась, и урна упала.

– Ричард! – закричала миссис Дэвидсон, когда Фарнсуорт врезался в ее супруга.

– Я в порядке! – ответил тот.

Лоу тоже не пострадал, так как сумел увернуться от костяной муки. Однако обветренный риэлтор согнулся пополам от кашля. Ой, бедная канопа! Она разбилась на ступеньках крыльца так, что не подлежит восстановлению.

– Что, черт побери, происходит? – просто выругался мистер Дэвидсон, ни к кому не обращаясь, – Неужели это погребальная урна?

– Бедная миссис Роузвуд, – пробурчал Лоу.

Хэдли заметила что-то в прахе, рассыпавшемся на дорожке. Она быстро схватила эту штуку рукой в перчатке. В бежевом скоплении мягкой стружки находился тонкий прямоугольник яркого красно-золотого цвета, завернутый в упаковочную бумагу.

Та самая перекладина!

– Нашла, – прошептала Хэдли Лоу одними губами, когда мимо ее лица промелькнуло что-то по-весеннему зеленое. – Что это?

– Одичавший попугай, – сказала миссис Дэвидсон. – Их целая стая на Телеграф-хилл. Никто не знает, откуда они взялись... о боже!

Еще зеленое пятно. Около десятка попугаев с красными головами пронеслись мимо, быстро помахивая крыльями и пронзительно крича.

– Странно, будто они летят прочь от чего-то, – пробормотал мистер Дэвидсон.

И не ошибся.

От чего-то большого и чужеродного.

Глава 14

У Лоу ослабли колени при виде невероятного существа, приземлившегося на карнизе над входом в дом.

С кошачьим телом как у сфинкса, тварь размером и формой скорее напоминала бездомную кошку, а не величавую львицу. Только голова у нее была соколиная: кривой клюв, золотистые глазки-бусины. Вдобавок чудовище обладало огромными коричневыми

крыльями, позолоченными на кончиках.

Большая крылатая кошка или гигантская птица на кошачьих лапах.

Кажется, Лоу все-таки надышался костяной пылью.

Однако прерывистый визг, доносящийся из открытого клюва создания, не был иллюзией, не говоря уже об испуганных воплях окружающих. Лоу даже захотелось самому заорать.

И только Хэдли произнесла спокойным, твердым и ровным голосом:

– Грифон.

Лоу мельком взглянул на нее.

– Химера, мифический зверь, – продолжила пояснения Хэдли.

– Из Египта? – выдавил Лоу.

– Возможно, канопа была защищена какой-то магией.

– Магией, – повторил он.

Дэвидсоны с мистером Фарнсуортом вбежали в Мрачный особняк. Вероятно, им с Хэдли надо последовать их примеру.

Хэдли не обращала на него внимания. Ее спокойный и сдержанный ученый взгляд был нацелен на фантастическое создание, машущее крыльями на крыше.

– А может, перекладки прокляты, и поэтому моя мама...

Грифон взлетел, нацелившись на них как падший ангел. Крылья оказались не просто позолоченными, а покрыты десятками, а то и сотнями золотых символов. Боже, неважно... эта тварь двигалась молниеносно и обезоруживающе визжала, демонстрируя в полете клюв и когти, шерсть и перья.

В последнюю секунду Лоу толкнул Хэдли себе за спину. Он не понимал, как успел вытащить кинжал до нападения чудища. Закрыв лицо, Лоу слепо пырнул грифона, когда тот пролетел мимо. Его удар напоролся на настоящую плоть, из которой полилась кровь. Он ощутил шерсть и ужасную неподдельную вонь чего-то мерзкого и гнилого. Мертвого, разлагающегося и тошнотворного.

Тела из могилы.

Лоу развернулся, чтобы проследить за тварью. Грифон сделал большой разворот в воздухе по дуге и снова бросился на них.

Боже, бежать некуда. А попытка пырнуть чудище в полете напоминает рыбалку в воздухе без лески.

– Спрячься позади меня, – крикнул он Хэдли, но недостаточно быстро. Мифическое создание опять напало, и на сей раз Лоу рассмотрел позолоченные когти на его лапах.

Лоу подпрыгнул и над головой Хэдли ударил нападавшего. На этот раз в руке не было кинжала, но ударом кулака Лоу задел пушистую грудную клетку. Хлопая крыльями, тварь боролась. Мгновение чудище лишь воняло разложением и пронзительно вопило как проклятая гарпия. Так громко, что Лоу едва услышал вскрик Хэдли, когда крылатая кошка улетела прочь.

– Тварь забрала перекладину! – Хэдли молотила по Лоу, и они, пошатнувшись, едва удержались на ногах. Ее левая перчатка оказалась порвана.

В панике Лоу развернулся и увидел, как грифон истошно машет крыльями у пальмы. Либо удар пошатнул равновесие чудища, либо темная магия, дающая энергию этому существу, не выдержала веса перекладки. Однако в коричневом клюве мелькнул золотой прут.

Золото ценой в жизнь Лоу, потому что без перекладки, у него не осталось бы ничего.

Лоу побежал за грифоном, не зная, можно ли его схватить, или что делать, если вор окажется в пределах досягаемости. Но что-то изменилось, когда он почти добрался до создания. Грифон проиграл битву с гравитацией: он издавал жуткие звуки, размахивал крыльями и бросался на пальмовую кору, будто сражаясь с невидимым врагом или роем разъяренных пчел.

Перекладка выпала из клюва.

Лоу вытер ее о траву и отступил. Создание все равно падало. Возможно, проклятая тварь взорвется, как волшебная бомба. Лучше не рисковать.

– Беги! – крикнул Лоу Хэдли, хватая ее за руку и бросаясь прочь по улице. – Где чертово такси? Разве шоферу не заплачено за ожидание, черт побери?

Хэдли указала через дорогу.

– Вон там!

Он как можно скорее толкнул ее на заднее сиденье, устроился рядом, закрыл за собой дверь, протер оконное стекло и смотрел назад, пока не различил темного грифона, извивающегося у основания пальмы.

– Ты ее забрал? – спросила Хэдли.

Он разжал руку и показал перекладину до того, как сунуть ее в карман.

– Мне казалось, твое первое правило: «никогда не бегать».

– Я сказал «никогда не идти через черный ход». Ты в порядке? Тварь тебя не оцарапала?

Хэдли сняла перчатку.

– Нет, но кажется, будет синяк.

Он взял ее руку, чтобы присмотреться. В последнюю минуту вспомнил, что ее нельзя касаться и неловко отодвинулся, прошептав извинение. Выражение лица Хэдли нельзя было разобрать. Больно ли ей или страшно? В панике ли она? Неизвестно.

– Езжайте, пожалуйста, – попросил Лоу шофера.

В зеркало заднего вида на него уставились черные глаза. А вот водитель встревожен. Неизвестно, что бедняга увидел.

– Куда?

Куда? Хороший вопрос. Оправится ли грифон в погоню? Полетит ли эта гнилая кошачья туша по городу, пока не найдет их снова? В любом случае, нужно доставить перекладину в безопасное место.

Вздыхнув, Лоу упал на сиденье. На его клинке осталась черная кровь.

– Просто уезжайте от этого проклятого холма как можно скорее. Я решу, куда ехать, когда мы вернемся к цивилизации.

Автомат-кафе «Лейзи Сьюзен» – заведение в Норт-бич, которое позиционировало себя, как единственная в Сан-Франциско европейская электрическая кухня с самообслуживанием. Надпись, сделанная от руки, гласила: «Никаких очередей и чаевых. Открыто ежедневно с шести утра до полуночи».

Пока Лоу искал общественный телефон, Хэдли нашла им свободный столик рядом с широким окном. Она сняла пальто и посмотрела на дальнюю стену, где толпы посетителей, пришедших на обед, заглядывали в стеклянные двери, за которыми находились сотни маленьких металлических отделений. На каждой двери щель для монет. Надписи сверху

указывали блюда: супы, горячее, сэндвичи, пирожные, пироги. Бросаешь монеты, дверь открывается, берешь еду. Ни официантов, ни метрдотеля, лишь парочка служащих в форме убирает со столов, пока остальные снуют с подносами на скрытую кухню и из нее.

– Искушение в неограниченном питании с очарованием игровых автоматов, – заметила Хэдли, когда Лоу принес на подносе две порции пирога и пару чашек с горячим питьем. Он не забыл принести ей чай вместо кофе.

– Как мило.

Лоу передвинул стул у маленького круглого столика так, чтобы получше видеть окно и сидеть чересчур близко к Хэдли, которую это нервировало. В особенности, когда он уставился на ее наряд, перестав расставлять приборы. Она не знала, то ли чувствовать себя польщенной, что он заметил, как она сняла пальто, то ли смутиться. Но она ведь надела проклятое платье.

Лоу кашлянул.

– Ты здесь никогда не ела?

– Я нечасто захоживаю в заведения Норт-бич, – ответила Хэдли, глядя через дорогу на здания без вывесок. Тихие бары. Азартные игры. Джаз.

– Прямо напротив клуб «Гри-гри». Видишь прикрытую дверь сбоку? Мой брат познакомился там со своей женой. Приятное местечко. Я тебя обязательно туда отведу.

Она почувствовала трепет в груди. Лоу, наверное, просто болтает.

– Ночной клуб, – усмехнулась Хэдли, будто большей глупости не слышала. – Тяжело танцевать, когда нападают летающие коты.

– Прошел почти час, – сказал Лоу, закрывая карманные часы. – Возможно, нам уже ничто не угрожает. Попробуй. – Он протянул ей кусочек бледно-желтого лакомства. – Лимонный пирог Мейера. Только не говори, что ты их не любишь, иначе мы не сможем быть друзьями.

– Обожаю пироги, я ужасная сладкоежка. – После того, как он принялся за свой, она откусила кусочек. Сладкий с кислинкой и холодный. – Вкуснятина. Ты тут часто обедаешь?

– В последнее время ем только то, что хочу. На раскопках ужасно кормили. Иногда мы пробовали местные блюда, которые имели незнакомый мне вкус. Кофе был превосходным, но в основном, мы питались консервами. С тех пор, как я вернулся, объедаюсь всем, чего мне не хватало. – Он кивнул на ее тарелку и улыбнулся. – Дерзай.

Лоу уже накормил ее мятными конфетками, а теперь просто закармливал пирогом. Хэдли съела еще кусочек, и еще, аппетит пришел во время еды, пока она не заметила, что Лоу пристально изучает ее лицо.

– Что?

Его губы медленно расплылись в волчьей усмешке.

– Ничего, мне просто нравится, как ты ешь.

– Ну, ладно. Все мне твердят, что нужно хорошо кушать, но я не ем, как птичка. У меня высокий уровень метаболизма, или я просто так устроена, не знаю.

Он обвел ее взглядом, будто облил липким сиропом.

– Мне нравится твое телосложение.

Легкое тепло распространилось по телу. К великому ужасу Хэдли, ее соски напряглись, смело выпирая под тонкой тканью платья. Она медленно положила вилку и скрестила руки на груди. Когда Лоу успел положить руку на спинку ее стула? Она гневно зыркнула на него, и он убрал руку.

– Мой знакомый идет сюда. До этого нам нужно хорошенько рассмотреть находку. – Он осмотрелся и придвинул стул, чтобы скрыть то, что положил между собой и Хэдли. – Слишком близко? – прошептал он ей на ухо. – Я не стану больше прикасаться к тебе, обещаю.

Он вроде бы не соврал. Хорошо. Какое облегчение и, в то же время, разочарование. В раздражении она глотнула чаю и едва не обожгла губы. Почему он, черт побери, такой горячий? Она попыталась успокоить свои расшалившиеся эмоции.

– Снова считаешь? – прошептал Лоу.

– Со мной все хорошо. – Хэдли выдохнула и быстро посмотрела на него. – Правда.

Лоу поднял брови, но не стал на нее давить. Несмотря на свои недостатки, он всегда знал, когда надо отступить. Не говоря ни слова, он развязал платок между их тарелок. Хэдли посмотрела на сверток, радуясь, что можно отвлечься.

Золотая перекладина оказалась изумительно яркой в сером свете, проникающем в окно. Спереди вполне традиционный вид, снизу маленькая выпуклость, вероятно для крепления к основанию, сзади отчеканены странные символы.

– По-моему, именно то, что мы искали.

– Согласен.

Лоу снова завернул перекладину в платок.

Но Хэдли обеспокоило кое-что другое.

– Если грифон был волшебным созданием, откуда взялись чары?

– Ты имеешь в виду те, что оживили тварь или выпустили на свободу? Да. Когда я нашел перекладину, она не была ни во что завернута, так что логично предположить, что заклинание было написано с внутренней стороны урны.

– Ни на одном из рисунков в канопах нет дополнительных символов, но, возможно, заклинание нацарапали на клочке бумаги, который сохранили вместе с перекладиной. Наверное, упал на лужайку, и мы просто его не заметили.

– Правда, но почему мама ничего об этом не сказала?

– Она упомянула, что перекладины опасны, – поспорил Лоу. – Чудище не напало на нас, хотело лишь получить перекладину.

– Оберегало находку. Наверное, последняя магическая защита.

Он положил руки на край стола и наклонился вперед.

– Странно, что грифон охранял канопу с головой шакала. Почему же не ту, что с головой сокола, бога Квебехсенуфа?

– Согласна. Если мама была настолько дотошной ко всем деталям, почему же забыла об этом?

– Она ведь могла закопать перекладины в поле и покончить с этим.

– Точно. Детали ей важны, как и игра. Магия сюда не вписывается.

– И теперь мы не знаем, чего ожидать, когда найдем следующую часть. Другого волшебного охранника? Возможно, следовало послушаться Уинтера и носить с собой пушку.

Пусть берет что хочет, если ему так спокойнее. По крайней мере Хэдли знала, что Мори смогли управиться с грифоном.

– Я больше переживаю о том, где нам искать следующую перекладину.

– Сегодня утром я кое с кем связался насчет свидетельств о смерти. Он постарается что-нибудь раскопать. Будем надеяться, через пару дней мы кое-что получим.

Ну да.

– Я не пытался что-то утаить. Мы с ним говорили прошлой ночью, – пояснил Лоу.

– Но когда ты собирался мне сказать? И раз уж такое дело, с кем мы встречаемся? Откуда мне знать, что ты не передашь перекладину тому, кто расплавит ее и продаст получившееся золото?

Лоу глотнул кофе.

– Потому что, во-первых, части амулета невозможно уничтожить. – Он поставил чашку и спокойно, внимательно посмотрел на Хэдли. – Иногда не помешает просто довериться людям.

– Было бы проще, когда человек, которому надо довериться, имеет принципы.

– У меня больше принципов, чем ты себе представляешь. – Он склонился и заговорил тихим голосом: – К тому же, ты считаешь, что хранить темные секреты не значит лгать? Возможно, у нас больше общего, чем ты хочешь признать.

Они долго смотрели друг на друга. Слишком долго. Тепло, которое Хэдли почувствовала за несколько минут до того, снова нахлынуло.

– Я хочу, чтобы ты держал меня в курсе свидетельств о смерти, – сказала она, придвигая тарелку с пирогом. – Возможно, нам нужно обменяться телефонными номерами.

Совершив обмен, он смирился и пообещал связаться с ней в ту же минуту, как получит список. Покончив с этой частью, они молча стали доедать пирог, пока Лоу не помахал кому-то за окном.

Открылась дверь, и в кафе влетело облако черных кудрей. Малышка, едва научившаяся ходить. Очень симпатичная: на пухлом личике улыбка, пальто, застегнутое до подбородка. Она бросилась на руки Лоу, и он поднял ее к себе на колени, точно также широко улыбаясь.

– Стелла, моя любимая малышка. Ты уже вылечилась после падения?

Девочка не ответила, но когда он укусил ее за кончик носа, открыла рот и снова заулыбалась.

Хэдли подняла голову, заметив, что к их столу идет мужчина. Такой же черноволосый, как и девочка, в обычном костюме и пальто. Приятное доброе лицо.

– А вы быстро пришли, – сказал ему Лоу.

– Трамвай был почти пустым, а мы уже собирались в Японский чайный сад.

– Чтобы увидеть золотую рыбку? – спросил Лоу у девочки, помахав рукой, будто рыбьим хвостом в воде.

Она кивнула.

– Если хорошая погода продержится. Может пойти дождь.

Лоу высунулся из-за копны кудряшек Стеллы.

– Хэдли Бэкол, познакомься с Адамом Голдбергом.

Она встала. Друг Лоу был на пару сантиметров ниже нее, как и многие другие мужчины. Хэдли собиралась протянуть руку, но поняла, что перчатки остались в кармане пальто, испорченные клювом грифона. Вместо этого она кивнула.

– Рада знакомству, мистер Голдберг.

– Зовите меня Адам, пожалуйста, и мне тоже приятно с вами познакомиться.

За пару мгновений он украдкой осмотрел ее фигуру.

– Лоу о вас говорил.

– Неужели?

– Вы хранительница музея.

– Да. – Она указала на стул. – Вы присоединитесь к нам?

Адам повесил шляпу и сел рядом с Лоу, а девочка подняла глаза на Хэдли.

– Стелла, моя дочь.

– Привет, рада познакомиться.

Девочка не ответила.

Хэдли совсем не умела обращаться с детьми. Она снова попыталась.

– Что это у тебя в руке? Заводной кот?

Ноль внимания.

Вместо малышки ответил ее отец:

– Лоу привез игрушку из Египта. – Он повернулся к Лоу и сказал: – Всю неделю Стелла играла с котом или Тряпичной Энн.

– Farbrog Лоу сделал прекрасный подарок, ja? – Он покачал кота и пояснил Хэдли. – Мы с Адамом старые друзья. Вместе выросли.

– И теперь вы работаете вместе?

– Иногда, – сказал Адам.

– Можно поинтересоваться: что вы делаете?

Адам взглянул на Лоу.

– Участвую во всяческих его безрассудствах.

Лоу повернул Стеллу у себя на коленях лицом к столу.

– В семейном деле надо иметь благонадежных людей, чтобы ненадолго спрятать что-нибудь ценное. Считай Адама троллем под мостом.

– Троллем?

– Драконом! – сказал Лоу с веселым смешком. – Тем самым, что охраняет сокровища.

– Так-то лучше.

– В любом случае, мой друг умеет сохранять вещи. У него уже есть основание амулета, и он согласен спрятать все остальное. – Лоу протянул перекладину в носовом платке через стол. – Как мы договаривались.

Тысяча сомнений мелькнула в голове Хэдли. Где жил этот мужчина? Где он «прячет» части амулета? Что помешает ему продать его кому-то другому?

Лоу прижался к ней бедром.

– Твой отец наказал мне сохранить их. Адам очень осторожен и в десять раз благонадежнее меня.

Она искоса посмотрела на Лоу.

– Ладно, в тысячу раз благонадежнее.

– Так-то лучше.

Адам рассмеялся.

– Она уже знает твою шkodную натуру.

– А я считаю, что его можно назвать по-другому: жулик, – сказала Хэдли, сдерживая улыбку.

Мужской громкий смех изумил ее. И Стелла тоже улыбалась, будто знала, о чем речь. Хэдли посмотрела на заводного кота на столе.

– У меня тоже есть кот, такой же черный, как твой, – обратилась Хэдли к девочке.

Малышка так и не ответила.

– Она глухая, – прошептал Лоу.

Хэдли покраснела от смущения, переводя взгляд с Магнуссона на отца девочки и

обратно. – Мне... – что? Жалко отца? Девочку? Стыдно за свою бестактность?

– Однако прекрасно читает по губам, – продолжил Лоу, улыбаясь малышке. – И учится языку жестов.

– В основном она учится топтать ножкой и мотать головой, – заметил Адам, по-доброму улыбаясь Хэдли, чего она, по ее мнению, не заслужила. Стелла ударила котом по столу и что-то сердито хмыкнула.

– Вот так. Моя жена умерла пару лет назад, так что теперь мы живем вдвоем. Дочке не помешает перенять женственные манеры.

– Ни в коем случае, – сказал Лоу и завел игрушку. – Женственные манеры слишком переоценивают. Можешь топтать ножкой столько, сколько хочешь, sötnös (шв. яз. «милая»).

На Хэдли накатил поток эмоций – нежность к отцу и дочери, жалость, а еще гнетущая зависть из-за легкой дружбы и привязанности Лоу к этим людям. Ей хотелось испытать то же самое.

Вид Лоу, обнимавшего малышку, высвободил в Хэдли что-то настоящее и хорошее. Он заботился о них, доверял им... и они доверяли Лоу.

И вопреки логике, в этот миг она решила тоже ему довериться.

Глава 15

Простившись с Лоу и Адамом, остаток выходных Хэдли изучала материнские пиктограммы. Она не переживала, что от отца ни слуху, ни духу в связи с упавшей люстрой на вечеринке для сотрудников музея. Позвонив ему домой в воскресенье, она выяснила у прислуги, что он в хорошем настроении. Кухарка доложила, что доктор Бэкол напевал себе под нос. Похоже, телефонное сообщение мистера Магнуссона его обрадовало.

Хэдли не понимала, почему это ее обеспокоило. Лоу рассказал, что ему нужно сообщить работодателю о найденной перекладине. Отец ведь платил Магнуссону за поиски. И раз она не должна была знать об их делах, придется отступить, независимо от того, как это ее нервировало.

А выйдя на работу в понедельник, Хэдли пришлось сидеть перед отцовским столом и слушать, как он на одном дыхании проговаривал все причины, почему Лоу отлично подходит на роль преемника. Она чувствовала себя не столько взволнованной, сколько оскорбленной.

– А ты держись хорошо, – сказал он под конец долгой тирады. – Я рад, что за выходные твой гнев унялся.

– Тогда твое заявление застало меня врасплох.

А на самом деле, Хэдли вонзила ногти в бедра, стараясь управлять своими эмоциями, опасаясь, что Мори снова попробуют убить старика.

Невидящие глаза уставились куда-то поверх ее плеча.

– Я признаю свою вину. Надо было сказать тебе до ужина, но я задумался о другом. Ни одному отцу не хочется разочаровывать дочь. Я повел себя как трус, и мне правда жаль.

Великий доктор Бэкол извинился? Хэдли захотелось осмотреться, чтобы убедиться, не обращается ли он к кому-то другому. Она глубоко вздохнула и проглотила обиду.

– Извини, что вышла из себя. Я не собиралась заходить так далеко.

– Я в этом не сомневаюсь. И, надеюсь, ты не злишься на мистера Магнуссона. Если Лоу займет мое место, уверен, он поймет, какой у тебя огромный талант. И, возможно, ты станешь временной начальницей, пока он будет проводить полевые экспедиции.

Временной. Хэдли закатила глаза. Какие бы чувства ни бурлили в ней по отношению

к Лоу, она заставит его исполнить обещание отказаться от поста, что бы там ни думал отец, она будет сидеть за его столом уже в феврале.

– Я не держу зла на мистера Магнуссона.

– Рад слышать, дорогая. Если тебе придется с ним тесно работать в ближайшем будущем, лучше вам обоим вести себя профессионально. Я знаю, что иногда это сложно. Возможно, тебе лучше сосредоточиться на будущих семинарах, чтобы сдерживать эмоции.

– Да, разумное предложение.

Надо постараться убедить свои сердце и разум, которые тайком вызывали очень непрофессиональные мысли и чувства к Лоу.

Через пятнадцать минут после возвращения Хэдли в свой кабинет, красotka мисс Тилли просунула голову в дверь.

– Ой, вы уже закончили разговаривать с отцом? Я не знала, сколько продлится эта встреча... доктор Бэкол попросил не прерывать, так что я сказала вашему посетителю, что вы заняты.

Ее сердце екнуло.

– Какому посетителю?

– Мистеру Гинну.

А, Оливеру. После прощания у особняка Флада, она даже не подозревала, что он придет к ней так рано. И такое поведение обеспокоило Хэдли в связи с их беседой о ее духах.

– Мистер Гинн сообщил, зачем приходил?

– Нет, – ответила секретарша, протягивая Хэдли маленький сверток. – Но он был ужасно разочарован, что вы не могли с ним встретиться. Жаль, что никто так не тоскует по мне. Он попросил отдать вам вот это.

Когда секретарша ушла, Хэдли открыла впопыхах нацарапанную сложенную записку, которую сунули под веревку, обвязывающую сверток.

«Надеюсь, вы почерпнете кое-что из четвертой главы. У меня есть еще информация. Давайте встретимся, когда будете готовы к разговору».

В коричневой упаковке оказалась маленькая обернутая кожей книга. Не напечатанная, а написанная от руки. «Верования арабского и египетского народов». Дата – 1895 год, имя автора неизвестно.

Хэдли поспешно пролиставала книгу до нужной главы: «Ифриты, духи, джины».

Кто-то подчеркнул карандашом несколько отрывков.

«В Аравии бунтарский класс inferнальных духов, будто бы сотворенных из дыма и пепла... одни полагают, что такие существа живут в преисподней, а другие верят, что их призвали из загробного мира».

Преисподняя. Хэдли перевернула страницу.

«Они очень похожи на духа, которого боялись египтяне: шеут или «тень» – одна из пяти частей человеческой души. В волшебных преданиях объясняется, что эти создания созданы Сетом, который отделил шеутов у тысячи мертвых душ, когда те двигались по египетской преисподней – Дуату, миру Осириса, а затем выпустил их на египетскую пустыню. Теперь эта легенда считается местной версией мифа про Темного жнеца, цель которого – собирать нетронутые души живых и тащить их в преисподнюю».

Темные жнецы. Откуда Оливер взял эту книгу? Кто ее написал? Хэдли понятия не имела, что в египетской мифологии тень отделяли от других частей души. Хотя нельзя не признать, что шеуты немного напоминали ее Мори. Но как Оливер сумел связать одно с

другим, видев ее духов всего несколько секунд? Ей хотелось его расспросить. Однако, с другой стороны, ее сдерживал приказ отца держать свое проклятье в тайне. Стоило бы отдать книгу и прекратить с Оливером все общение.

Голоса в коридоре и знакомые шаги прервали ее размышления.

– Если не возражаете, я перекинусь словечком с мисс Бэкол, пока вы докладываете ее отцу о моем приходе. – Лоу сначала заглянул в дверной проем, а потом уже вошел. Он снова оделся в аккуратную кожаную куртку и держал в поврежденной руке шляпу с рисунком елочкой.

Боже милостивый, какой франтоватый мужчина. Один его вид заставлял ее сердце выделять безумные кульбиты. Неужели он был таким красивым в субботу? Вряд ли.

– Мисс Бэкол, – с улыбкой поздоровался Лоу.

– Мистер Магнуссон, какой приятный сюрприз.

Он оглянулся через плечо в коридор, а потом подошел к столу, у которого она стояла.

– Правда? – прошептал он. Его глаза блестели от полускрытого заразительного веселья и хорошего настроения.

– Что «правда»?

– Мое неожиданное появление тебе приятно?

Она было улыбнулась, но пришлось подавить порыв.

– Наверное, правда.

Лоу и сам ослепительно ухмыльнулся. Хэдли затрепетала и прижала руку к животу, будто могла физически успокоиться.

– Зачем ты здесь?

– Твой отец оставил сообщение. У меня еще дела, поэтому я решил заскочить и поговорить с ним лично, а заодно... – Он осмотрел ее блузку и юбку. – Ну, заодно повидаться с тобой, – закончил он, хитро вскинув бровь.

Ее охватило жаркое молниеносное желание. Хэдли неловко переступила с ноги на ногу, стараясь размеренно дышать.

Лоу снова оглянулся через плечо и наклонился еще ближе.

– Мой приятель достанет список до завтра. Не хочешь ли встретиться за обедом и сверить его с рисунками наших каноп?

– Да, – выпалила она слишком охотно. Кашлянула и снова заговорила потише: – Да, можно договориться. Ладно, хорошо, разумеется, я могу с тобой встретиться.

О боже. Она лепечет как идиотка.

Дверь сотряс громкий удар – знак внимания ее коллеги Джорджа. Его раздражающее утреннее приветствие – оглушительный удар портфелем о дверной косяк. И Хэдли всегда подсакивала в кресле и испытывала искушение послать Мори в коридор, чтобы стукнуть шутника этим чертовым портфелем по голове.

– Кто это был, черт побери? – спросил Лоу.

– Моя самая большая ошибка, – ответила Хэдли, когда мисс Тилли зацокала на каблуках к ее кабинету.

Во время краткого разговора с доктором Бэколом, Лоу навесил ему лапши на уши о розысках переключив. Он не только не упомянул об участии Хэдли, но также придумал совершенно другое направление поиска. Никакой поэзии, каноп, колумбария и Мрачного особняка. Лоу утверждал, что просто расшифровал набор символов и следовал туда, куда они вели. Бэкол был только рад позволить ему действовать самому. А Лоу с удовольствием

взял бы себе его деньги.

Но в данный момент его больше интересовал молодой человек, который проходил мимо кабинета Хэдли. Она назвала его «ошибкой». Лоу собирался узнать точно, что она имела в виду.

После отчета доктору Бэколу, он прошел по лабиринту коридоров, пока в тихом уголке не отыскал проход в музей. Там же напротив находился маленький кабинет с табличкой рядом с открытой дверью: «Джордж Хьюстон». Лоу неспешно вошел.

Нужный ему человек прислонился к картотеке, глядя в зеркальце и расчесывая темные волосы. Сигарета свисала у него изо рта. Он был высок, но не дотягивал до Лоу. Чуть выше метра восьмидесяти. И его телосложение показывало, что Джордж просто день-деньской просиживал за столом, ничего не делая.

– Вы, наверное, мистер Хьюстон, – предположил Лоу.

– Совершенно верно. – Хьюстон опустил расческу и поднял голову. – О да, «золотой мальчик» доктора Бэкола. – Он сделал ударение на «мальчике» до того, как выпустить струйку дыма. – Могло быть и хуже. По крайней мере мне не придется подчиняться женщине.

– Мисс Бэкол говорила о вас.

Хьюстон прищурился.

– Правда? В связи с чем?

Лоу расслабился и небрежно пожал плечами, пытаясь заставить Джорджа потерять бдительность.

– Просто упомянула, что вы на нее работаете.

– На нее?

– С ней, – поправился Лоу, снова пожав плечами. – Не помню. Она не особо словоохотлива и ее сложно понять. Она не слишком эмоциональна.

Хьюстон усмехнулся.

– Нет, НБ совсем не обаяшка.

– Прошу прощения?

– Мы так ее называем: Невезучая Бэкол. Вы поймете, если станете тут работать. Она настоящее разрушительное торнадо. Где бы НБ ни появилась, стулья ломаются, книги падают, лампочки взрываются, а люди оказываются в больнице. Лучше бы вам держаться от нее подальше, потому что, если случится какое-то несчастье, то, можно не сомневаться, что дело в ее присутствии.

Лоу не рассчитывал на подобное, но если идиот выдает информацию как спущенная шина воздух, почему бы не воспользоваться?

– Неужели?

– Вы же были на вечеринке. Помните, как упала та люстра?

– Да, это было что-то.

Жаль, что под ней сидел Лоу, а не Хьюстон.

Хозяин кабинета покачал головой и стряхнул пепел с сигареты на пол, не обращая внимания на пепельницу на шкафчике.

– Клянусь богом, как только люстра рухнула, я тут же вспомнил о Хэдли. У нас прежде были надписи «Безопасность прежде всего», «Этот департамент проработал ■ дней без несчастных случаев» – ну, знаете, те самые с черным квадратиком, в который записываешь количество этих самых дней? Мы нарисовали на нем буквы НБ и, когда что-то

тут ломалось, тут же вспоминали ее.

Лоу притворился, что ему смешно. Проклятый надменный козел. Неудивительно, что Хэдли держится особняком. Если все здесь такие свиньи, хочется надеяться, что она сломала все стулья в здании.

– Я учился с ней в колледже. Тогда она не была такой ужасной, но все также притягивала неприятности.

– В Стэнфорде? – спросил Лоу.

– Ага.

Лоу сопоставил замечание Хэдли и историю Хьюстона и сделал предположение:

– Она сказала, что некто в колледже был «ошибкой». Не вы ли?

– Ошибка? – Хьюстон усмехнулся и открыл верхний ящик картотечного шкафа. – А тогда ей понравилось. – Он хмыкнул. – По правде, она пришла ко мне. Предложила заплатить, чтобы я ее поимел.

Лоу на мгновение перестал притворяться.

– Без шуток, – сказал Хьюстон, будто они были лучшими друзьями. – Заявила, что если мужчина может платить проститутке за секс, то почему бы женщине не заплатить мужчине? У нее пунктик всегда контролировать ситуацию. А когда выходит из себя, пиши пропало. Она становится совершенно безумной. Ужасный характер.

Лоу хмыкнул, чувствуя, как гнев накатывает на него волнами.

Хьюстон перелистывал папки одной рукой, а другой вытащил сигарету.

– В общем, если она сказала, что это была ошибка, то сама виновата, что задрала юбку. Мне понравилось. Вы же видели ее попу? Есть за что под...

Ярость затмила здравый смысл, и Лоу сорвался. С рыком бросился на Хьюстона и резко закрыл ящик, прищемив ему пальцы. Послышался треск кости. Куратор заорал. Лоу отпустил ящик, и Хьюстон отпрянул, в ужасе разглядывая поврежденную кисть.

– Мои пальцы!

Ну да, сломаны минимум три, судя по тому, как странно они согнуты назад в костяшках. Ярко-красная кровь разлилась лужицей по ладони Джорджа, который заплакал от боли, строил гримасы и вопил.

– Тебя арестуют, безумец! – выдавил он между всхлипами.

– А вы не забыли, какая у меня фамилия? Слышали о моей семье? Давайте, попытайтесь реализовать свою угрозу. И только попробуйте рассказать всему музею, что поранились не сами.

До Джорджа дошло. Он ничего не ответил, просто отшатнулся и стал сильно дрожать, баюкая поврежденную руку.

Лоу надел шляпу и пошел к двери, пока люди стекались к кабинету Хьюстона. Следовало бы выскользнуть в коридор музея до того, как его заметят.

– И если позволите себе снова оскорблять Хэдли, одно только слово, и я сломаю вам не только пальцы.

Глава 16

На следующий день незадолго до полудня Хэдли села в трамвай. Так получалось быстрее, чем вызывать такси, поэтому она часто пользовалась общественным транспортом в обеденное время и была уверена, что отец ничего не заподозрит. Позвонил Лоу, сообщил, что получил список имен, и назначил встречу.

Пересев на другой трамвай, который, то заезжал, то выбирался из густого тумана,

Хэдли добралась до Фишерменс-уорф и тут же заметила Лоу, возвышавшегося над торопящимися пешеходами на Джефферсон-стрит.

Они пошли друг к другу и встретились у газетного киоска. Хэдли дышала слишком учащенно, хоть сделала всего лишь десять шагов. Боже, почему она так рада видеть Лоу?

– Тебе удалось ускользнуть, – сказал он с довольным выражением лица, такой жутко красивый в длинном сине-сером пальто и шляпе в тон.

– Я бы не назвала это «ускользнуть». Просто сообщила мисс Тилли, что выйду на пару часов.

– Полуправда – лучшая ложь, – сострил Лоу. – Кушать хочешь?

– Очень.

– Я тоже. Поведу туда, где готовят чуть ли ни лучше всех в Сан-Франциско.

Хэдли рассматривала рыбацкие склады, хранилища лесоматериалов и лодки.

– Придется поверить тебе на слово. Там подают лимонный пирог?

Лоу расхохотался.

– Нет, но это место одно из моих любимых. Доверься мне, и вперед.

Идя по прогулочной аллее, Хэдли чувствовала острый запах океана. Ряд «жестянок Лиззи» и грузовиков доставки стоял у обочины по левую сторону, пока покрытые туманом траулеры и сейнеры качались на волнах Залива справа.

– Ты приехал на Лулу?

Лоу покачал головой.

– Меня подвез Бо.

– Знаешь, я тут думала, что случится, если ты поедешь на мотоцикле в дождь?

– Вымокну.

Хэдли прищурилась и улыбнулась.

– Как дела в офисе? – спросил Лоу.

– Стало тише, чем вчера.

– Да? А что случилось вчера?

Он изобразил самую невинность.

Хэдли подняла воротник шубы, прикрывая шею от холодного ветра.

– Мистера Хьюстона отвезли в больницу. Сегодня ходят слухи, что он отдыхает дома с четырьмя сломанными пальцами.

– Не может быть.

– Ты ведь ничего не знаешь о произошедшем?

– Впервые слышу, – весело ответил Лоу.

– Значит, это не тебя я видела, выбегающим через черный ход в музей.

– Ты же знаешь, что я никогда не бегаю через черный ход.

– Конечно. – Хэдли посмотрела на траулер, который, пыхтя, подплыл к берегу. – Джордж же ничего про меня не говорил?

– Этот болван? А кто станет его слушать? – Лоу поправил край своей шляпы. – Но советую тебе: когда займешь пост своего отца, первым делом уволь старину Джорджа Хьюстона.

Хэдли не ответила, просто подняла воротник повыше, чтобы скрыть улыбку.

На Тейлор-стрит они прошли мимо лотков с рыбой. Здесь же на печках, растапливаемых дровами, уличные торговцы помешивали в кипящих котлах свежевывловленных крабов и продавали их прохожим по двадцать центов за порцию. Однако

Лоу направился к киоску номер восемь, где итальянская пара подавала суп-пюре из моллюсков. Рабочие из доков и несколько дельцов среднего класса сидели под навесом за обычными деревянными столами со скамейками. Лоу помахал одному из посетителей и пошел к прилавку.

– Лоу! – воскликнула красивая брюнетка и обошла прилавок, чтобы обнять его и поцеловать в обе щеки. – Мы видели твою фотографию в газете. Разбогател в Египте?

– Пока нет, но пытаюсь, – ответил Лоу, пожав руку ее мужу.

– Знаменитый археолог, – улыбнулся итальянец. – Будь осторожен, а то улучшишь репутацию своей семьи.

– И какой в этом прок?

Торговцы рассмеялись, а Лоу представил Хэдли Розу и Нунцио Алиото и похвалил:

– Они готовят лучший суп-пюре из моллюсков в округе и ловят почти что лучших крабов. Пусть у Магнуссонов теперь не так уж много краболовов, как до введения закона Вольстеда, но мы все еще ловим самых сладких данженских крабов.

Лоу подмигнул миссис Алиото.

– Рада видеть, что слава не ударила тебе в голову. Но пока Уинтер снабжает нас выпивкой, можешь плести всякую ерунду. Вы хотите пообедать?

Лоу потер руки.

– Суп-пюре из моллюсков и пиво. А еще ароматного хлеба. – Он взглянул на Хэдли. – Как тебе?

– Меня устраивает, – ответила она Лоу и поблагодарила миссис Алиото.

Под любопытными взглядами обедающих докеров, хозяйка указала им на пустой стол подальше и вскоре пришла с мисками горячего супа, двумя бумажными стаканчиками пива, – скорее всего, из запасов брата Лоу, – и тарелкой ароматных булочек. – Подручные Монка разнесли слух, что их босс желает с тобой поговорить, – прошептала миссис Алиото. – Кто-то обязательно доложит ему, что тебя здесь видели сегодня.

– Произошло небольшое недоразумение, – сказал Лоу и, положив шляпу на стол, провел рукой по волосам. – Если кто-то спросит, можешь передать, что я собираюсь зайти к Монку на этой неделе.

– Буду иметь в виду. – Она постучала Лоу по спине. – Buon appetito.

– О чем она? – спросила Хэдли, как только миссис Алиото отошла.

Он робко улыбнулся и повторил вчерашние слова Хэдли.

– О моей ошибке.

– Не говори мне, что Монк планирует отрезать твой мизинец за то, что ты украл его жену.

Лоу усмехнулся.

– Клянусь, женщины тут не причем. А теперь налетай.

Кремообразный суп оказался потрясающим на вкус, хлеб – свежим и ароматным. Лоу был прав, добавив здешнюю еду в список любимых. Такой вкуснятины Хэдли давно не пробовала. А пока они сидели на потрепанной от непогоды скамье, уплетая за обе щеки, Лоу вытащил сложенную пачку бумаги, верхний лист которой был испещрен печатными колонками.

– Тут имена и адреса, которые удалось найти. Всего чуть больше трехсот.

– Боже милостивый, как мы сузим список?

Лоу вытащил из пальто черную записную книжку с двумя рисунками каноп внутри и

положил изображение с головой шакала сверху.

– Благодаря тому, что я расшифровал код твоей матери.

– Точно?

– Не радуйся раньше времени. Понять систему – это лишь половина решения задачи.

Смотри сюда: каждая пиктограмма представляет собой букву. И раз та канопа принадлежала миссис Роузвуд, я подошел к делу с другой стороны: диз напоминает железнодорожные рельсы. То есть букву «Р». Круг, будто мяч для гольфа? Это обруч – буква «о». – Лоу указал другие пиктограммы, называя слова, первые буквы которых соединялись в фамилию «Роузвуд». – Твоя мать использовала разные пиктограммы для «у», что затрудняет расшифровку.

– Но в слове «Роузвуд» семь букв, а на каждой канопе двадцать символов.

– Там есть так называемые заполнители – обратные пиктограммы, который повторяются. Видишь эту, что напоминает палку с выступом? Она – зеркальное отражение другой пиктограммы на втором моем рисунке. Думаю, некоторые другие заполнители есть и на твоих изображениях.

Хэдли вытащила из сумочки свои акварели и положила их рядом с рисунками Лоу. Они вместе изучили символы и нашли все обратные пиктограммы.

– Теперь мы знаем точное число букв в каждом из оставшихся трех имен. Это поможет. Было бы лучше составить единый список символов вместе со всеми возможными словами, связанными с ними. Потому что вот этот знак напоминает неполную луну, но «полумесяц» это или «бумеранг»?

Теперь Хэдли поняла всю сложность перевода имен. Пока Лоу перерисовал все пиктограммы в свою записную книжку, Хэдли помогала искать решение задачи. Работать с Лоу было приятно и естественно, и она заметила, что смеется шуткам и украдкой его разглядывает. Легкая растрепанность светлых волос и неправильно сросшийся нос. Глаза, которые щурились, превращаясь в удлиненные голубые треугольники, если он размышлял. Мужественная грация сильных рук, когда он машинально покачивал карандаш между двумя пальцами.

И как только она восхитилась его стальным удобным плечом, которое коснулось ее, поняла, что они прижимаются друг к другу от плеча до колена.

И к своему удивлению, Хэдли совсем не возражала.

Даже мимолетно пожелала, чтобы в процессе поучаствовали и другие части тела.

Лоу с трудом сосредоточился на пиктограммах. Все инстинкты вопили притянуть Хэдли к себе на колени и страстно поцеловать. Он нарисовал завитки на краю страницы и размышлял о том, можно ли заняться с Хэдли сексом прямо тут на скамье. Понадобится хорошее чувство равновесия, но Лоу уже продумал три разные позы и пару вариаций. Пока он мысленно рассуждал о возможности использовать стол, она тихонько хмыкнула.

– Троттер.

– Что?

Хэдли смотрела на список мертвых людей.

– Генриетта Троттер, одна из сестер Хьюго Троттера. Того самого гробовщика, который по слухам убил своих сестер и брата.

Лоу смутно помнил легенду о Хьюго Троттере. Полиция не смогла найти никаких улик, что он что-то сотворил, но гробовщик несколько раз пошутил на званых ужинах, будто собирается убить и кремировать своих двух сестер и брата, и в течение года все трое

скончались подозрительной смертью.

– Поговаривали, что он общался с их погребальными урнами, будто они могли его слышать, – пояснила Хэдли. – Это, наверное, его вторая сестра, потому что он уехал из Сан-Франциско после землетрясения. В которой из каноп есть семь особых пиктограмм? А... у павиана. Посмотри, могут ли эти символы означать «Троттер».

– Это... – Он собирался сказать «безумие», но после просмотра списка слов, легко выбрал буквы: – «Т-р-о-т-т-е-р». Helvete, Хэдли, думаешь, такое возможно?

– Хьюго был известен странным чувством юмора. Возможно, он на самом деле их не убивал, но я точно помню рассказы в колледже о том, что он говорил с урнами. Только давай попробуем сравнить фамилии из семи букв, чтобы посмотреть, не подойдет ли какая-то еще.

На это они потратили почти час. В одной из фамилий отличалась всего одна буква, но ничто другое не подошло в точности. Они наконец сдались и решили проверить Троттера.

– Я сделаю пару звонков и составлю план, – заявил Лоу, собирая бумаги в аккуратную стопку.

– Давай я займусь половиной списка? – предложила Хэдли, прищурившись глядя на кипу бумаг в руках Лоу.

Часть него не хотела ей ничего давать. Разумная часть, которая немного переживала о Монке, ищущем его на пристани.

Но другая часть, та самая, которая накормила Хэдли хлебом и супом, чтобы просто прижаться к ее бедру, вспомнила, как Джордж упомянул, что Хэдли надо контролировать ситуацию. И правда, что она сделает? Убежит, чтобы найти перекладыны амулета без него, и исчезнет в Мексике? У нее такие же права заниматься этими проклятыми поисками, как и у него. Ведь все затеяла ее мать. И если Хэдли права насчет Троттера, значит, ее инстинкты дважды не подвели. Определенно, она знала мрачную подноготную Сан-Франциско лучше него.

Лоу оторвал нацарапанный ключ к пиктограммам и протянул ей вместе со списком и рисунками.

– Все в твоём распоряжении, – сказал он, хватая кожаные перчатки со стола. – Просто постарайся сохранить их в целостности и сохранности в надежном месте. Никаких ящиков и уголков, которые не обделит вниманием служанка во время уборки. Мы можем меняться каждые несколько дней. Две пары глаз лучше одной.

Хэдли не ответила, просто посмотрела на кипу бумаг так, будто они скоро загорятся. Карие глаза расширились, стоило ей взглянуть на Лоу. От легкого волнения у него потеплело в груди. Боже, он такой простофиля, потому что нет ничего лучше, чем видеть ее расслабленные черты. Она нравилась ему безмятежной. Да и настроенной тоже.

Хэдли пора было возвращаться к работе, так что они попрощались с четой Алиото и, оставив Тейлор-стрит, направились в сторону трамвайной остановки. И за полквартила до нее разверзлись небесные хляби.

– О, нет, мой норковый воротник! – закричала Хэдли, когда капли дождя забарабанили по их верхней одежде.

Лоу быстро повел спутницу к сухому крыльцу ближайшего склада и втиснулся вместе с ней в нишу. Его окружил запах мокрого асфальта и Хэдли. К этому можно привыкнуть. Лоу даже показалось, что он почувствовал травяной аромат лилии, возможно, парфюм. Или, может, воспоминание о том вечере у зеркального пруда кружит голову.

«Просто расслабься и наслаждайся близостью, – сказал он себе. – Не увлекайся и не

глупи. Сделай глубокий вздох. Не расстегивай пальто и держи руки при себе. Не думай о сексуальной гимнастике на скамье».

– Слава богу, ты спрятала бумаги под пальто, – сказал он, стряхивая капли со шляпы.

Хэдли промолчала. Лоу ощутил прикосновение к своей руке и увидел ее кисть в перчатке, а подняв глаза, обнаружил, что Хэдли поспешно сократила расстояние между ними. Лоу в замешательстве отступил в нишу, когда она прижалась к его рту. Внезапно остались лишь ее влажные губы и теплая мягкость прижавшейся груди.

Боже милостивый, Хэдли его целует.

«Проснись, идиот! Поцелуй ее в ответ!»

Он схватился за шерстяное пальто с меховым воротником и прижал Хэдли к себе, возвращая поцелуй с той же страстью. Происходящее совсем не походило на случай в кабинете ее отца: Хэдли в самом деле его хотела. Разница поражала.

Радостное наслаждение растеклось по спине, когда она тонкими руками обняла Лоу за шею. Ближе? Да, с радостью Он прижал ее к стене. Хэдли застонала, и Лоу готов был поклясться, что его сердце содрогнулось. И когда он прижался к ней, поцелуй из напряженного и торопливого превратился в открытый, медленный и горячий.

Все исчезло, кроме их теплых тел и стука дождя вне темной ниши.

Лоу всего раз робко скользнул языком между ее губ. Затем он поцеловал уголок рта, снова вошел языком, поцеловал в другой уголок. Слизал соль с ее нижней губы. И, всевышний, она стала гладить его своим языком. Порхая, исследуя, пробуя.

И Лоу захотелось большего.

Он поцеловал Хэдли в подбородок, зарываясь в мягкие черные волосы под краем шляпки, которые пахли цитрусовым шампунем и ее кожей. Раздался еще один стон. Она обхватила его затылок, провела рукой по пальто и коснулась груди. Хэдли до него дотрагивалась! Восхитительно, просто восхитительно! Лоу хотелось, чтобы она сунула руку ему под пальто и под рубашку.

Как же хорошо они друг другу подходят. Лоу даже не приходилось наклоняться, чтобы ее поцеловать.

– Хэдли, – прошептал он, целуя ее в щеку, в одно веко, в другое... будто эротический священник, раздающий благословение губами. – Хэдли, Хэдли, Хэдли.

Боже, он опьянел от возбуждения, его член затвердел. Лоу прижался к Хэдли бедрами, вдавил в стену и начал ласкать ниже шеи, когда звук туманного горна заставил Хэдли подпрыгнуть, и она тут же отпихнула его прочь.

Они стояли менее чем в полуметре друг от друга, тяжело дыша, раскрыв рты.

Ее колени подогнулись. Он попытался помочь ей, когда она соскользнула по стене.

Но Хэдли отшатнулась от него.

Он поднял обе руки в знак того, что сдается.

– Я в порядке, в порядке, – настаивала она хриплым голосом и поднялась, не в силах встретиться с Лоу взглядом.

– Хэдли...

– А вот и такси. Мне правда надо...

– Ты уверена?

– Я...

– Боже, Хэдли. Это было...

Изумительно. Сексуально. Намного лучше, чем он представлял.

– Мне пора. Пожалуйста, позвони, когда будешь готов... пойти к Троттеру.

Затем она бросилась в дождь и исчезла в такси у обочины. Последнее, что он увидел, как в отъезжающей машине она прижала руку в перчатке к своим губам.

Вместо того чтобы вернуться на работу, Хэдли кружным путем отправилась в магазин, на витрине которого красовалась надпись:

Мадам Дюбуа

Модное белье

Зазвенел колокольчик, возвещая о посетительнице. Хэдли прошла между деревянным столом, демонстрирующим широкий ассортимент шелковых трусиков-шортиков, и покрытым холстом манекеном, к которому была пришпилена наполовину сшитая ночная рубашка. Когда Хэдли подошла к витрине, полноватая женщина средних лет с идеально уложенной серебряной стрижкой «боб» подняла голову и улыбнулась.

– Добрый день, мадемуазель Бэкол.

– Мадам Дюбуа, – поздоровалась Хэдли и кивнула.

В задней части магазинчика царил буйство шелка, кружев и ярких катушек блестящих ниток для вышивания. Аккуратно сложенные пеньюары и чулки лежали на полках за прилавком. А на стеклянной витрине кремовые коробочки соседствовали с рулоном тонкой упаковочной бумаги абрикосового цвета. Шедевры мадам Дебюа слыли самыми красивыми в Сан-Франциско, и были самой экстравагантной слабостью Хэдли.

В воздухе повеяло запахом розовой пудры, когда портниха – эмигрантка из Парижа – склонилась над прилавком так, что с ее шеи свесилась длинная мерная лента.

– И чем я могу вам помочь? Оформить особый заказ?

– Да.

– Чудесно! Ваши модели – одни из моих любимых. Что у вас сегодня на уме?

Сердце Хэдли забило чаще, чем крылышки колибри, когда она развернула цветную страницу, вырванную из буклета недавней музейной выставки. В ее голове промелькнула мысль: не чувствовала ли что-то похожее ее мама много лет назад, когда заказывала художнику по керамике нарисовать схему каноп?

Хэдли улыбнулась мадам Дюбуа и сказала:

– Мне бы хотелось, чтобы вы сшили точную копию вот этого...

Глава 17

На следующий день Лоу позвонил Хэдли на работу и весело проинформировал, что нашел Хьюго Троттера. Похоже, предполагаемый убийца поступил, как и многие гробовщики, когда власти Сан-Франциско решили, что земли слишком мало, и она чересчур ценна для захоронений: перевел свое дело в ближайший некрополь Лондейл.

Хэдли не горела желанием встречаться с убийцей, но Лоу заверил, что бояться нечего: мистер Троттер умер десять лет назад, поэтому они поговорят с его сыном, который пошел по стопам отца. Оставалось надеяться, что он не унаследовал папашиних убийственных наклонностей.

Лондейл – «Город молчания» – находился в получасе езды от Сан-Франциско. Там-то мистер Троттер-младший управлял делом своего отца – похоронным бюро «Золотой покой» и крематорием. Магнуссон договорился о встрече на следующий день, чтобы вместе с «сестрой» обсудить организацию похорон.

Лоу передал информацию, промолчав о том, что засело у него в голове с тех пор, как Хэдли покинула его на пристани.

О том поцелуе.

Хэдли накинулась на него, словно пыталась сбежать от бури. И это было неопишимо чудесно. Пока она не запаниковала. Теперь же она колебалась между страхом, что они снова поцелуются, и тревогой, что этого не произойдет.

– Я хочу выехать завтра в четыре часа дня, чтобы добраться заранее. Мы сыграем роль обеспеченных брата и сестры, поэтому тебе надо придеться побогаче, – пояснил Лоу сквозь треск телефонных помех.

– А я и так богата, – напомнила ему Хэдли.

– И у тебя полно похоронной одежды, которая наконец принесет пользу. Но надень самое дорогое, а не то, в чем обычно ходишь на работу.

– Да-да, – раздраженно проворчала она, хотя слышала насмешку в его голосе. – Только придя на работу при полном параде, я вызову подозрения, поэтому придется найти причину уйти пораньше.

– Сошлись на головную боль или начинающуюся простуду. Уверен, даже ты способна придумать небольшую ложь.

– Я сумею.

– Значит, я заберу тебя у твоего дома около четырех.

– Только не на Лулу, – настоятельно потребовала Хэдли.

– Нет, в обычном автомобиле. Я ведь должен играть роль. Ну как, согласна?

Согласна?

Почти весь следующий день она потратила на примерку нарядов и доведение себя до нервного изнеможения. Что делать, когда он придет? Притвориться, что того поцелуя не было? Злясь на Лоу и на себя, Хэдли наконец выбрала наиболее закрытое платье. Вооружилась перчатками, шубой, шляпой с полями, закрывающими пол-лица, и спустилась на лифте в вестибюль.

Лоу уже ее ждал.

За исключением белой рубашки, вся его одежда была черной – от шелковой ленты на шляпе до ладно скроенного сшитого на заказ костюма и идеально отполированных туфель. Серебряная цепочка карманных часов шла от пуговицы к кармашку на жилете, а пальто спадало ниже колен.

Охотник за сокровищами из семьи нарушителей закона исчез, а на его месте появился невероятно красивый состоятельный светский лев. Сердце Хэдли билось так, будто ему было плевать на ее страхи и беспокойство, словно говоря «Смотри! Вот красавец, который поцеловал тебя как самую желанную женщину в мире. Давай, снова накинься на него!»

Хэдли проигнорировала свои порывы и остановилась в нескольких шагах от Лоу. Он склонил голову, чтобы поймать ее взгляд из-под края шляпки, и медленно улыбнулся.

– Привет.

Ответное приветствие Хэдли прозвучало как бульканье старого водостока. Милостивый бог. Из-за Лоу она глупеет. До конца вечера забудет, как говорить и считать.

В сумерках он повел ее к серебристому «паккарду» у обочины.

– Очень мило, – заметила Хэдли, наконец снова заговорив связно.

– Машина принадлежала моей матери, – пояснил Лоу, открыв для Хэдли пассажирскую дверь. – Ее водила Аида, а я поменял номера на всякий случай.

– Что ты сделал?

– Мой брат для бутлегерства приобрел пачку номеров, – пояснил он, будто это как-то

меняло ситуацию к лучшему.

Машина оказалась такой же красивой внутри, как и снаружи: кожа, дерево и полированный хром. Крыша двухместного автомобиля была поднята, сохраняя тепло. Стало даже слишком жарко, когда Лоу вытянул свои длинные ноги, устраиваясь на водительском сиденье. От него пахло свежестью, лимоном и розмарином.

– Какую историю ты придумал? – спросила Хэдли, как только он завел машину и отъехал от ее дома.

– Умерла наша старшая сестра, и мы хотим кремировать ее тело.

– И все?

– Не люблю планировать наперед, тогда рассказ покажется искусственным. Просто подыграй мне, и все будет хорошо.

Легче сказать, чем сделать. Сумерки сгустились, и замерцали фонари, когда парочка искателей сокровищ поехала по городу на юг. Со временем здания встречались все реже и становились все ниже, а неровная дорога испещрена колеями. По пути между партнерами повисло тяжелое молчание, которое нарушил Лоу.

– Ты выглядишь очень мило.

Ответ сорвался с губ Хэдли до того, как она сумела сдержаться:

– Вчерашний эпизод был ошибкой.

– Я не согласен.

– Ну, случившееся никогда не повторится.

После продолжительного молчания, он ответил:

– Все в порядке.

Хэдли расслабила судорожно стиснутые пальцы и взглянула в окно. Лоу больше ничего не скажет?

Она снова попыталась поговорить:

– Не знаю, что на меня нашло.

– Не хочешь, значит не хочешь.

– Не в этом...

– Не нужно объяснять. Считай, что все в прошлом.

В полумраке машины Хэдли не могла рассмотреть выражение его лица. Все шло совсем не так, как ей хотелось. Она пыталась выразить свои мысли, но Лоу успел высказаться раньше.

– Я рад, что не выставил себя дураком, пригласив тебя на свидание на выходных.

– Что?

– Мои друзья с исторического факультета Беркли встречаются выпить и потанцевать в Норт-бич. Я знал, что это сборище не в твоём вкусе, но все придут парами.

– А.

– Все равно моя подружка по колледжу недавно разорвала свою помолвку и оставила мне парочку сообщений, желая возобновить наши отношения.

Хэдли застыла.

– Да?

– Милашка Руби. Такая сумасбродка. Бог знает, она изменяла мне направо и налево. Но с ней весело на вечеринках. Узнаю, не захочет ли она составить мне компанию.

Руби – что за ужасное имя.

Хэдли открыла окно, чтобы вдохнуть воздуха, пока в ее голове вертелись мысли о

клубах и джазбэндах. А еще танцах и безрассудной девке, желающей возобновить отношения с Лоу. Спал ли он с ней? Неужели время, проведенное вместе с Хэдли, значило для него так мало, что он мог запросто об этом забыть и завести интрижку с другой?

Но если ей настолько не все равно, не надо было утверждать, что их поцелуй – ошибка. И зачем она вообще подобное сказала? Хэдли совершенно не умела заводить отношения. Часть ее совершенно забыла о мужчинах и была уверена, что Хэдли не суждено влюбиться и завести семью. Но другая половина все еще надеялась. Та самая, которая не могла заснуть по ночам от желания, фантазируя, что и Лоу не спит, мечтая о ней.

В груди защемило. Острые болезненные ощущения сдавили горло, а на глаза навернулись слезы.

– Эй, ты в порядке? – спросил Лоу ласковее.

– Тут жарковато, – ответила Хэдли, стараясь успокоиться. Сейчас не время расклеиваться как ребенок, обиженный, что не получил желаемого. Им надо работать вместе.

– Конфетку? – спросил Лоу, протягивая открытую упаковку.

Хэдли взяли три штуки.

Проехав знак «Округ Сан-Матео», они прокатились по городской общине Лондейл, ранее известной под название Колма. Некрополь. Холмы вдалеке усыпали многочисленные кладбища, каждое из которых имело своего владельца и управляющего. Не считая могил, в городе был спортивный клуб, железнодорожная станция, а деловой район кишел похоронными бюро.

Троттер жил в крепком двухэтажном доме. На пороге Хэдли и Лоу приветствовали запах чистящего средства и угрюмая пожилая секретарша, которая провела их в кабинет хозяина.

– Я передам, что вы пришли, – пообещала она, когда Хэдли и Лоу сели на стулья для посетителей перед старым столом. На стене, в покрытых пылью рамках, висели сертификаты и лицензия гробовщика. Никаких урн, но Хэдли, кажется, почувствовала странную энергию; вторая перекладина должна быть тут.

– Вам что-нибудь принести? Кофе? Воду? Я совсем скоро все закрою и уйду, – сказала секретарша.

– Ничего, благодарю, – ответил Лоу устало и безразлично. Неужели он уже вжился в роль? Теперь Хэдли пожалела, что не расспросила его о плане, вместо того, чтобы переживать из-за Лоу как влюбленная девчонка. Как только секретарша закрыла дверь, он наклонился и прошептал:

– Ты что-то чувствуешь?

– Я не хочу говорить об этом здесь. Давай потом, – прошептала она в ответ.

– Что?

Она посмотрела на него:

– Что «что»?

– Я имел в виду перекладину амулета. Ты чувствуешь ее?

Хэдли покраснела.

– Да, похоже на то. Трудно сказать. От этого дома у меня мурашки.

Она сняла шляпу и обмахнулась.

Дверь кабинета открылась, и вошел дородный блондин в плохо сидящем костюме. Он был примерно одного возраста с Хэдли, а, может, и моложе.

– Добрый вечер, мистер Смит, – поздоровался он с Лоу, протягивая руку. – Меня

зовут Билл Троттер.

Лоу пожал руку нового знакомого и представил:

– Познакомьтесь с моей сестрой Руби.

Руби? Шлюха из ночного клуба? Во что, черт побери, он играет?

– Мисс Смит, – поздоровался гробовщик, кивая головой. – Соболезную вашей потере. – Непохоже, чтобы искренне соболезновал. Если ей не померещилось, то мистер Троттер ее разглядывал. Такое случалось не часто. Возможно, узнал родственную душу, чья работа тоже сосредоточена на смерти. – Не хотите ли присесть? Я попытаюсь по возможности все упростить.

Хозяин бюро опустился в кресло, и послышался скрип.

– Мистер Смит, вы сказали моему секретарю, что ваша сестра скончалась два дня назад.

– Бедная Эсмерельда, – сказал Лоу. – Мы вернулись домой и нашли ее на полу гостиной. Кто-то ее ударил.

– Грабители?

– Ничего не пропало, поэтому мы не знаем, что случилось. Только, если честно, ее недолго любили. Она все время была весьма не сдержанна на язык. Мы с ней не слишком ладили. – Лоу сжал руку Хэдли на подлокотнике; ей пришлось противиться своим инстинктам вырваться. – А вот с Руби мы близки, и решили выполнить свой долг и позаботиться об Эсмерельде, хотя она всего лишь наша сводная сестра. Но не буду врать: дома станет намного уютнее, когда не придется ее сдерживать, так сказать.

Боже милостивый, Лоу выдает гробовщику вариацию мифа о Хьюго Троттере, чьи брат и сестры умерли от удара по голове и ножевой раны.

– Надеюсь, вас не смутила моя искренность, – добавил он.

– Вовсе нет, мистер Смит. Не все, кто входят в эту дверь, страдают от сильного горя. – Билл Троттер снова посмотрел на Хэдли. Точнее, на ее ноги. Она скрестила их, отодвинувшись в другую сторону, и поправила платье на коленях.

Лоу кашлянул.

– Нам не хотелось бы тратить ваше время понапрасну, перейдем к делу: тело Эсмерельды в плохом состоянии и не подойдет для публичных похорон, поэтому мы хотим ее кремировать. Но она оставила нам большую часть состояния своего отца, поэтому нам бы хотелось... – он украдкой улыбнулся Хэдли - ... расскажем ему, дорогая?

– Конечно, только давай ты пояснишь.

Она понятия не имела, в какую сторону клонит ее «брат».

– Ну, нам бы хотелось поместить прах Эсмерельды во что-то экстравагантное. В сосуд отличного качества, а не в обычную вазу. То, что мы могли бы поставить на полку и иногда пить в ее честь. Деньги не проблема, упокой Господи душу Эсмерельды.

Троттер просиял.

– Уверен, мы найдем то, что удовлетворит ваши запросы. У меня есть несколько уникальных вещей. Хотите посмотреть? – Он с надеждой покосился на Хэдли, бросив еще взгляд на ее ноги. Возможно, она ему и правда понравилась.

Они пошли за мистером Троттером в небольшой выставочный зал с разными урнами на полках. На небольших карточках стояла цена. Парочка сосудов отдавала безвкусицей, но ни следа странной энергии каноп.

– Какие красивые, – сказал Лоу, проводя рукой по самой дорогой мраморной урне на

стене. – Но мы бы хотели что-то экзотичное. Возможно, римское или греческое. Нечто классическое.

– Что-то скульптурное, – добавила Хэдли.

Троттер вскинул бровь.

– Знаете, очень похоже на урну с прахом моей тети Хильды. Вот только она в сделана в египетском стиле, я...

– О-о, египетский стиль, – повторил Лоу с большим интересом. – Очень экзотично. Как думаешь, Руби?

Хэдли хотелось лишь стукнуть его по голове той самой мраморной урной, которую он поглаживал.

– Египетский стиль, то, что надо.

Троттер усмехнулся.

– Но я не могу выбросить прах тети и продать ее вам.

– Конечно нет, – сказал Лоу с улыбкой. – Но ведь мы можем на нее посмотреть? Чтобы лучше понять, чего хотим. Как я уже сказал, деньги не проблема.

Троттер звякнул мелочью в кармане и покачался на подошвах.

– Ну...

Лоу тайком пихнул Хэдли локтем. Она посмотрела на него и тоже пихнула. Он состроил гримасу и драматично скосил глаза на гробовщика, когда тот отвернулся. Она догадывалась, чего напарник от нее хочет.

– О, прошу, мистер Троттер, покажите нам урну – сказала она, пытаясь сыграть очаровательную девушку-пустышку. – Это будет столько значить для нас, особенно для меня.

Два круга заалели на его щеках.

– Урна внизу в подвале. Вам, наверное, не понравится мое рабочее место. Наверное, лучше принести ее сюда.

– Я не брезглива, меня ничто не шокирует.

Гробовщик улыбнулся ей, будто она только что подобрала ключик к его сердцу.

– Тогда нам сюда.

Глава 18

Подвал оказался большим помещением, освещенным двумя рядами свисающих тусклых лампочек, не способных разогнать тени по углам. Одна половина комнаты отведена под крематорий, где из кирпичной стены выдавалась большая железная дверь, а по соседству находились стальные каталки, резиновый шланг и совки для сбора праха. В другой части в деревянном шкафчике возле стола на единственной полке стояли три экспоната. И хотя годы и дым лишили красок стекло, приглушив обзор, Хэдли знала, что там внутри канопа Хапи. Она почувствовала зловещую энергию в ту же секунду, как Троттер толкнул скрипящую дверь.

– Вот она, – сказал гробовщик, открывая шкафчик. – Мой отец хранил тут все семейные погребальные урны, и я просто не стал их никуда убирать. – Он распахнул дверцы и отступил, чтобы Лоу с Хэдли смогли рассмотреть интересующий предмет.

В центре полки стояла канопа песочного цвета, увенчанная головой бабуина.

– Она великолепна, – восхитился Лоу.

– Идеальна, – согласилась Хэдли. – Мы ищем нечто именно в таком стиле.

– Вы точно не хотите ее нам продать? Мне ужасно неловко затрагивать эту тему, но

если вы к ней не привязаны, можно было бы переложить прах вашей тети в другой сосуд.

Мистер Троттер почесал ухо.

– Ненавижу отказывать клиентам...

– У меня с собой триста долларов наличными, – добавил Лоу.

Троттер кашлянул и покраснел. Его так и подмывало согласиться, потому что сумма в три сотни составляла трехмесячную зарплату в сфере ритуальных услуг, а самая дорогая урна наверху стоила всего двадцать девять долларов.

– Мистер Смит, вы очень щедры, но, простите, я правда не могу ее продать ни за какую цену. Если бы мой отец был жив, он бы никогда мне этого не простил. Он даже указал в завещании, что я получаю его дело, а взамен забочусь об урнах.

Лоу вздохнул.

– Ну, попытка не пытка. – Он повернулся к шкафчику и обнял Хэдли за плечи. – Мы ведь сможем заказать копию, – продолжил он, прижимая ее ближе. – Дорогая, ты что, плачешь?

И не успела Хэдли ответить, как «брат» поцеловал ее в щеку и прошептал на ушко:

– Отвлеки его, пофлиртуй.

У нее подвело живот. Во-первых, она не сомневалась, что Лоу собрался украсть урну. Вряд ли его затея закончится лучше, чем в особняке на Телеграф-хилл, а тогда вышло просто ужасно. Во-вторых, она совершенно не умела флиртовать. Когда-то Джордж сказал, что ей не удастся завлечь ребенка на карнавал даже огромным леденцом в одной руке и сладкой ватой в другой.

Хэдли натянуто улыбнулась мистеру Троттеру через плечо и нервно обернулась.

– Уверен, что я смогу сделать такую же урну для вас, – заверил гробовщик, внимательно разглядывая ее лицо в поисках следов слез.

– Было бы чудесно, – ответила она. Как, черт побери, это повернуть? Она посмотрела на плиту в дальнем углу и сосредоточилась на единственной теме разговора, в которой более-менее смыслила.

– А, так вот, где проходит кремация, – сказала она, проходя в ту часть помещения, чтобы получше рассмотреть печь. – Какая крепкая конструкция.

Билл Троттер последовал за ней.

– Да, ей уже тридцать лет, но она все еще прекрасно работает.

– Ой, у меня тот же девиз.

Троттер разинул рот, вздохнул и усмехнулся.

– Прекрасный девиз, – согласился он, разглядывая тело Хэдли. – И, без сомнения, точный.

Флиртовать оказалось просто, бояться нечего. Хэдли робко улыбнулась и кивнула на печь.

– Надеюсь, вы не подумаете, что я странная, но мне очень интересен процесс кремации.

– Какая вы изумительная женщина! Я с удовольствием вам объясню.

Троттер с радостью показал, куда кладут тела, а когда «клиентке» захотелось рассмотреть внутренний механизм, с воодушевлением повернул клапан и поджег спичку. В черном туннеле разгорелся оранжевый огонь.

– О боже, очень... – начала Хэдли и вздрогнула, когда позади них раздался грохот.

Они с Троттером развернулись и увидели, что Лоу присел в облаке пыли перед

шкафчиком, прижимая пальто к лицу.

– Боже, что произошло? – воскликнул гробовщик.

Хэдли почувствовала, как в висках застучал пульс. Она заметила, как Лоу что-то забрал из разбитых черепков на полу и сунул в пальто. Видимо, перекладину.

– Не понимаю, как так получилось, – бормотал он, вставая и отмахиваясь от пепла. – Урна соскользнула с полки.

– О боже, о боже, – повторял Троттер, прикасаясь к осколку. – Отец никогда мне не простит... это ужасно. Ужасно!

– Мне очень жаль. – Лоу осмотрел комнату пристальным взглядом. – Я выплачу вам компенсацию.

– Как? – Троттер в ярости вскочил. – Как, черт побери, вы это сделаете? Урна восстановлению не подлежит! И вы топчете останки моей тети!

Виновник катастрофы поспешно отступил от кучки пепла, отряхнул штаны и потопал каблуками.

– Давайте я дам вам те триста долларов, которые уже предлагал.

Гробовщик впал в истерику.

– Ваши деньги ничего не исправят!

Лоу достал бумажник.

– Но хоть примите их для начала, договорились?

Над головой Хэдли закричала половица. Наверху кто-то есть? Она посмотрела на потолок и заметила, как что-то вязкое и темное капает на пол. Оно натекло на цементный пол посреди комнаты, завоняло горелым. Вдруг ее спину обжог странный жар. Хэдли развернулась и заметила, как огненный шар выскочил из печи, пролетел по кирпичной стене и прыгнул в черную лужу.

– Ой-ей.

Хэдли в ужасе увидела, как пламя взревело, за секунду взлетев на пару метров. Но это был не простой жар. Странный огонь обрел явно человеческую форму и сделал шаг вперед, отрываясь от пола. Ожившая плавающая тень.

Создание из ада. Огромная женская фигура стала плотной. Во-первых, она была выше Лоу сантиметров на шестьдесят, с ногами как стволы деревьев и плечами шириной с баржу. Теперь посреди комнаты стояла великанша, чудище из почерневшей обнаженной плоти и огня, лижущего ее плечи, руки и ноги.

А вместо человеческой головы шею венчала львиная морда.

Хэдли по-научному сложила два и два и смутно припомнила фотографии древних статуй с львиными головами. Все они принадлежали египетской богине огня Сехмет.

Создание выгнуло спину и шагнуло к Лоу. От ее тяжелых шагов затряслась тележка крематория. И вот тогда Хэдли увидела что питало огненное чудовище. Крошечные трещины на коже создания сияли оранжевым светом, будто под изборужденной сухой землей текла лава. Они напоминали какое-то сообщение из иероглифов – заклинание, вроде того, что было наложено на плоть грифона.

Значит, это не сама богиня, а ее магическая копия.

Мистер Троттер завопил как дитя. Лоу лишь застонал и вытащил из пиджака пистолет, а не изогнутый кинжал, как в прошлый раз.

Послышался выстрел. Пуля прошла через огненную великаншу и вонзилась в кирпич всего в паре сантиметров от руки Хэдли. Хранительница музея вскрикнула, когда вся жизнь

промелькнула перед глазами, и натолкнулась на каталку.

– Черт! – воскликнул Лоу.

Мистер Троттер заполз под каталку, используя ее как щит. Беспольный трус. Вот вам и страсть на почве любви к погребениям.

– Стреляй в сердце! В сердце! – крикнула она Лоу, а потом добавила. – Только меня не прикончи заодно!

Лоу немного подвинулся, чуть-чуть отступил и сместил цель.

Бам! Бам! Бам!

Он три раза выстрелил в тело существа, но все пули вонзились в стену рядом с Хэдли, осыпав голову мистера Троттера пылью.

Чем бы ни было это существо, оно отличалось от грифона. Чудище не только не издавало никаких звуков, но и раны, из которых должна была течь кровь, сочились черной субстанцией.

Тварь молча схватила Лоу огненной лапой за плечо. Тот закричал. Пламя охватило перед его пальто. Он взвыл и вырвался из хватки монстра. Великанша пошатнулась, потеряв равновесие, а Лоу оступился и упал на стол Троттера...

Лоу горит! Горит!

Он сбросил шляпу и стал сбивать огонь, волнами поднимающийся по руке.

Хэдли бросилась к крану крематория и повернула ржавую ручку. Трубы заскрипели и по резиновому шлангу, прикрепленному к крану, потекла жидкость. Сообщница схватила конец и направила на Лоу. Струя дугой пролетела по воздуху и попала ее партнеру в глаза.

Он отвернулся и выругался по-шведски. Быстро изменив направление, Хэдли залила водой его одежду и потушила огонь.

Создание подожгло пачку бумаги на столе. Хэдли усилила напор, прикрыв большим пальцем половину отверстия шланга, и направила поток в морду великанши. Пламя зашипело и затрещало, поднялся пар.

Работает!

– Потрясающе! – закричал Лоу. – Продолжай в том же духе!

Чудище содрогнулось, неестественно вывернуло шею так, что вода потушила пламя сбоку. В комнате мерзко завоняло мокрой кошатиной и сгоревшим жиром. Хэдли представился гниющим труп животного, зажаренного на вертеле вместе с шерстью. А еще пахло химикатами, будто от перегревшейся машины.

С полуистлевшим сюртуком, от которого шел пар, и мокрыми волосами Лоу обогнул стол и засунул пистолет за пояс. Он обошел великаншу, бросился к Хэдли и попросил, берясь за шланг:

– Давай сюда.

Красные как лава глаза повернулись к нему. Почерневшие плоть и шерсть замерцали под висящими лампами как масло. Запахло химией: моторное масло! Неужели именно оно капало с потолка до того, как появилось создание?

Моторное масло совершенно не вязалось с Древним Египтом и волшебными чудовищами. Но раздумывать некогда: огонь на плечах твари взревел, как корона распространяясь по пушистой голове львицы. Она сама себя зажгла.

Им с ней не справиться. Слабый поток воды из крана не погасит пламя жидкого топлива. Лоу залил морду чудища резкой струей.

– Вытащи отсюда Троттера!

Пусть гробовщик сгниет в своем убежище за тележкой, ей плевать на этого ноющего труса.

– Я тебя не оставлю, – заявила она Лоу.

– Поверь, я ринусь сразу за тобой. Уходи!

Неохотно она потянула Троттера за руку, крикнув ему, чтобы тот вставал. Когда он оказался на ногах, то, не оглядываясь, бросился по лестнице вон из подвала. Скатертью дорога. Хэдли кинулась к Лоу, собираясь ему помочь.

И призвала Мори.

Они поднялись из темных уголков, вылезая из стены. А когда обрели форму и повернули черные лица к огненной богине, Хэдли приказала:

«Расправьтесь с проклятой тварью».

Она ожидала, что почувствует их радость, что-то вроде гудящей энергии, которая проявлялась, стоило ей сдаться и выпустить их на свободу, но ничего подобного не произошло. Хуже того: она ощутила, как Мори отступают, отворачиваются от создания, будто им больно смотреть на огонь. Потом они сделали то, чего она прежде не видела – не послушались приказа и скрылись в стенах.

Если даже Мори испугались этой твари, то какого черта Лоу и Хэдли тут забыли?

Ее «брат», кажется, подумал о том же. С рычанием он сорвал шланг с крана и набросил резиновую змею на великаншу.

– Вперед, вперед, вперед!

Они побежали вверх по лестнице. Лоу толкал Хэдли рукой в поясницу. Они выскочили на первый этаж, где увидели Троттера с кухонным ножом в одной руке и телефонной трубкой в другой, диктующим свой адрес.

– Простите за урну, мистер Троттер, нам все-таки не понадобятся ваши услуги, – извинился Лоу, осыпая мужчину кучей наличности и убегая прочь вместе с Хэдли.

От взрыва полетели щепки.

Хэдли повернулась и увидела огненную богиню уже наверху. Дверь в подвал повисла на одной петле; пламя охватило расщепленную древесину. Тварь переступила через порог и повернула львиную голову к Троттеру. Гробовщик уронил трубку, побежал по коридору и исчез. Великанша тут же уставилась на следующих жертв.

– Она хочет забрать перекладину! – отступая, крикнула Хэдли Лоу.

– Она ее не получит, черт побери... уходим!

Глава 19

Лоу схватил Хэдли за руку. Они мчались по коридору мимо кабинета Троттера прочь в ночную прохладу. За ними по пятам неслась проклятая великанша с львиной мордой. Такие громоподобные шаги ни с чем не спутаешь.

«Хочешь часть амулета, старушка? Придется сперва поймать меня, мешок горящего дерьма!»

Добежав до серебристого «паккарда», Лоу вытащил из кармана ключи. Великанша снесла дверь дома Троттера. Господи! Жителей этого сонного болота ждет интереснейшее зрелище. Лоу открыл дверь со стороны водителя, впихнул Хэдли в машину и, не успевшая сообщить переползти на соседнее сиденье, плюхнулся чуть ли ей не на колени. Через мгновение, заведя двигатель, он зажег фары и под визг шин как можно скорее укатил прочь.

– Боже милостивый, она не отстает, – выдохнула Хэдли, разворачиваясь, чтобы посмотреть в заднее окошко.

Охваченная пламенем «богиня» увязалась за «паккардом», высекая голыми ступнями искры из асфальта. Когда Лоу переключил передачу, разгоняя машину, двигатель запротестовал, но не подвел. И стоило отдалиться, как в зеркале заднего вида он заметил, что тварь чуть замедлилась, перейдя на прыжки, а потом захромала. Затем одна из ее ног подогнулась, и чудище рухнуло посреди дороги, исчезнув в бушующем костре.

– Ура! – радостно закричал Лоу, стуча по рулю кулаком и улыбаясь Хэдли. – «Паккард» победил магию.

Его сообщница развернулась и расслабилась на сиденье.

– Это была катастрофа, бедный мистер Троттер.

– Я отдал ему деньги, которыми, честно говоря, не могу разбрасываться. Ты всего лишь расстроена, потому что он пускал слюни на твои ноги.

– Ничего подобного.

– Троттер готов был рухнуть на колени и целовать пальчики твоих ног.

– Не груби.

– О, прости, ты же говорила, что хочешь, чтобы с тобой обращались, как с мужчиной.

А теперь наоборот, желаешь, чтобы я все облагородил для твоих нежных женских ушек?

Хэдли закатила глаза и скрестила руки. Кое-что ее беспокоило, но на этот раз не Лоу.

– Ты в порядке? – спросил он после нескольких секунд молчания.

Она посмотрела на дорогу.

– Ты знаешь, что это было подобие Сехмет?

– Чье дыхание создало пустыню, – сказал Лоу. – Да, я узнал похожие черты.

– А ты заметил масло, капавшее с потолка до того, как эта тварь появилась?

– О чем ты говоришь?

– Мне показалось, что прямо перед случившемся наверху кто-то был, а потом со стропил закапала черная жидкость. Чудище возникло из лужи этого вещества на полу. Кажется, оно пропитало кожу твари. Ее будто создали.

Лоу задумался на несколько мгновений.

– В Мрачном особняке, когда я уронил канопу, грифон вовсе не поднялся из пепла.

Помнишь тех попугаев? Они откуда-то прилетели.

– Да.

– И если кто-то находился наверху в кабинете Троттера, заливая адским маслом подвал, значит в урнах нет защитной магии. Кто-то нас преследует, посылая волшебных тварей...

– ...забрать перекладки, – закончила его мысль Хэдли. – Оба раза эти твари охотились за частями амулета. Можно на нее посмотреть?

Лоу вытащил перекладину из кармана. Она рассмотрела находку, отметив, что эта канопа очень напоминала первую: магические символы опять покрывали только заднюю часть.

– Она настоящая.

– Я отнесу ее Адаму как можно скорее.

Фары встречного автомобиля медленно прочертили переднее сиденье треугольником света. Лоу вспомнил все неприятности, случившиеся с ним в Египте, когда разлетелись новости о его находке. Но те нападения были глупыми и грубыми. Ни изящества, ни магии.

Его все еще разыскивал Монк, и Лоу рассчитывал, что слухи об амулете дойдут до гангстера. Нужно, чтобы Монк поверил, что в уплату долга ему достанется подлинник, а не

подделка. Но бандит бы приставил пистолет к голове Лоу или заставил бы Уинтера притащить брата на встречу. Он бы не стал тратить время на магию и уловки. В особенности не с египетским волшебством, что значительно сужает круг подозреваемых.

Возможно, богатый египтянин послал кого-то за Лоу, чтобы похитить амулет. Но как эти люди могли прознать о поисках переключков? Об этом известно только Бэколу, и тому вредить нет смысла, ведь старик вряд ли бы заплатил за переключки, чтобы потом их украсть.

Лоу беспокоило еще кое-что: доктор Бэкол не сказал, почему ему так позарез понадобился целый амулет. Да, он утверждал, что это его мечта, и именно из-за этой реликвии он рассорился со своим прежним партнером.

Но он так и не поведал, с чего началась их размолвка.

А еще странное предупреждение духа жены Бэкола во время сеанса Аиды. Покойная мать Хэдли попросила не отдавать амулет ни своему супругу, ни «Ноелю». Почему? Возможно, лучше задать этот вопрос доктору Бэколу. Мысленно, Лоу дал себе зарок так и сделать, когда почувствовал нестерпимую боль в левой руке.

– Что случилось? – спросила Хэдли.

– Ничего.

– Что?

– Кажется, у меня небольшой ожог.

– Где?

Лоу пошевелил рукой на руле и поморщился. Теперь триумф стихал, и тело решило сообщить, что что-то не так. Он опустил голову, чтобы получше рассмотреть рану.

– На плече. Проклятая тварь прожгла пару дырок в пальто.

К его изумлению Хэдли наклонилась близко и попыталась рассмотреть повреждения, чуть не закрыв обзор дороги.

– Это произошло, когда она тебя схватила?

– Скорее всего. Было чертовски больно, но сейчас, если честно, стало еще хуже.

– У меня в квартире есть аптечка первой помощи, я могу тебя перевязать.

Лоу чуть не съехал с дороги. Если ему хотелось отвлечься от боли, то он точно получил желаемое. Он и она в ее квартире... будут прикасаться друг к другу. Конечно, с удовольствием.

– Не имеет смысла платить врачу, если ты не слишком сильно ранен, – оправдываясь, продолжала Хэдли, и Лоу безумно захотелось улыбнуться. О да, пожалуйста, защищайте свое решение, мисс Поцелуй-Больше-Не-Повторится. Потому что мужчина и женщина не целуются со страшной силой, чтобы потом расстаться. Такая страсть воспевается в поэзии. Одно воспоминание о прикосновении к ее губам заставило плоть в его штанах встать по стойке смирно.

Но другая мысль испортила хорошее настроение Лоу.

– Мне бы не хотелось привести нашего возможного преследователя в твою квартиру.

– Если за нами следят, то они уже знают, где я живу, – прошептала Хэдли.

Но своим ответом не уняла его страхов.

Полчаса спустя плечо Лоу пульсировало от боли. Он припарковался у стены, покрытой ползущей бугенвиллией. Было почти восемь, а поток транспорта по Калифорния-стрит оставался все таким же оживленным. Лоу прошел за Хэдли в шикарный вестибюль, а потом в лифт.

– У мистера Уолтера, кажется, перерыв, – заметила она, разглядывая механизм, будто нерешаемую математическую задачу.

Лоу закрыл дверь.

– Мы сами справимся. Нам на какой этаж?

– Девятый.

Он щелкнул выключателем и медленно задвигал рычагом, пока кабинка не начала подниматься. Они молча добрались до нужного этажа, и Хэдли отперла дверь в квартиру.

– Миссис Вентворт? – позвала она, но ответа не получила. – Моя горничная, должно быть, осталась сегодня у дочери. Она начала работать у меня только на прошлой неделе, и мы еще не успели установить ее расписание.

Хэдли включила пару канделябров на стенах, заливая светом просторную элегантную комнату. Как и подозревал Лоу, помещение было покрыто отполированным мрамором. Чистое современное убранство. Все очень официально и не слишком уютно.

– Я принесу аптечку, – сказала она, повесив пальто и шляпу.

Пока Хэдли искала нужные вещи в одной из дальних комнат, Лоу выглянул в окно. У входа припарковано мало автомобилей. Ничего подозрительного. Осторожно сняв мокрое пальто с раненой руки, он осмотрел квартиру: мебели мало; из отделки только зеркало и две картины, зафиксированные кронштейнами на стене, будто хозяйка опасалась воров. Странно.

Не грех высушить одежду на горячей батарее под окном. Лоу с трудом стянул жилет и рубашку с длинными рукавами, и повесил их на роскошные серебристые ребра радиатора. Нижняя рубашка не особо нуждалась в сушке, но не каждый же день выпадает правдоподобная причина разоблачиться в женской квартире. Так что хитрец разделся до пояса и на мгновение полюбовался собой в зеркале, – он выглядел вполне прилично, пока не повернулся боком и не поморщился, заметив ожог. Затем раненый гость присел в серое бархатное кресло с высокой спинкой и застыл, почувствовал, как что-то коснулось его ноги.

В гостиную вошла Хэдли с кучей вещей, которые чуть не уронила, увидев Лоу. Боже милостивый. Он же полуобнажен.

Желтый свет лампы упал на голый торс. Его тело было сильным и мускулистым, благодаря физическому труду. Она взглянула на загорелые руки, невероятно красивую широкую грудь и плечи. Одни мышцы. А живот... Какой у него живот! Грудь покрывали золотистые волоски, которые постепенно темнели, переходя в узкую полоску, уходящую под пряжку ремня.

Джордж уж точно так не выглядел. Вообще-то, Хэдли была уверена, что у всех представителей мужского пола, которых она видела полуголыми, включая собственного отца и кинозвезд, торсы напоминали комки теста, покрытые обвислой кожей, поддерживаемой несколькими костями.

Но Лоу был совсем на них не похож.

Если его мужественность впечатлила ее разум, то тело пришло в восторг. Трепет, зародившийся в груди, пробрал до самого лона, пока Хэдли не стало жарко. Она облизнула пересохшие губы и сглотнула, пытаясь вспомнить, чем занималась, пока не подогнулись колени.

«Сделай глубокий вдох».

Она успокоилась достаточно, чтобы заметить Четвертого. Проклятый кот, задрав все четыре лапы, лежал на спине, вытянувшись на бедрах Лоу, а гость медленно почесывал живот нагльца.

– Значит, тебя признали. – Хэдли подошла к ним, будто нет ничего необычного в том, что красавец с божественным телом сидит в ее гостиной лишь в штанах и ботинках. – Хотя должна тебя предупредить: мой кот имеет привычку кусаться. Местный управляющий считает его замаскированным демоном.

– Животные меня любят.

– Конечно, любят, – раздраженно пробурчала она. Животные, секретарши, ее отец. Лоу мог обвести всех вокруг пальца. В тот же список стоит теперь добавить и ее имя.

– В жизни бы не принял тебя за кошатницу. Как его зовут?

Хэдли положила принесенные вещи на стол.

– Четвертый.

Лоу прищурился и рассмеялся.

– Какой интересный кот. А он лишился первых трех жизней до того, как стал твоим, или после?

– Это он выбрал меня, а теперь я не могу от него избавиться.

Хэдли хотела взять кота, но застыла в замешательстве, когда поняла, куда тянула руки.

– Тебе больно?

– Все хорошо.

– Лжец.

– А мы ведь уже выяснили этот неизменный факт. – Лоу застонал и опустил кота на пол. – Ладно, если хочешь знать правду, боль просто ужасна.

В это легко поверить, глядя на ожог. Какой кошмар. Предплечье левой руки сильно покраснело и покрылось волдырями.

Как ему, должно быть, больно!

– Боже мой! Хочешь аспирина или виски?

– И то, и другое.

Хэдли открутила пробку и налила скотча на два пальца.

– Будет забавно, если это выпивка, поставляемая твоим братом, – сказала она, протягивая несколько таблеток аспирина и бокал. Лоу осушил содержимое одним глотком и вернул ей пустой бокал.

– Не знал, что ты пьешь.

– Не пью. – Однако выпить не помешает, если придется любоваться на полубнаженное тело. А еще касаться, чтобы оказать помощь. Хэдли налила себе немного и выпила залпом, вздрогнув от жгучей жидкости. Теплый солод опустился в желудок. – Время от времени меня мучает бессонница, и спиртное помогает. Хотя я стараюсь не пить перед тем, как что-то распилить.

Лоу невесело рассмеялся.

– Хотел бы я последовать твоему совету. Не скупись.

Она налила ему еще порцию и открыла баночку с мазью, пока он одним глотком осушил второй бокал.

– Лучше?

– Намного. Но у меня такое чувство, что ты это изменишь, – сказал он, разглядывая мазь на ее пальцах. – Будь нежной, медсестра Хэдли, не хотел бы я терять сознание.

– И не только ты. – Она встала на колени у кресла. Взглянула на его соски и окружающие их волоски медового цвета. Лучше поскорее все закончить. – Глубоко вдохни.

Когда он послушался указания, она смазала мазью ожог. Лоу дернулся, затем застыл и процедил через сжатые зубы:

– Твоя мебель прикреплена к полу.

Хэдли вздрогнула и зачерпнула еще мази.

– Да.

– Зеркало прибито к стене.

– Да.

– Люстры нет.

– Угу.

Она взяла еще мази, чувствуя приятное тепло скотча в желудке, вздохнула и начала свой рассказ.

Глава 20

Холодившей пальцы мазью Хэдли нежно покрыла ожог Лоу.

– Отец называет их духами Мори, тенями смерти. Они похожи на призраков, сотканных из дыма и полумрака. Понятия не имею, призраки ли эти создания, демоны или вообще что-то другое. Я унаследовала их от матери.

– Об этом проклятье говорил дух миссис Бэкол на сеансе Аиды?

Хэдли кивнула.

– Мори стали являться мне после ее смерти. Стоило выйти из себя, как они всплывали из-под пола и нападали на того, кто вызвал мое неудовольствие. Им нравится пользоваться подручными предметами, чтобы навредить: вещи из стекла, древесины и металла, то есть все, чем они могут управлять. Впервые они напали напрямую, когда я приказала им что-нибудь сделать с грифоном.

– Я так и знал, – прошептал Лоу.

Хэдли опустила глаза и отрезала ножницами квадратик марли.

– Папа утверждает, что мама не знала, откуда они взялись. Мори показались после поездки родителей в Египет. Какое-то странное проклятье мумии. Я их увидела только, когда они стали являться мне. Мори питаются негативными эмоциями. Стоит рассердиться, и я почти перестаю их контролировать. Суть духов трудно объяснить...

Хэдли села на пятки, пытаясь найти верные слова:

– Со мной они никак не связываются и ничего не говорят, но будто читают мои мысли, выбирают информацию и нападают. А еще я чувствую их энергию. Кажется, Мори голодны и желают причинить боль людям. Стоит дать слабину и выпустить их на свободу, они не останутся, пока кого-нибудь не убьют.

Хэдли порадовалась, что Лоу не спрашивал, проверяла ли она эту теорию на практике.

– Значит, ты можешь ими как-то управлять? Ну надо же!

Он вздрогнул и зашипел, когда на ожог опустился клочок марли.

– Прости, – извинилась Хэдли. – Да, совсем немного. Я не посылала их сбросить люстру, если ты об этом. Мори... я предпочитаю считать их охотниками за головами. Мой разум дает им имя цели, а они делают все, чтобы ее уничтожить.

– А сейчас они здесь?

Она покачала головой.

– Помнишь, как Аида поясняла, что придется вызвать мою мать из-за завесы? У меня такое чувство, что Мори находятся в другом месте и приходят сюда, чтобы почувствовать

мое эмоциональное состояние.

– И эти призраки – причина твоей фобии прикосновений.

Хэдли опустила руку.

– Когда мне было тринадцать, по соседству с нашим домом жила семья Прайс. К ним переехал кузен миссис Прайс. Он был сумасшедшим. Его арестовывали за растление детей, но обвинения сняли из-за какой-то мелочи.

Лоу молчал, и она продолжила:

– Отец приказал покрыть лаком полы на первом этаже. Открыли двери, проветривая помещения. Никто не заметил, как в дом зашел кузен миссис Прайс. Я как раз вылезла из ванны. – Хэдли глубоко вздохнула и выпалила все остальное, не давая себе струсить: – Он прижал меня к полу, я испугалась. Мори появились так быстро. Он был мерзок и безумен, а я в ужасе. Я и глазом не успела моргнуть, как духи заставили его поскользнуться на мокрой плитке, когда он пытался меня удержать. Мерзавец ударился головой о фарфоровую ванну и умер почти мгновенно.

– О, Хэдли, – сочувственно прошептал Лоу.

– Если честно, он сумел меня только повалить. Будь я обычной девочкой, все бы закончилось по-другому. Его смерть списали на несчастный случай. Ни мой отец, ни Прайсы не возражали.

– А чего им возражать? – отрезал Лоу. Хэдли не ожидала, что он так разозлится. – Если бы у нас был такой сосед, когда Астрид жила с нами, уверяю, мы бы такого не потерпели. Ни я, ни мой старший брат вовсе бы не раскаялись. И тебе не стоит себя изводить.

Хэдли попыталась пояснить.

– Мне не жаль содеянного, просто мой разум спутал тот страх с чувством вины, которое я испытала позднее. Я сознаю, в чем причина. Но понимать и изменить – большая разница.

– Попросить помощи – не значит проявить слабость.

– Скорее, дело в том, чтобы верить не только в кого-то, но и в себя.

– Скорее, если исправить одно, то и другое тоже придет в норму, – предположил Лоу с нежной улыбкой.

– Может быть.

Они надолго замолчали. Хэдли отрезала кусок бинта подлиннее и замотала руку Лоу, чтобы повязка держалась.

– А их видишь только ты? – спросил ее пациент.

– Прости?

– Я имею в виду Мори.

– Иногда встречаю того, кто может их видеть. Одна из моих служанок заметила и тут же уволилась. Испугалась до жути. Мой отец видел их до того, как ослеп. Ой, и Оливер Гинн заметил что-то на вечеринке.

Лоу проворчал:

– Денежный мешок?

– Он утверждает, что они зловредные духи, созданные Сетом.

– Египетским богом?

Хэдли кивнула.

– По легенде Сет собрал тени душ, чтобы устроить хаос в Загробном мире.

– А, шеуты.

– Ты знаешь этот миф?

– Ты же понимаешь, что у меня не только красивое лицо, – напомнил Лоу, и Хэдли невольно уставилась на его мускулистую грудь. Она отвернулась, чтобы закрепить повязку, а хитрец продолжил: – Рабочие Нубии на раскопках рассказывали истории о призраках, обращавшихся в черных псов, из-за которых путники пропадали в пустыне. Некоторые поговаривали, что псы-призраки сотканы из теней. Таких называли шеутами.

– Значит, Оливер не солгал?

– Оливер, – повторил Лоу, будто какое-то ругательство. – Ты говорила с ним об этом? Хэдли, что он для тебя значит?

Закончив с перевязкой, она встала.

– А можно спросить, что для тебя значит Руби?

– Я тебе уже говорил.

Она раздраженно бросила пластырь.

– Ты же сказал, что собираешься повести ее на танцы, а потом представил меня мистеру Троттеру под ее именем. Ты же периодически мне врешь. Как мне отличить правду от вымысла?

Лоу сжал ее руку. Хэдли дернулась и попыталась вырваться, но его хватка была стальной.

– Отпусти, мне больно. – На самом деле, все было не так уж плохо, но от паники мысли путались.

– Черт побери! Перестань сопротивляться и выслушай меня!

Хэдли изумилась, услышав раздражение в его голосе, и застыла, тяжело и прерывисто дыша.

– Ты права, – сказал он, чуть ослабляя хватку. – Я лгун, и мы оба это знаем. Но даже если бы это было не так, я никогда не стану подходящей тебе партией. Моя семья – иммигранты, я вырос в бедности и не принадлежу к твоему обществу, никогда не стану его частью, независимо от того, сколько денег и власти у Магнуссонов.

– Деньги и власть не всегда означают, что человек достоин доверия.

– И я не всегда вру. Давай заключим сделку, – продолжил Лоу уже спокойнее: – Помнишь, как мы стояли во дворе у зеркального пруда? Я сказал тебе правду о потере мизинца. Только тебе и никому другому. Я переживал, что женщин оттолкнет мое увечье, а ты ответила, что подходящая женщина не обратит внимания. Помнишь?

– Да.

Он обнял ее крепче.

– Понимаешь ли, у меня странное чувство, что ты можешь стать той самой подходящей женщиной. Той, кто не отшатнется от моего прикосновения.

От сильных эмоций у Хэдли перехватило горло.

– Видишь эту руку? – Он нежно сжал ее пальцы, привлекая внимания к шрамам на том месте, где когда-то был мизинец. – Я рассказал тогда правду о том, как лишился пальца, и с этих пор, всякий раз держа тебя за руку, можешь мне поверить, я тебе не вру. Веришь?

Хэдли с колотящимся сердцем подняла на него взгляд.

– Я постараюсь, мне хочется тебе верить.

– Я прошу лишь об этом. – Лоу прижал ее кисть к губам, поцеловал костяшки, отчего по руке побежали мурашки. Его голубые глаза прищурились с обезоруживающей

проницательностью. – Теперь позволь мне доказать: я держу тебе за руку, так какую мне правду тебе поведать? Хочешь, поклянусь, что не расскажу никому о твоих тайнах? Я не проболтаюсь ни единой живой душой. Но ты уже это и так знаешь, иначе бы не призналась.

– Теперь ты меня не боишься?

– Боюсь ли я того, что ты способна вызвать? Разумеется, черт побери! Любой бы опасался неизвестного. Но тебя не боюсь, и в этом вся разница. Хэдли, что еще тебя тревожит? – Он притянул ее ближе, пока их ноги не прижались друг к другу. – Ты вспомнила о Руби. Что ты хочешь о ней узнать? Мне особо нечего поведать. Я не собираюсь возобновлять с ней отношения, поэтому не отвечал на ее звонки. Но в целом у меня и такой возможности-то не было. В последнее время я все дни провожу с тобой, а ночами предаюсь воспоминаниям о них.

– Лоу... – Хэдли попыталась сказать что-то еще, но у нее ничего не вышло.

Через секунду он отпустил ее руку, обнял за талию и посадил боком себе на колени. Его грудь казалась теплой кирпичной стеной у ее плеча. Столько обнаженной кожи. Хэдли немного встревожилась, когда Лоу провел рукой по ее спине и положил ладонь на бедро, а другой повернул ее за подбородок к своему лицу.

Он проговорил тихо и решительно:

– Я понимаю, почему тебе неприятно, когда тебя касаются другие люди, но со мной все иначе. В машине я солгал, будто мне все равно, что я тебя не интересую. Мне совсем не все равно. – Лоу медленно отпустил ее подбородок. – Ты ведь соврала, когда утверждала, что больше не желаешь меня целовать?

Хэдли опустила взгляд на его грудь и прошептала:

– Да, соврала.

Пока Хэдли прислушивалась к дыханию Лоу, приглушенный шум засыпающего за окнами города казался таким далеким. Она почувствовала движение у бедра. Но с натянутыми нервами, прошло несколько мгновений, чтобы понять, что происходит. У Лоу было много времени, чтобы по-джентльменски отступить или поменять позу, но соблазнитель явно не собирался этого делать.

Боже милостивый.

Ее лицо покраснело от смущения, быстро сменившегося чем-то другим, как только соски напряглись, превратившись в твердые вершинки. Руки, лежавшие на коленях, Хэдли сжала так, что ногти впелись в ладони, и свела ноги вместе, молясь, чтобы Лоу ее не касался.

И в то же время молясь, чтобы прикоснулся.

Он медленно погладил изгиб ее плеча и заговорил низким хриплым голосом:

– Ты сотворила для себя небольшой остров и не хочешь сближаться с людьми, правда? Но так вечно жить не получится. Похоже, придется выслать за тобой спасательную шлюпку и вернуть на материк.

– Лоу.

Он зарылся лицом в ее волосы и вдохнул.

– Вот, что произойдет: ты меня поцелуешь, а я к тебе прикоснусь.

– Я...

– Ну-у-у, мисс Бэкол, сейчас команду я, – предупредил Лоу. – Вот, возьми меня снова за руку, чтобы убедиться, что я не лгу... – Он разжал ее кулак. – Я буду действовать только рукой, и мы не встанем с этого кресла. Обещаю не дотрагиваться до кожи, а только поверх одежды. Вот и все. Ничего больше. Согласна?

– Через одежду?

– Да.

– Где? – прошептала Хэдли и тут же пожалела об этом вопросе.

Лоу зашептал в ответ, касаясь губами ее уха:

– Где угодно. Согласна?

Ее сердце заколотилось.

– Да.

– Хорошо. – Он коснулся ее губ своими. – А теперь поцелуй меня так, как тогда на пристани.

Хэдли колебалась лишь мгновение.

Стоило их губам слиться, как в ней взорвался электрический разряд. Легкая попытка вскоре переросла во что-то более глубокое. Не такое грубое и удушающее, как их последний поцелуй. Теперешнее прикосновение имело вкус скотча, зажигая огонь, горячее любого спиртного. Расслабляясь в его объятиях, она почувствовала себя легкомысленной и глупой.

Лоу выпустил руку Хэдли, и она оторвалась от его рта.

– Ну-ну, если перестанешь меня целовать, я не стану выполнять обещание, – пожурил ее хитрец.

Какой абсурд. Хэдли не собиралась участвовать в этих играх...

Он взял ее руку без перчатки и скользнул в рукав.

– Ты меня поцелуешь или мне можно коснуться твоей обнаженной кожи вот так?

– Нет, нет, нет, нет!

Она в тревоге прижалась влажными губами к его, чтобы остановить поползновения.

– Умница, – прошептал Лоу до того, как погладить ее язык своим. Он отпустил ее руку и положил ладонь на талию, но надолго не задержался. Хэдли ощутила тепло его пальцев на своем бедре, а потом выше на боку.

Она снова вспомнила критические замечания Джорджа и на мгновение заволновалась, что Лоу ощупает ее ребра и решит, что она слишком костлява. Но он не отшатнулся и не прервал поцелуй. Касался так, будто ему нравилось тело Хэдли, а как только обхватил ее грудь, все прежние волнение отступили.

– Ммм, – прошептал Лоу, прижимаясь к женским губам. – Как раз то, что надо. – Он погладил большим пальцем острый сосок, отчего на Хэдли накатило наслаждение. Она ахнула. Лоу застонал и прижался членом к ее бедру. Заговорил весело и чувственно: – Правда, приятно? Давай попробуем по-другому, а ты обними меня за шею. – И как только Хэдли его послушалась, он через платье сжал сосок, перекатывая между пальцами. Ее ноги раздвинулись как Красное море перед Моисеем, и Хэдли чуть не упала с его колен.

– Иди сюда, – прошептал Лоу, повернув ее лицом к себе.

– У тебя же ожог, – запротестовала она.

– Тс-с, медсестра Бэкол. – Пациент перекинул ее ногу через свои колени, помогая оседлать его, будто мотоцикл, и платье задралось до бедер. Только вместо холодной металлической перекладины, между ног оказалась выпуклость его члена. Очень значительная выпуклость. Ученая часть Хэдли хотела провести рукой по его плоти и пощупать.

В шоке от такой мысли она отвела взгляд и, чтобы сдержаться, обняла Лоу за шею. Боже милостивый, какое у него горячее тело.

– Лоу...

– Я не нарушу обещание: не стану прикасаться к твоей коже, но должен почувствовать тебя. – Он принялся самозабвенно мять ее ягодицы. – Сексуальная. Такой привлекательной попы я в жизни не видел. Черт, ты просто потрясающая.

Хэдли тоже чувствовала себя потрясающе, все ее мышцы превратились в желе.

– А что у тебя там? Опять павлиньи перья? – Он вытянул шею, заглянул поверх ее плеча и задрал платье, не давая запротестовать. – Пурпурное белье. Неужели виноградные лозы?

Смущенная модница попыталась поправить платье.

– Не смейся.

– Поверь мне, я серьезно. Я с первой встречи фантазировал о твоём роскошном белье.

Лоу провел руками по ее спине, одновременно покусывая шею прямо под ушком. Хэдли изумленно простонала, и это отвлекло ее настолько, что она не обратила внимания на его блуждающую руку, которая уже шарилась под платьем, поглаживая чулок.

– О, боже, – прошептала она.

– Я не коснусь кожи, – заверил он, почти восторженно и победно, когда обнаружил прорезиненный зажим подвязки, прикрепленной к краю чулка. Он медленно провел пальцами по узкой подвязке, тихо посмеиваясь, стоило Хэдли застонать от волнения. Затем он нашел, что искал: обхватил и провел пальцами по шелковому белью между ног.

Хэдли приподнялась с его колен и вскрикнула, выгибая спину и сотрясаясь от удовольствия. Лоу крепко обнимал ее за талию, удерживая на месте.

– Ты мокрая насквозь. Вот это да, – прошептал он, медленно поглаживая мокрую ткань на ее клиторе. – Вот так тебе нравится?

Хэдли опустила голову ему на плечо.

– Да.

– Ммм, я его чувствую через шелк. Мне кажется, что ты так же возбуждена, как и я.

Боже милостивый! Никто никогда не говорил с ней так откровенно. В ответ она прерывисто вздохнула.

– Хочешь узнать секрет? – прошептал соблазнитель, теперь поглаживая справа налево. – Я ласкаю себя каждую ночь, думая о тебе.

От его слов по ней прошел электрический разряд наслаждения до самого лона. Хэдли прижалась к его лбу.

– Боже... Лоу.

– Ты чудесная, просто потрясающая. – Он скользнул кончиками пальцев обратно, и хоть ее белье мешало его ласкам, постарался погрузиться во влагу, которая выделилась из лона. Мило, но не так как раньше.

– Пожалуйста, не останавливайся.

– Да, мэм, мне очень жаль, – выпалил Лоу, вовсе не сожалея, и снова стал тереть чувствительный бутон. – Я не сдержался. Так лучше?

Он в этом не сомневался. Хэдли наклонила голову, прижавшись щекой к щеке, и застонала.

Ее ласкали так давно, очень давно.

Это было изумительно и ново, прежние прикосновения не шли ни в какое сравнение. Все прошлое, словно сон, а это событие – новая реальность, ставшая стандартом, по которому она будет оценивать другие ласки.

– Расскажи о своих ощущениях, – потребовал Лоу.

Она лишь выдавила «как хорошо», но издала горловой стон удовольствия, будто точно знала, что именно ему хочется услышать. И она повторяла это как мантру, тяжело дыша, пока...

Что за шум?

Дверь. Дверь!

– Нет, нет, нет! – Хэдли соскочила с колен Лоу, натянула платье и встала перед креслом, будто могла закрыть почти двухметрового скандинава без рубашки и с возбужденным членом.

В квартиру, позвякивая ключами, вошла пожилая седая женщина, подняла голову и застыла, округлив глаза как блюдца.

Хэдли выпрямилась и улыбнулась.

– Добрый вечер, миссис Вентворт.

Глава 21

Лоу притворился, что уходит, припарковался через дорогу и просидел на водительском месте полночи, наблюдая за жилищем Хэдли, чтобы убедиться в отсутствии преследователей: ни пылающих львиц-богинь, ни подозрительных машин. Свет в окнах квартиры Хэдли погас. Возможно, она сейчас в постели. Представив себе, как Хэдли стонала у него на коленях, Лоу расстегнул молнию и принялся поглаживать свою плоть в темной машине, пока не кончил себе на руку, надеясь, что предмет его мечтаний занимается тем же на девять этажей выше. Когда рано утром молочники принялись объезжать окрестности, он наконец отправился домой спать.

На следующий день Лоу поехал в Филлмор и спрятал Лулу в новом месте. А потом прогулялся обходным путем, чтобы убедиться, что за ним не следят. По пути он унюхал какой-то ужасно знакомый запах и остановился рядом с торговкой цветами. На тротуаре стояли деревянные ведра тепличных тюльпанов и маргариток, но за ними пристроились напоминающие звезды сибирские лилии. Пожилая женщина отряхнула руки. Судя по флагу на окне, продавщица родом из Норвегии.

– Хотите купить букетик для возлюбленной?

– Не букетик, у меня есть другая идея.

– Мы сделаем все, что захотите, – пообещала цветочница, приглашая покупателя в магазин.

Четверть часа спустя Лоу прошел по боковой улице к дому Адама. Стелла оторвала взгляд от кукольной компании, заметила знакомое лицо у черного хода и побежала навстречу.

– Здравствуйте, мисс Голдберг, – поздоровался Лоу, обнимая малышку, когда появился ее отец.

– Нашел еще часть амулета? – с улыбкой уточнил Адам. – Дай посмотреть.

Оставив Стеллу играть с куклами, Лоу отдал другу вторую перекладину и принялся разглядывать подделку основания. Точная копия. Даже Хэдли могла бы обмануться. Эта мысль вызвала легкое чувство вины. Говоря по правде, не такое уж и легкое.

– Что с тобой? – спросил Адам, спрятав ценные находки в сейф.

– Просто не выспался.

– Уверен? Потому что ты улыбаешься и хмуришься одновременно, будто заболел или под кайфом. Может, и то и другое.

Лоу ссутулился на стуле.

– Как ты узнал, что Мириам – твоя единственная?

Адам смерил приятеля долгим взглядом.

– О, нет.

– Слушай, я не утверждаю, что меня обуревают чувства к кому-либо.

– К Хэдли, – поправил его Адам.

Лоу простонал:

– Просто, кажется то, что я поначалу принял за обычное вожделение, может оказаться чем-то большим. Я точно не знаю.

– Кажется? Слушай, у тебя либо есть чувства, либо нет.

Лоу провел рукой по лицу и утер лоб ладонью.

– Я только что заплатил цветочнице сотню долларов.

– С ума сошел? Это...

– Глупость.

– Точно, глупость.

Лоу понурился.

– В самом деле.

Он часто совершал глупые ошибки. Возможно, в случившемся нет ничего необычного.

Хэдли редко совершала глупые ошибки, поэтому предположила, что ее неспособность набирать простые телефонные номера так, чтобы не попасть на случайного абонента, косвенно связана со случившимся на коленях Лоу. И новообетенная глупость испортила ей рабочий день. Другие кураторы косились на Хэдли, будто у нее лицо испачкано. Джордж спросил, чему она улыбается. А отец, не видя ее, предположил, что дочь заболела, и предложил ей вернуться домой и отдохнуть.

Отдых – последнее, что требовалось Хэдли. Она была натянута сильнее пружины в дешевых часах и трещала по швам от беспокойной эйфории.

Но с течением времени весь этот восторг перешел в тревожное предвкушение, которое напустило тусклого тумана в голову. Как только пробило пять часов, Хэдли собралась уходить, но застряла у стола секретарши, пока мисс Тилли медленно повторяла сказанное уже дважды, глядя на Хэдли, будто на безумную. Возможно, так оно и было.

Она уставилась на руку красавицы секретарши с недоверием, а внутри лопааясь от радости.

– Это мне? – тупо уточнила она, наконец осознав, что ей пытались втолковать.

– Понимаю. Я тоже удивилась, – сказала мисс Тилли и запнулась, заметив раздражение Хэдли. – О, нет... я не имела в виду, что никто вам никогда не пришлет цветов, но ведь раньше такого не было.

– Да, я в курсе, но спасибо за напоминание. Кто принес цветок?

– Посыльный. Красивый парень, – заметила мисс Тилли, отбрасывая великолепные рыжеватые волосы. – Сказал, что будет меня часто навещать, потому что джентльмен оплатил ежедневную доставку.

– Ежедневную?

– Всех видов лилий, который только найдут. Каждый день разного сорта. – Мисс Тилли протянула Хэдли восточную лилию, снежно-белую и пахнущую сладко и пикантно. Длинный стебелек с яркой пурпурной лентой, повязанной бантиком. – Правда, романтично?

У Хэдли не было романтического опыта, однако сердце билось так быстро, что она

опасалась, что может не сдержаться и сделать нечто постыдное, например, неприлично рассмеяться или закружиться на месте. И ей пришлось постараться, чтобы выдать безучастное:

– Ммм.

– Подарок мистера Гинна? – спросила шепотом мисс Тилли, чьи вытаращенные глаза сияли любопытством.

– Возможно, – солгала Хэдли. Она точно знала имя отправителя, и почему к цветку не прилагалась карточка. Все же не стоило сообщать отцу, что они с Лоу вместе работают.

Попрощавшись с секретаршей, Хэдли вышла на парковку. Надо ли позвонить Лоу? Они ни о чем не договаривались с тех пор, как прошлой ночью миссис Вентворт прервала их эротическое свидание. И хотя Хэдли ожидала, что служанка уволится, но больше беспокоилась о том, чего ждать от Лоу. Он наговорил много о том, что между ними происходит, но в мыслях возвращалась к его небрежному «Я просто позвоню Руби», сказанному во время поездки в Лондейл. И хотя Лоу явно дал понять, что ему не интересна ни Руби, ни другая девушка, Хэдли мучили сомнения.

Тайный страх обещал разочарование, если она поверит всему, что Лоу наболтал в ее квартире.

У нормальных женщин, вероятно, не было подобных навязчивых опасений. И если Хэдли хотела такой стать, лучше встряхнуться и понять, что ей надо от Лоу. Она понюхала лилию и представила себе его мускулистые руки и грудь.

«Я ласкаю себя каждую ночь, думая о тебе».

Она виновато осмотрелась, будто окружающие могли услышать ее мысли.

Вся бурлящая радость, волнуемое предвкушение и тяжелый туман перемешались в сознании, будто в игре в музыкальные стулья. Если не поостережешься, можно споткнуться, поэтому она выбросила слова Лоу из головы и сосредоточилась, чтобы дойти до такси, которое забирало ее с работы ежедневно в пять часов. На тротуаре перед ожидающей желтой машиной стоял Оливер Гинн.

– Красивый цветок, – заметил он, сунув руки в карманы.

– Здравствуйте, Оливер.

– Кто вам его подарил? Магнуссон? На вечеринке Флада он вел себя как собственник. Я считал, что вам больше нравятся мозги, а не мышцы.

Хэдли проигнорировала оскорбление.

– Вам ничто не мешало самому подарить мне цветы, а вы присылаете мне странные книги.

На лице Гинна промелькнула обида.

– Я думал, вам нравятся книги.

– Нравятся, – подтвердила Хэдли, желая избавиться от чувства вины, которое он в ней вызвал. – Где вы ее нашли? Автор не указан.

– Это брошюра из семейной библиотеки. Тот абзац попал в яблочко?

– Как вам удалось что-то рассмотреть на вечеринке в особняке Флада и связать с тем самым мифом?

Оливер тяжело вздохнул.

– Если хотите знать правду, я видел их прежде.

Мышцы шеи Хэдли напряглись.

– Где?

– У знакомой и любимой женщины, – ответил Оливер, снимая шляпу. – Я не понимал, что происходило тогда, но с тех пор многое выяснил. Обещаю, что помогу вам. Дайте мне шанс, я мог бы вас научить и многое показать.

Оливер казался таким искренним, и если бы дело не касалось Мори, она могла бы ему довериться на основе презумпции невиновности.

– Я никогда не встречала другого человека, которого бы преследовало нечто подобное. А вы умудрились познакомиться с нами двумя?

– По приезде в Сан-Франциско до меня дошли слухи от других кураторов о странностях в музее де Янга. Все эти разговоры привели меня к вам.

Хэдли рассердилась и помрачнела.

– Вы ухаживали за мной под ложным предлогом?

– Нет! Меня, конечно, терзало любопытно, но все изменилось, стоило вас увидеть. Вся моя вселенная стала больше. Посмотрите на себя – вы замечательная и сильная. Ученая дама, не боящаяся оставить свой след в мужском мире. Прямо, как ваша мать.

– Моя мать?

– Я знаю, вы утверждаете, что не помните, но вам же доводилось читать о ее достижениях. Фотография ваших родителей перед храмом в Карнаке напечатана дюжину раз, а вы так похожи на мать, просто сверхъестественно.

Да, отец часто говорил то же самое, когда на него находило сентиментальное настроение. Но когда Хэдли смотрела на фотографию, видела лишь женщину, что платила ее няне.

– Повсеместно поговаривали, будто ваш отец зависел от ее гениальности, а у вас та же искра. А то и намного больше, – настаивал Оливер, почти касаясь лица Хэдли.

Она резко отпрянула.

– Жаль вас разочаровывать, но я не дочь своей матери и не какая-то там диковинка для изучения.

Оливер нахмурил черные брови.

– Конечно, нет. Приношу свои извинения, что не рассказал раньше, что знаю о вашем даре. Просто хотел убедиться, что слухи не врут, и желал добиться вашего доверия. Я не считаю вас диковинкой и не просто прицепился. Я в самом деле верю, что сама судьба свела нас вместе, – настаивал Оливер, внезапно погладив ее подбородок кончиками пальцев в перчатке. – Вы не прокляты, Хэдли, а благословенны. Впустите меня в свою жизнь, и я это докажу.

Он обхватил рукой ее шею и наклонился прежде, чем Хэдли успела отстраниться. Холодные губы решительно и упорно прижались к ее губам. Она почуяла сильный запах табака и лавровишневой воды, а от острой тревоги мышцы обратились в камень.

Все в Хэдли кричало «Нет!». И этого было достаточно, чтобы рассеять ее панику. Она толкнула нахала в грудь и отшатнулась, утирая рот рукавом пальто. Боже милостивый. Если у нее оставались еще сомнения в отсутствии искры между ними, теперь они точно пропали.

Оливер ей совершенно не подходит.

С отвисшей челюстью он моргнул, будто в замешательстве. Его грудь поднималась и опадала от затрудненного дыхания. Затем лицо любителя духов расплылось в маниакальной улыбке.

– О, Хэдли, моя дорогая...

– Я опаздываю на встречу.

Она бросилась к ожидающему такси.

– Если вы дадите мне шанс, я подарю вам весь мир, – крикнул Оливер ей вслед. – Вместо того, чтобы подавлять свой дар, вы станете той, кем вам суждено по рождению.

Хэдли не стала спрашивать, что он имел в виду.

Лоу последовал за дворецким доктора Бэкола в продуваемый насквозь особняк на Рашн-хилл. Старик сидел в инвалидном кресле на закрытой террасе, выходящей в большой двор, а вдалеке виднелся скрытый в полумраке залив Сан-Франциско. Без сомнения, прекрасное зрелище, которое недоступно слепцу. И все же отец Хэдли развернулся к большому окну, будто мог представить все это. На его коленях лежал плед, а в руках была чашка с горячим чаем.

Слуга объявил о приходе Лоу.

– Как дела, мой мальчик? – спросил Бэкол, обрадовавшись его обществу.

– Простите, что беспокою вас дома после рабочего дня, но я надеялся, у вас найдется минутка ответить на вопросы.

– Садись. Я с удовольствием помогу, чем смогу. А заодно расскажи мне о поисках. Есть хорошие новости?

Лоу подтянул плетеное кресло ближе к Бэколу и посмотрел на дверь, убеждаясь, что слуги не крутятся поблизости.

– Я нашел вторую перекладину.

– В самом деле? – улыбнулся Бэкол. – Чудесно!

– Да, но переживаю, смогу ли найти третью. – Лоу положил шляпу на колени. – Меня чуть не убили. За мной следят необычным способом. Некто использует особую магию, пытаюсь украсть перекладыны.

Старик застыл.

– Что ты имеешь в виду?

– Кто-то, кто обладает силой, сотворить мифическую египетскую химеру.

Поверхность чая в чашке доктора Бэкола задрожала, но он не ответил.

– Моя невестка вызвала дух вашей жены, предупредившей, что амулет не должен достаться Ноелю. Попробую угадать с первой попытки и предположу, что это ваш прежний партнер по раскопкам.

Бэкол кивнул.

– Ноель Ирвинг.

– Может, пора рассказать, зачем вам так нужен амулет, и каким образом он связан с тем человеком.

– Ты мне не поверишь.

– Не поверю? Меня чуть не спалила заживо египетская огненная богиня. А до этого грифон пытался выклевать глаза. Выкладывайте, с кем я имею дело, чтобы понять, какой магии противостою.

Одной рукой найдя на ощупь приставной столик, дрожащими пальцами Бэкол поставил чашку с чаем.

– Скажите мне, мистер Магнуссон, вы верите, что женщина может быть влюблена в двух мужчин одновременно?

Лоу стиснул зубы.

– Нет, не верю.

Бэкол вздохнул и откинулся в инвалидном кресле.

– Я тоже когда-то не верил. Лучше расскажу с самого начала: в конце XIX века, когда мы с Ноелем еще дружили, он очень интересовался оккультизмом и с переменным успехом занимался магией. Ничего выдающегося – умел накладывать чары, чтобы усилить наше везение и найти сокровище, или сотворить свет в темном туннеле. Хотя, с высоты прожитых лет, я часто думаю, не использовал ли он любовный приворот, чтобы заставить мою жену с ним спать. Или во мне говорит гордость.

Лоу поерзал на сиденье, чувствуя себя крайне неловко.

– Мне жаль.

– Мне тоже. Но они были любовниками несколько лет. Я подозревал, но не знал наверняка до 1898 года. Я оставил Ноеля приглядывать за Верой в Каире, сам уехал на месяц. По возвращении обнаружил, что они оба сильно заболели, подхватив местную заразную хворь, которую можно вылечить лишь западными лекарствами. Однако и Вера и Ноель не могли от слабости встать с постели, не говоря уже об отъезде. Местный доктор сказал, что им осталось жить считанные дни, если не часы. Ноель умолял меня привести ведьму, которую он встретил во время нашего последнего путешествия.

– И вы привели? – тихо спросил Лоу.

– У меня не осталось выбора. Вера была беременна Хэдли. Если бы моя жена умерла, я бы потерял обеих.

– Господи!

Бэкол поерзал в инвалидном кресле.

– Я нашел ведьму. Она уверяла, что может спасти больных от смерти, но их ждут последствия. Нельзя нарушить естественный порядок вещей, не заплатив определенную цену.

– Всегда есть подвох, – прошептал Лоу.

– В самом деле. И этот подвох состоял в том, что жизнь продлевалась на восемь лет. Потом те, на кого наложены чары, умерли бы. Таким было проклятье. Что я мог сделать? Наблюдать, как они умирают у меня на глазах? Потерять нерожденную дочь? Я сходил с ума от горя, их предательства, утраты наивности и доверия к тем двум людям, которых любил больше всех на свете.

Бэкол покачал головой, погрузившись в воспоминания, а потом глубоко вздохнул и продолжил:

– Ведьма вырвала их обоих из когтей смерти, заодно спасла и Хэдли. На какое-то время я ликовал. И только много позже узнал истинную природу той магии и что пошло не так. Потому что заклинание использовалось для того, чтобы подарить человеку бессмертие.

– Бессмертие?

– Неуязвимость. На восемь лет. И я видел это своими глазами. Смерть не касалась Ноеля. Он не умер ни от ножевой раны, ни от пули. Он не болел, и на него не действовали яды. В 1901 году я сбросил его с отвесной скалы. Он пролетел около сотни метров, отряхнулся и ушел.

Боже милостивый.

– Ужасно неловко для меня, потому что, чем больше я узнавал о давности его связи с моей супругой, и насколько Вера его любила, тем больше сожалел, что спас Ноеля. В последующие годы меня снедала лишь мысль похоронить ублюдка. Я сделал все для достижения цели, не занимаясь больше ничем.

– А у вашей жены была такая же особенность? Это бессмертие?

– Нет. – Старик нашел чашку и сделал глоток. – Моя жена казалась совершенно нормальной. И Хэдли родилась здоровой. Все было в порядке. Я начал надеяться, что ей повезло, и раз Ноель получил благословенное проклятие, то он и заплатит цену через восемь лет, а Вера проживет жизнь как обычный человек.

Доктор Бэкол покачал головой и продолжил:

– В молодости кажется, что восемь лет – целая вечность. Вне зависимости от чар Вера не собиралась бросать Ноеля. Она настаивала, что любит нас одинаково, но оставит нас с Хэдли, если я заставлю ее прекратить интрижку. Я не мог рисковать. Если уж она не хотела с ним расстаться, я решил, что просто уберу его от нее. Поэтому через два года после проклятия, начал искать способ убить человека, который не способен умереть.

– Амулет, – прошептал Лоу.

Бэкол кивнул.

– Если бы мне удалось его собрать, я бы открыл дверь, и Ноеля забрали бы в загробный мир. Возможно, этого бы хватило, чтобы заплатить паромщику. А Вера смогла бы воспользоваться оставшимися годами Ноеля, если бы тот сгинул до срока.

– Значит, вы искали амулет, нашли перекладины, но не основание.

– Точно. Я послал части амулета домой, надеясь спрятать от Веры. Но она была умна и не могла вынести потери Ноеля, поэтому спрятала их, когда поняла, что я задумал. Она не позволила мне его убить.

Лоу вспомнил, как Вера во время сеанса предупредила дочь не отдавать амулет никому из партнеров.

– Но после того, как она спрятала перекладины, произошло землетрясение.

– Ровно восемь лет спустя после того, как ведьма наложила на них проклятье. Я вернулся домой из Англии за час до начала этого природного катаклизма. – Он сморгнул слезы, покачал головой и собрался с силами. – Как видите, этот дом пережил и землетрясение, и Великий пожар. А вот Вере не повезло.

Он склонился к Лоу, будто мог рассмотреть собеседника.

– Видишь ли, чары должны были использоваться для одного человека, а не двух. И из-за того, что их наложили одновременно на Веру и Ноеля, магия разделилась. Мой партнер получил полезную часть заклинания – бессмертие. А душу моей жены утащили в преисподнюю темные жнецы.

Мори, которые следовали за Хэдли.

– И как будто этого было недостаточно, эти жнецы не только забрали жизнь моей супруги, они как-то перешли по наследству к моей дочери. Полагаю потому, что когда на нее наложили то заклинание, Вера была беременна Хэдли. После того, как моя жена умерла, духи начали являться моей девочке.

Боже. Так вот, что за «проклятье мумии», о котором отец рассказывал Хэдли все эти годы.

Бэкол разозлился.

– Ты не можешь себе представить, насколько я был изумлен, когда они снова появились после того, как забрали жизнь Веры. Я думал, они пришли и за Хэдли, но нет. Они просто прицепились к ней, возникая на недолгое время, а потом опять убираясь прочь. Будто призраки, хоть они никогда не пугали мою дочь даже в детстве.

– А она видела, как они забрали ее мать?

– Нет, и я никогда ей об этом не говорил. Ты не представляешь, как ужасно

наблюдать, что они следуют за моей дочерью, словно адские гончие. Они – чума. Мерзкие злые твари. Они забрали мою жену, и восемь лет после смерти Веры я опасался, что они схватят и Хэдли. Я готовился к худшему, ожидая, что они нападут на нее.

– Но они не напали, – прошептал Лоу.

Старик покачал головой.

– Они просто привязаны к ней без причины. Я считаю, Мори остались здесь из-за Ноеля. Он перехитрил смерть. То заклинание должно было забрать и его жизнь, не только Веры. Но пока он жив, Хэдли несет на себе бремя этих духов.

Лоу чуть не проболтался «пусть им не нужна жизнь Хэдли, но им все равно нужны души», но сдержался. По мнению доктора Бэкола, они с его дочерью едва знакомы. А если он поймет, чем Лоу занимался с Хэдли? Разумеется, может забрать предложенный чек.

– Мы не разговаривали с Ноелем много лет. Однако я знал, что он услышит о найденном основании. Через неделю после того, как эта новость появилась в газетах, я получил анонимную записку, в которой было написано, что я никогда не увижу целый амулет своими глазами. И позже в тот день я ослеп.

– Ваша слепота магического происхождения?

– Вроде того. Подозреваю, что заклинание содержалось в записке. И мне становится все хуже: я старею с нечеловеческой быстротой. Он медленно меня убивает.

Лоу долго вздохнул.

– И нет ничего, что сможет остановить ваше старение?

– Вся моя надежда зиждется на амулете. Если Ноель умрет, я выживу... если он выживет, я умру. Дело уже не только в мести, скорее в самосохранении и тревоге за благополучие Хэдли. Если я умру, не представляю, что он может с ней сделать.

Ничего, пока Лоу жив, черт возьми.

Боже. Теперь он понял, почему Бэкол готов был расстаться с состоянием, чтобы получить амулет. И Ноель Ирвинг готов на все, чтобы остановить прежнего партнера. Лоу придется отдать настоящий амулет Бэколу, а не Монку. Вот и все. Он найдет способ во всем разобраться. У него всегда получалось выйти сухим из воды.

– Где мне найти вашего партнера?

Бэкол покачал головой.

– Он официально исчез с лица земли после смерти Веры. Я могу сказать, где он может прятаться, но если он следит за тобой, придется найти защиту посильнее.

Лоу начал убеждать старика, что обязательно так и поступит, но Бэкол вдруг с трудом задышал. На его лбу выступили капли пота.

– Вы в порядке?

– Шея, кажется... – Слепец стукнул себя кулаком по груди, схватился за рубашку, а потом свалился с инвалидного кресла.

Глава 22

Доктор ушел, и Хэдли посмотрела на большие часы в приемном покое. Почти полночь, в просторном стерильном помещении на холодной скамейке остались сидеть только они вдвоем с Лоу. Не верилось, что он позвонил ей, сообщая о несчастном случае с отцом, лишь несколько часов назад. Казалось, прошли дни. Но теперь, когда у нее наконец появилась минутка передохнуть и расслабить напряженное тело, разум тут же принялся за работу.

– У твоего отца лишь легкий сердечный приступ. Ты же слышала мнение врача: такое

случается повсеместно. Некоторым людям даже не требуется медицинская помощь.

– Да, но жизнь других пациентов не вытягивает владеющий темной магией безумец.

– Скорее всего, дело в естественном течении того самого заклинания старения из записки, а не в новом нападении.

– Меня это мало утешает.

– Твой отец вернется домой через день-два. С ним все будет в порядке.

– Надолго ли?

– Достаточно, чтобы мы либо разыскали его прежнего партнера и отправили того на дно Залива в забитом камнями мешке, либо нашли оставшиеся перекладки. – Лоу опустил голову, чтобы посмотреть ей в глаза. – Послушай, Хэдли, мы не подведем твоего отца.

Она сгорбилась на жесткой скамейке и вздохнула.

– У меня в голове не укладывается то, о чем папа поведал тебе до того, как его хватил удар. Я одновременно сочувствую ему и злюсь, потому что он мне раньше не сказал. И хуже всего, что придется притворяться, будто я ничего не знаю.

– Может, когда все закончится, вы все с ним и выясните.

Хэдли кивнула, думая о другом. Из-за потрясений последних часов она совершенно забыла о случившемся, а теперь ее словно двинули под дых.

– Лоу, ты, наверное, считаешь меня сумасшедшей, но...

– Необязательно. Выкладывай, а я уж решу, так ли ты безумна.

– Ты сказал, что мой отец назвал своего бывшего партнера «бессмертным», и что его никак нельзя убить.

– Да.

– Значит, предположительно, этот человек не стареет?

Он косил голубые глаза в ее сторону.

– Я не спрашивал, но все возможно.

– Сегодня у музея я наткнулась на Оливера. – Хэдли рассказала обо всем, включая поцелуй. Лоу тихо зарычал. – Я его оттолкнула, – поспешила добавить она. – Не ответила взаимностью, но прежде он никогда так не дерзил. Просто ты рассказал мне о связи моей матери с Ноелем Ирвингом, а Оливер заявил... – Она посмотрела на Лоу, не в силах закончить от потрясения.

– Невозможно, – пробормотал Лоу. Он провел руку по волосам и нервно постучал ногой. – Ты же видела фотографии партнера твоего отца?

– Да, но у мужчины на фотографии были борода и усы. К тому же изображения на старинных карточках слишком размытые, или сняты издалека. Их ведь делали на устаревшей технике.

Лоу выдохнул через нос и нахмурился.

– Когда ты познакомилась с Оливером?

– Точно? Не знаю.

– Месяца три назад?

Хэдли затеребила пальто, а потому застыла.

– Да.

– В то же время, как я нашел основание амулета в Египте, а твой отец получил записку от Ноеля Ирвинга и начал стареть.

Хэдли судорожно попыталась найти то, что опровергнет ее безумную догадку.

– Но... если бы Ноель хотел найти амулет...

– Дело не в этом, он просто не желает, чтобы твой отец собрал амулет. Если Ноель считает, что эта реликвия лишит его нечестно добытого бессмертия, то обязательно проследит, чтобы дверь в загробный мир никогда не открылась.

– И проще всего забрать одну из частей, – продолжила Хэдли.

– Твоя мать спрятала перекладки, а газетные заметки о моей находке сделали меня крупной мишенью.

– Да, да, – поторопилась Хэдли. – Но если Ноель Ирвинг – это Оливер Гинн, то зачем, черт побери, он пытался узнать меня поближе? Почему бы ему не подружиться с тобой, чтобы выполнить задуманное?

С губ Лоу сорвались шведские ругательства.

– У Оливера родные в Орегоне?

– Он так сказал.

– А ты знаешь, откуда родом партнер твоего отца?

Хэдли покачала головой, вдруг почувствовав дурноту.

– Я ничего не знаю об Оливере. Он всегда приходил ко мне на работу, никогда не заезжал за мной. Даже не просил мой домашний номер телефона. – Паника вонзила когти в ее живот. – Лоу, я понятия не имею, где он живет. И, боже, если Оливер действительно Ноель, то он разгуливал под носом у моего отца, ухаживая за мной в музее буквально через стенку от кабинета своего врага?

Лоу резко присвистнул и положил руку ей на плечо.

– Давай не бежать впереди паровоза, а разбираться во всем постепенно.

– Давай, – согласилась она, медленно вздыхая, чтобы успокоиться. – Конечно, ты прав. Паника ни к чему не приведет. Ради отца нужно не терять головы.

Лоу сжал ее плечо.

– Я постараюсь что-то выяснить про Оливера и попрошу брата прислать кого-нибудь присматривать за тобой и твоим отцом. Пока не узнаем наверняка, не хочу, чтобы Гинн и близко к вам подходил.

– У меня есть Мори, – возразила она, скорее, чтобы унять свое волнение. Хоть и проклятые духи, но они всегда ее защищают.

– Духи, конечно, хорошо, но я все равно вызову кого-нибудь присматривать за вами. Не стану рисковать. Если этот кретин действительно Ноель Ирвинг, он – опасный маньяк. А если нет, то у него есть какие-то скрытые мотивы. Не говоря уже о том, что он тебя лапал, а это моя привилегия.

Хэдли кивнула и покраснела.

Тысячи мыслей вертелись в ее голове. Ноель. Оливер. Секреты, которые от нее скрывал отец.

– А если бы я вышла замуж и родила ребенка? Перешло бы ему или ей проклятье после моей смерти? Отец вообще собирался мне сказать?

– Не знаю.

– И как он может все еще боготворить эту женщину?

– Какую женщину?

– Мою мать. Она спала с его лучшим другом, пока была беременна мной! Настоящий скандал и чистой воды эгоизм.

– Она заплатила за свои грехи сполна, – напомнил Лоу.

Хэдли искоса посмотрела на него, полуприкрыв глаза.

– Ты просто не хочешь, чтобы я рассердилась и толкнула на тебя каталку.

– Предпочел бы этого избежать, – улыбаясь, ответил он.

Хэдли попыталась улыбнуться в ответ, но потом просто прижалась к его плечу. Лоу обнял ее сильной рукой и стиснул в объятиях, сокращая расстояние между ними. Она не стала сопротивляться. Он был теплым и успокаивающе крепким. Даже его одежда пахла уютно. Хэдли было плевать, если медсестра расскажет отцу, что видела их вдвоем.

Настоящее сумасшествие, неукротимое безумие. Слава богу, Лоу оказался рядом. Иначе Хэдли пришлось бы выбирать гроб для отца. Возвращаться в Лондейл, чтобы организовать похороны. Несмотря на их разногласия, сейчас ей не хотелось терять отца. Не так.

Чувствуя себя странно хрупкой, она взяла Лоу за покалеченную руку. Из его груди вырвался легкий стон, а потом он сжал ее ладонь. Как быстро все изменилось между ними. Когда они познакомились в поезде, Хэдли не желала пожимать ему руку без перчатки, а теперь его прикосновения были бальзамом для измочаленных нервов. На мгновение она отбросила беспокойные мысли и просто устало сказала:

– Я не успела поблагодарить тебя за лилию.

– Тебе понравилось? – уточнил он с мальчишеской улыбкой на губах, будто гордился идеей, но нуждался в дополнительном подтверждении.

– Ужасно романтично, – ответила Хэдли, повторяя слова мисс Тилли.

– Хорошо. – Лоу прищурился, чувствуя легкую радость. – Не за что.

– Я не уверена, что делать мне подарки прилично... после прошлой ночи.

– А мы приличными вещами и не занимались, – поддразнил он, вызывая мурашки. – Только, пожалуйста, не говори, что жалеешь об этом.

– Нет, совершенно не жалею.

Хэдли нежно улыбнулась, испытывая необычную робость.

– Слава богу, сейчас только это и важно, – сказал Лоу, сжимая ее руку.

На следующий день Лоу сделал пару телефонных звонков и выяснил, что дом Ноеля Ирвинга был разрушен землетрясением 1906 года. А еще имя этого человека снова всплыло в 1910 году как владельца небольшого бунгало в Ноэ-Велли. Но отправившись туда, Магнуссон-младший обнаружил семью греческих иммигрантов, почти не говорящих по-английски. Они сумели пояснить, что купили этот дом лет десять назад.

Лоу сменил тактику и начал искать Оливера Гинна, который говорил Хэдли, что не прочь приобрести дом в Пасифик-Хайтс, но не нашел этого загадочного типа ни в данном, ни в другом районе. Не было его и среди клиентов телефонной и электрической компаний, не значился подозрительный поклонник Хэдли в документах по налогам на собственность. Немного пофлиртовав с юной связисткой, Лоу достал список телефонных номеров всех людей по фамилии Гинн в штате Орегон, но опять ничего не нашел.

Затем принялся обзванивать знакомых археологов из Беркли, спрашивая, не знали ли они Гинна и финансируемые им раскопки в Мексике. Пара приятелей смутно припомнила его.

Лоу наконец решил, что они на что-то наткнулись, когда мисс Тилли по просьбе Хэдли нашла среди бумаг визитку, которую Гинн передал, впервые появившись в музее. Однако там не было телефонного номера, а адрес принадлежал булочной на Рашн-хилл.

Семья, управляющая булочной, в самом деле знала мистера Гинна, несколько месяцев снимавшего квартиру над магазином. А две недели назад он собрал вещи и уехал, не оставив

нового адреса.

– А зачем ему оставлять нам свой новый адрес? – спросил владелец булочной, пожимая плечами. – Квартира сдается понедельно. Только в прошлом году у нас проживало около дюжины квартирантов. Мы не задаем вопрос, пока они платят арендную плату.

Эти поиски напоминали охоту за призраками.

Если нельзя отыскать этого подозрительного типа, надо сделать так, чтобы и ему было трудно следить за Лоу с Хэдли. И тут могла помочь лишь владелица клуба «Гри-гри».

Через два дня после сердечного приступа доктора Бэкола Лоу позвонил Велме Туссен и рассказал о своей проблеме. Любой другой бы высмеял его безумную просьбу, а Велма просто сказала:

– Можешь прийти в пятницу, я что-нибудь приготовлю.

И вот он ждал назначенного срока.

Доктора Бэкола выписали из больницы. Он был слаб, но все равно постоянно жаловался, что Хэдли посчитала хорошим знаком. И хоть она на время переехала к отцу, но присматривать за ним наняла двух сиделок на полный день.

Лоу успел переговорить с помощником Уинтера Бо, который прислал двух устрашающего вида мужчин охранять дом Бэкола и высматривать того, кто подошел бы под описание Ноеля Ирвинга или Оливера Гинна. Очень хотелось бы знать, как Ноель может выглядеть сейчас, однако расспросы отца Хэдли ни к чему не привели; Бэкол не видел своего партнера двадцать лет и понятия не имел, остановило ли волшебное бессмертие его старение.

В пятницу вечером, сразу после ужина в кругу семьи, Лоу отправился в «Гри-гри». У закрытой двери в тихий бар Нортбича в нескольких кварталах от Чайнатауна уже собралась длинная очередь посетителей, которые демонстрировали на входе членские карты. Однако потому, что семья Магнуссон обеспечивала клуб выпивкой, Лоу достаточно было улыбнуться швейцару. Его тут же пропустили с распростертыми объятиями и рукопожатиями. Половина работников знала о возвращении из Египта блудного археолога. Его усадили за стол на первом этаже и наказали ждать Велму.

Трио джазовых исполнителей закончили выступление под аплодисменты, а ведущий объявил небольшую фортепианную паузу. Лоу заметил, как парочки ушли с танцпола, направившись к бару за напитками. В толпе он увидел темноволосую женщину и вспомнил Хэдли. Прошло пять дней, как она лечила его в своей квартире. Пять дней с их поцелуя, их объятий, и с тех пор, как он заставил ее стонать от удовольствия.

Целая чертова вечность.

Накануне в музее он видел Хэдли лишь мельком. Слишком мало. Пока ее отец поправлялся дома, она занималась его и своими делами, отвечая на телефонные звонки всех, кто хотел узнать о самочувствии больного. К счастью, Оливер Гинн не появлялся.

Она отдала рисунки каноп и список имен, потому что у Лоу было больше времени расшифровать, где спрятаны последние урны. Для одной из них он сузил список имен до четырех, и как только получит от Велмы магическую защиту, тут же опять примется за поиски перекладин. Если придется, сделает все сам, но втайне Лоу надеялся, что Хэдли снова будет участвовать с ним наравне. И из-за своего эгоизма он также рассчитывал, что вскоре она будет готова к их взаимным ласкам.

В основном, ему не хватало Хэдли. Какая жалость! Боже, неужели он скучал по женщине, которую преследует проклятье? С эскортом темных духов и фобией прикосновений. Почему его жизнь всегда такая необычная и трудная?

Может, стоит выпить.

Мерцающая свеча отбрасывала тени на белую льняную скатерть. Лоу прикидывал, стоит ли его желание выпить стаканчик джина тех усилий, которые потребуются, что протиснуться через толпу у барной стойки. И пока он думал, заметил женщину, остановившуюся в проходе за несколько столиков от него. Ее сопровождал управляющий этим этажом. Они оба рассматривали помещение, словно кого-нибудь искали. Посетительница стояла спиной, поэтому Лоу не видел лица, но этого и не надо. Юбка так обтягивала бедра, что подол по центру чуть приподнимался.

Только одна известная ему попа могла заставить платье противостоять земному притяжению. Лоу вдруг почувствовал себя одной из домохозяек, участвующих в радио-играх, чтобы получить новую электрическую стиральную машину за ответы викторины.

Он даже не догадывался, насколько ему хотелось получить эту «стиральную машину».

Хэдли повернулась, и они встретились взглядами. Ее расслабленная улыбка чуть не заставила Лоу перевернуть несколько столов, чтобы добраться до нее. Хэдли была одета в платье свободного покроя с короткими рукавами, а ведь в последний раз Лоу видел ее локти на вечере в особняке Флада. Серый шарфик из богемского шелка, повязанный на черных как смоль коротких волосах, напомнил Лоу о суровой гадалке, которая всегда пророчила лишь печальное будущее.

Боже, как ему нравился такой фаталистический стиль. На проклятье ему было плевать. Всеми фибрами души он хотел именно Хэдли.

Черт, очень хотел.

Он встал, стоило Хэдли подойти к столу.

– Мистер Магнуссон, дама настаивала... – начал извиняться управляющий.

– Все в порядке, Дэниелс, – ответил Лоу. – Спасибо, что впустили ее.

Служащий с облегчением кивнул и удалился.

– Что ты здесь делаешь? – поспешно спросил Лоу, переживая, не стало ли хуже ее отцу.

Но Хэдли была расслаблена и явно в хорошем настроении. Она прищурилась и указала на проход, ведущий в вестибюль, той рукой, с запястья которого свисала расшитая бисером сумочка:

– Если хочешь, чтобы я ушла...

– О, нет... если уйдешь, я пойду за тобой. – Он потянул за сумочку, придвигая Хэдли к себе, и улыбнулся. – Я собирался поздороваться и усадить тебя. Ты выглядишь потрясающе. Пожалуйста, поведай, как ты оказалась в том же баре, что и я.

– Астрид.

– Что-что?

– Я позвонила тебе домой, а твоя сестра выпалила, что ты только что ушел сюда.

Боже, благослови Астрид и ее болтливость.

Лоу отодвинул Хэдли стул и быстро переставил его поближе к своему. Она улыбнулась и села, прижимая длинную нитку фасеточных черных бусинок к груди, чтобы они не звенели. Хэдли тяжело дышала, будто запыхалась. Почти то же самое ощутил сам Лоу, почувывший цитрусовый аромат ее шампуня.

– Я с самого колледжа не была в тихих барах. Понятия не имела, что этот настолько

большой, даже элегантный. Твои друзья здесь?

– Какие друзья? А, из Беркли? Они встречаются в «Кофе у Дэна». Я решил не идти. Мне надо забрать у владелицы этого бара магические талисманы.

– Правда?

– Здешняя хозяйка практикует худу. – Лоу наклонился, чтобы почувствовать запах ее кожи, а еще ему не улыбалось кричать обо всех своих секретах в забитом посетителями зале, и прошептал: – Она создала защитные чары для сейфа Адама, где он, как тебе известно, хранит важные для нас вещи.

– Как интригующе.

Хэдли сунула перчатки в сумочку.

– По идее я должен поинтересоваться, как здоровье твоего отца и как прошел твой день, но на самом деле хочу тебя поцеловать, поэтому сейчас меня разрывают противоречивые желания. Я так рад, что ты пришла. Кстати, зачем?

– Ну что ж, – ответила ему Хэдли, загибая пальцы: – Отец ворчит, поэтому я прошлой ночью с удовольствием вернулась в свою квартиру. А сюда пришла убедиться, что ты не встречаешься с Руби. И мне тоже очень хочется, чтобы ты меня поцеловал.

Лоу не надо было повторять дважды. Он прижался жадными губами к ее губам, улыбаясь и осыпая быстрыми поцелуями. Затем обнял за шею, пленив и прикинув ко рту подольше. Он как раз собирался углубить поцелуй, когда раздался еще один женский голос:

– Если вам нужен личный кабинет с выходом на балкон, надо было сказать Дэниелсу.

Хэдли отшатнулась. У их столика стояла высокая женщина лет тридцати пяти с кожей цвета светлого мускатного ореха, непонятного происхождения. Блестящие каштановые волосы подстрижены под мальчика, а мягкое синее платье блестело бисером.

Лоу вскочил и поздоровался с хозяйкой бара.

– Скучала?

– Ну, карточным играм наверху явно не доставало тебя, – ответила она с улыбкой на губах, поставила оловянный кисет на стол и обняла Лоу. Затем отодвинула его на расстояние вытянутой руки и осмотрела.

– У тебя волосы посветлели на затылке. И кое-чего не хватает. – Она посмотрела на его поврежденную руку.

– Несчастный случай во время занятий садоводством.

Не веря рассказам археолога, дама закатила глаза к потолку, прежде чем посмотрела на Хэдли.

Лоу опустил руку на спинку стула.

– Велма Туссен, познакомься с Хэдли Бэкол, куратором музея де Янга. Хэдли, это Велма, владелица «Гри-гри».

Женщины вежливо кивнули друг другу.

– Дорогая, какая у тебя интересная энергия, – заметила Велма.

Хэдли округлила глаза и заерзала на месте, пока хозяйка бара покосилась на Лоу, будто требуя объяснений.

Он не имел права рассказывать чужие секреты, поэтому улыбнулся Велме несколько нахальнее, чем намеревался.

– Хэдли знает, зачем я пришел к тебе. Мы вместе работаем, поэтому она будет пользоваться защитными чарами наряду со мной.

– Значит, вот оно как, интересно, – протянула Велма, глядя на новую знакомую, пока

открывала крышку кисета. Оттуда повеяло травами. В тоненькой коробочке лежал стеклянный флакон и несколько мешочков, сделанных из красной фланели, каждый размером с четвертак. Они были перевязаны белой веревочкой. – Пять магических мешочков. Они отвадят врагов и дадут вам защиту от волшебных следилок, но совсем ненадолго. Чтобы активировать мешочек, нужно напитать его, помазав растительным маслом. Хватит и капли. Держите их в кармане и не давайте никому прикасаться.

– Сколько продлится эффект?

– От пятнадцати минут до часа. Сложно сказать. Заклинание будет сильнее всего во время подпитки и постепенно ослабеет. Это средство одноразового использования. После употребления, следует выбросить мешочек на перекрестке. Подойдет любой. Просто швырните в окошко машины, если торопитесь.

– А что внутри? – спросила Хэдли, пригнувшись к содержимому кисета.

Велма закрыла крышку.

– Травы, талисманы, безвредные ингредиенты. Только сообща и под действием молитвы они получают силу. А срабатывают они благодаря вложенному намерению. Напитывая мешочек, хорошенько думайте о враге, от которого вам нужно скрыться. Понятно?

Хэдли кивнула.

– Велма, ты чудо. Сколько я тебе должен?

– Просто попроси невестку зайти ко мне. У меня есть клиент, который хочет переговорить со своей покойной бабушкой. – Велма протянула кисет Лоу, улыбнулась и отошла. – Не пропадай.

Лоу проводил ее взглядом и засунул кисет во внутренний карман костюма.

– Удивительная женщина, – заметила Хэдли.

– Согласен. И теперь с этой защитой можно поискать третью перекладину.

Ответ Хэдли заглушил голос со сцены, где собрались выступить разодетые музыканты. Барабанщик принялся ритмично стучать, и посетители, отдохавшие у барной стойки, вернулись на танцпол, будто муравьи в корзину для пикника. А как только послышались аккорды песни «Прощай, прощай, черный дрозд», вообще стало невозможно разговаривать.

Лоу посмотрел на Хэдли.

– Не хочешь потанцевать? – прокричал он ей на ухо, чтобы она расслышала его.

Хэдли быстро покачала головой и напряглась, но с любопытством и нежной улыбкой на губах посмотрела на танцоров. Она взглянула на Лоу, как бы говоря «может быть».

Он помог ей встать и повел мимо столиков на заполненный танцпол. Не успела Хэдли передумать, как Лоу прижал ее к себе, обнимая, взял за руку и влился в толпу. На лице Хэдли промелькнуло радостное выражение. Она была хорошей танцовщицей, только весьма долго глядела на их ноги, чтобы поймать ритм. Лоу не понял, почему это его удивило. Вскоре он воспользовался ситуацией, вертя ее и смеясь, когда она стала подпевать артисту на сцене.

Какое неожиданное удовольствие наблюдать, как девичьи щечки покраснели от удовольствия. Лоу нравилось видеть Хэдли счастливой, это было заразительно. Они протанцевали еще одну быструю мелодию, а потом, во время баллады Гершвина, он притянул ее к себе. Хэдли прижала ладони к его груди. Лоу склонил голову, чтобы почуять аромат ее волос, а она обдавала дыханием кожу между его ухом и воротником рубашки. У

Лоу голова закружилась от возбуждения и болезненного, слишком жаркого наслаждения.

– Отвези меня домой.

Лоу едва услышал этот шепот и, не веря своим ушам, задышал чаще. Возможно, он придал ее словам большее значение. Наверное, она просто хотела повторить произошедшее в кресле. От чего, по правде говоря, Лоу не стал бы отказываться и за сотню лет, особенно, если их на этот раз не прервет служанка.

Однако если есть шанс, что Хэдли имела в виду нечто большее...

– Я хочу забыть обо всем. Пожалуйста, – попросила она.

– Не уверен, что смогу повторить уже сделанное и выжить. У мужчины есть свои пределы. Давай просто потанцуем.

На мгновение ее плечи напряглись. Потом она расслабилась и снова прошептала ему на ухо, будто торговалась на одном из уличных рынков Каира:

– Без одежды.

– Ты или я?

Она на мгновение заколебалась, но ответила:

– Оба.

Глава 23

Лоу не пришлось уговаривать Хэдли снова сесть на мотоцикл. Ее объятия были приятны, но он бы все отдал, чтобы провести с ней время в потемках на заднем сиденье такси. И когда они вошли в вестибюль дома Хэдли, мучительное ожидание не закончилось – снующие мимо жильцы беспрестанно останавливались поболтать. Лоу с Хэдли поспешно зашли в лифт, где им пришлось пообщаться с местным лифтером. К тому времени, как они оказались на месте назначения, Лоу перенял привычку спутницы считать себе под нос для успокоения нервов.

Лоу поспешно захлопнул дверь квартиры.

– Пожалуйста, скажи, что в соседней комнате нет служанки, которая собирается переночевать, – взмолился он, снимая, как и Хэдли, верхнюю одежду.

Она нервно улыбнулась.

– Служанки нет.

– Она придет позже?

Хэдли покачала головой, проходя дальше в полутемную комнату.

Слава Богу.

– Куда ты?

– Здесь теплее.

Лоу остановился на полушаге и чуть не прикрыл глаза в предвкушении. Он последовал через коридор за покачивающей бедрами соблазнительницей в комнату теплее, как по температуре, так и по расцветке. Окна и полы были выкрашены в темно-розовый. В углу на куче скомканной одежды лежал черный кот, лениво помахивая хвостом и приветственно зевая при виде своей хозяйки.

– Прости, у меня нет горничной, – пробурчала Хэдли, включив витражную лампу.

Ну-ну, беспорядок пришелся Лоу по нраву. Он посмотрел на незастеленную кровать и большую вазу с лилиями разного размера на комод. Его подарки, перевязанные ленточками.

И едва сдержал глупую улыбку.

Хэдли сняла шарф и бросила на кровать. Несколько мгновений они с Лоу смотрели друг на друга. Пропала радостная уверенная дама, которую он обнимал на танцполе тихого

бара. Теперь Хэдли прижала руку к животу, словно пытаюсь успокоить свои нервы.

Она сильно разволновалась.

Да уж, не такую реакцию ждет мужчина, заходя в женскую спальню. Но а чего еще он ожидал: что несколько минут, проведенных у него на коленях неделю назад, сотрут годы отвращения? Самое грустное, что по глупости Лоу именно на это и надеялся. Инстинктивно ему хотелось раздеть беззащитную, хрупкую Хэдли, бросить на кровать и войти в нее.

Но остаток здравого смысла подсказывал, что такое поведение тут неуместно.

Хэдли – колючий кактус. Лоу мог медленно и нежно проскользнуть между защитных шипов или хитростью уговорить ее сбросить колючки.

Он поманил Хэдли пальцем.

– Иди-ка сюда.

Она заколебалась, но все-таки приблизилась и остановилась всего в шаге.

– Давай сделаем вот что: я разденусь, – Лоу повесил пиджак на металлический поручень в изножье кровати и скользнул взглядом по ее груди. – А ты пока побудешь одетой... Но только если поможешь мне.

Хэдли хмыкнула, разглядывая Лоу, будто его наряд – неразрешимая головоломка.

Он расстегнул запонку и сунул в карман штанов.

– Ты будешь прикасаться ко мне, а я держать свои руки при себе. Сможешь управлять происходящим. – Лоу врал, но очень надеялся, что Хэдли этого не заметит. Как карточный шулер, который ловкостью рук дурит свою жертву, он пошел на отвлекающий маневр. – Я сниму все вещи выше талии, а ты стянешь с меня сапоги. Тот, кто справится последним, займется штанами.

Округлившимися глазами Хэдли смерила выпуклость в районе его ширинки.

Сдержав улыбку, Лоу засунул в карман вторую запонку.

– Лучше поторопись, шнурки не так уж легко развязать – предупредил соблазнитель, постучав каблуком по носку.

Ни слова не говоря, она присела на корточки, склонив темноволосую голову чуть ниже того места, где бы Лоу хотелось ощутить ее прикосновения, и развязала бантик на его правом сапоге, а потом ослабила шнуровку от колена до лодыжки. Каждый рывок отдавался в его костях и посылал слабые приятные импульсы в напрягшиеся яички.

Лоу чуть не забыл, что они соревнуются на скорость. Он поспешно сорвал жилет, зажим для галстука, галстук... и выдернул рубашку из штанов.

Подняв глаза, Хэдли застонала и поспешно принялась раскачивать каблук его сапога. Лоу специально поджал пальцы, чтобы замедлить процесс.

– Так нечестно! – задыхаясь, сказала она, с ворчанием стянула сапог, едва не упав.

– Я же предупредил, что будет непросто, – со смешком напомнил Лоу.

Не теряя времени, Хэдли быстро ослабила шнурки на втором сапоге. Господи, ей так хотелось выиграть, но и противник не отставал. Он быстро снял рубашку: расстегнув первые четыре пуговицы, легко сорвал льняную ткань через голову, пока Хэдли тянула второй сапог.

– Носки не забудь.

– Так нечестно! – воскликнула она, со стуком отбрасывая обувь прочь.

– Хэдли. Носки, – настоял он.

Она тихонько выругалась и начала снимать носки. Он положил руку себе на плечо, подождал, пока ей не покажется, что у нее есть возможность выиграть, и легко снял нижнюю

рубашку.

– Мне жаль, *min kāraste*[7], ты проиграла.

– Ничего тебе не жаль, – отрезала она, и, отшвырнув второй носок, встала.

Лоу цокнул языком и убрал с глаз растрепанные волосы.

– Умей достойно проигрывать.

Хэдли мельком оглядела его грудь, глубоко вздохнула и сделала шаг вперед. Пока они вместе смотрели вниз, Лоу втянул в себя запах ее волос. Тонкими пальчиками она расстегнула и вынула ремень из петель. Лоу поймал изогнутый кинжал в кожаных ножнах.

Хэдли решительно расстегнула ширинку, причиняя своими прикосновениями изысканную муку. Боже, Лоу был тверже кирпича. Когда она стянула штаны на пол и застыла в нерешительности, он пожалел ее, подцепив большими пальцами резинку трусов, чтобы высвободить возбужденный член. Хэдли легко вздохнула и покраснела, вызывая у «победителя» желание поднять руки в знак триумфа.

– Милостивый боже, – прошептала она.

– Ты видишь одно из моих достоинств, – поддразнил Лоу, готовый поспорить, что Джордж и вполтину до него не дотягивал. Очень хотелось уточнить, но не стоило произносить имя этого ублюдка в спальне Хэдли, у которой и так достаточно заморочек. Сперва с имеющимися проблемами разобраться бы.

– Иди сюда.

– Лоу...

Не обращая внимания на слабые протесты, он взял ее на руки, опустился на спину на покрытый розами коврик и усадил Хэдли на себя.

– Придави меня, – попросил он, закидывая руки над головой в знак поражения.

– Что... а. – Хэдли раздраженно смерила хитреца взглядом. – Я знаю, что ты пытаешься сделать.

Хэдли робко наклонилась над ним. Черные бусинки длинного ожерелья опустились на грудь Лоу, когда она прижала его руки к коврику. Боже милостивый, так приятно ощущать ее тело своим. С каждый тяжелым вдохом пряди девичьих волос щекотали его щеки. Колени в чулках прижимались к его бедрам с внешней стороны. Ему стоило многих усилий, чтобы не перекатить Хэдли на спину.

– Интересная ситуация. Ну и что ты чувствуешь, уложив мужчину в два раза больше тебя? – прошептал Лоу прерывистым голосом.

– Сейчас ты сдался мне на милость.

– Притворись, что это не так. Что ты теперь сделаешь?

– Глупость.

– Правда?

Лоу медленно толкнулся бедрами в ее бедра.

Хэдли застонала. Лоу закрыл глаза и подождал, прислушиваясь к ее учащенному дыханию. Через пару минут, он почувствовал тепло на своем лбу: она его поцеловала. Сначала один раз, потом второй в бровь. И, вызывая мурашки, медленно провела дорожку поцелуев от виска до подбородка. Она стала действовать быстрее, открытым ртом прижимаясь к жилке на его шее, где бился пульс, робко провела языком по его кадыку, и Лоу сглотнул.

Не отпуская его рук, Хэдли скользнула ниже и принялась целовать его грудь. Разве она не понимает, что делает? Лоу вдруг перестал сознавать, кто из них кем манипулирует.

Она будто бы случайно прикоснулась губами к его соску. Удовольствие пронзило яички. Теперь именно Лоу стонал. А когда Хэдли стала посасывать сосок, боже, его слабое самообладание улетучилось. Он снова толкнулся бедрами вверх, а на этот раз потерялся членом о шелковые трусики между ее ног. Хэдли заерзала и опустилась.

Вдруг из ниоткуда Лоу почувствовал знакомое давление в пояснице.

Черт!

Слишком острые ощущения. Он давно не был с женщиной, и с любой другой сумел бы сдержаться, но не с Хэдли, которую желал так сильно, что его тело обезумело. Где-то смеялся Бог, жестоко отбирая волю у Лоу и превращая его в пятнадцатилетнего мальчишку, готового кончить в штаны от дуновения ветерка.

– Ты меня убиваешь, – прошептал он. – Я не выдержу, дай мне облегчение. Пожалуйста.

Он теперь сам двигал бедрами, чувствуя почти боль.

И только Лоу собрался вырваться, Хэдли отпустила его руку, скользнула ладонью между их телами и тонкими пальчиками обхватила плоть. Совершенное наслаждение. Одно прикосновение, и Лоу приподнял бедра, второе, и стал задыхаться. Еще два поглаживания, и пол разверзся. Лоу кончил быстро, яростно, пролив семя себе на живот и ей на платье.

Он помотал головой по полу, закрыв глаза, чувствуя облегчение и сожаление. Если он пытался излечить ее от фобии, то сейчас, без сомнения, сделал ошибку.

– Прости, – пробурчал он, когда Хэдли выпустила его. – Обычно я не такой несдержанный.

Шуршание вырвало Лоу из раздумий. К животу прижалась мягкая ткань. Неужели Хэдли его вытирает? Но прежде, чем он успел об этом подумать, она перестала поглаживать.

Он приоткрыл глаз и увидел, что Хэдли стоит над ним на коленях, снимая через голову черное платье. Она отбросила его и, тяжело дыша, встряхнула волосами. Обнаженные руки. Голые бедра с черными ленточками подвязок. А на теле цельная рубашка из золотистого шелка. Такая тонкая, что сквозь нее просвечивали соски.

Подол был расшит цветами лотоса вперемешку с веерами из стеблей папируса. На груди красовалась сине-зеленая крылатая Маат, египетская богиня равновесия и истины.

Хэдли робко улынулась, и Лоу засомневался, не умер ли он и не оказался в раю.

Хэдли затаила дыхание, пока Лоу разглядывал ее рубашку. Мадам Дюбуа постаралась на славу, и, забирая днем заказ, Хэдли счастливо вздохнула. Глупо, но она не могла подавить слабую надежду, что это белье понравится Лоу ничуть не меньше.

– О-о, – простонал он, приподнимаясь на локтях.

Хэдли обуревали противоречивые чувства: желание прикрыться соперничало с желанием, чтобы он коснулся ее там, куда устремлен тяжелый мужской взгляд.

Лоу сел, тем самым вынуждая Хэдли снова опуститься на его бедра.

– Vacker[8], ты такая красивая, боже мой! – Он провел костяшками пальцев по ключице и погладил вдоль расшитого ворота рубашки, отчего по рукам Хэдли побежали мурашки. Взмахнув густыми светлыми ресницами, Лоу зажмурился и заговорил тихо и серьезно: – Можно к тебе прикоснуться? Мне очень нужно дотронуться, просто необходимо.

– Да, конечно, да, – ответила Хэдли, обретая уверенность.

Обхватив ее за талию, Лоу кряхтя оттолкнулся от пола и поднял их обоих. У нее подгибались ноги.

– Осторожно.

Двумя руками он развернул Хэдли лицом к кровати.

– Как... – упрямыца развернулась и обнаружила, что Лоу пожирает глазами вышитые веера папируса, обтягивающие ее попу.

– Боже, – пробормотал он и, похоже, потерял самообладание. На миг Лоу застыл, а уже через секунду задрал подол ее рубашки и обхватил ягодицы, разжигая тысячи искр под кожей. Он встал на колени позади Хэдли, приговаривая скорее себе, чем ей: – Их надо убрать.

Лоу поднял ее ногу и расстегнул Т-образный ремешок лодочки, отчего Хэдли, чтобы не упасть, пришлось схватиться за металлические перила кровати. Также быстро он разобрался и со второй туфелькой. Теплые пальцы стянули подвязки, а затем и один чулок. Заодно Лоу стал покрывать жаркими влажными поцелуями заднюю поверхность бедра, опускаясь все ниже и ниже, пока не лизнул чувствительную впадину под коленом.

Со вторым чулком соблазнитель справился вдвое быстрее. Казалось, Лоу соревновался в скорости с ее учащенным сердцебиением. Хэдли почувствовала, как он снял золотистые ляпочки с плеч. Шелковая рубашка, лаская кожу, упала к ее ногам.

Хэдли осталась совершенно голой. Лоу пожирал обнаженное тело голодным взглядом. После той неудавшейся попытки изнасилования еще никто не видел ее в таком виде. Даже с Джорджем она встречалась в темноте и не снимала юбку.

Хэдли охватила сильная дрожь.

– Тс-с, – прошептал Лоу, и она ощутила ягодицами что-то горячее и твердое. Боже милостивый! Так скоро? Хэдли вспомнила их знакомство, и свое удивление, когда возбужденный Лоу прижался к ней в движущемся поезде... и панику, которую она испытала от такой шокирующей близости.

– Это всего лишь я, всего лишь я, – прошептал он ей на ухо.

Стоило Лоу ее обнять, как Хэдли застыла, приготовившись к неизбежному отвращению.

Сегодня она решила сражаться с этим чувством. Либо начнет считать, пока оно не пропадет, либо снова утонет в ликере, если потребуется, но...

Ничего не произошло. Даже, когда Лоу прижал ее к своей крепкой мускулистой груди, кожа к коже, и прикоснулся влажным ртом к шее.

На этот раз Хэдли не чувствовала паники, туманившей сознание и лишавшей самообладания.

На этот раз она ощущала... безопасность.

Тело расслабилось от облегчения.

Когда непролитые слезы обожгли глаза, Хэдли развернулась в объятиях милого хитреца. А Лоу поцеловал ее, словно его вели на эшафот, а она была последней надеждой на спасение. Он ласкал ее везде и сразу, погружая в чувственный жар, от которого по коже прошла дрожь удовольствия. Опустил на кровать и склонился к груди. Не стал легко целовать, не стал дразнить, а сразу взял сосок в рот и втянул. Молния пронзила ее лоно, высекая сильное желание.

Лоу отпустил сосок с влажным хлопком и одарил вниманием другую грудь. Хэдли закричала и сжала ноги, пытаясь избавиться от нарастающей жажды. К своему смущению, Хэдли почувствовала, что стала влажной и осознала, что сладострастно трется о его возбужденный член... погружаясь в вожделение и страстное влечение. Она попыталась успокоиться, но какая-то животная часть противилась этому. Хэдли раздвинула ноги и

обхватила Лоу, который длинным средним пальцем раздвинул влажные кудряшки. Она дернулась и заерзала под ним.

Лоу изумленно прошептал:

– Ты такая мокрая. Боже, Хэдли! Ты меня хочешь.

Больше всего на свете. Она застонала, тушуясь, когда он провел ладонью по влаге, покрывавшей внутреннюю сторону бедер. К своему удивлению, Хэдли никогда не испытывала такого возбуждения. Когда Лоу стал выводить круги по клитору, она почувствовала щекочущее тепло, отчего еще больше увлажнилась.

Лоу застонал, и его низкий рокот Хэдли почувствовала каждой клеточкой своего тела. Она не могла удержаться от мольбы:

– Прошу, Лоу, боже, сейчас! Умоляю.

Хэдли подняла голову и увидела, как он взял пиджак, свисавший со столбика кровати, вытащил небольшую жестяную баночку и быстро снял крышку. Промелькнуло изображение колесницы, запряженной парой львов.

О. Интересно. Она никогда ничего подобного не видела. Хэдли чуть не призналась, что использует новый метод подсчета дней цикла, и сейчас, в принципе, не опасно. Вместо этого зачарованно наблюдала, как Лоу достал кружок латекса и раскатал его по всей длине члена. Боже мой. Он мог бы продавать билеты на это зрелище. Каждая горячая девушка в Сан-Франциско с радостью бы заплатила. Если всего несколько минут назад в руке Хэдли он казался плотным и тяжелым, то теперь размеры просто утраивали. Она разрывалась между беспокойством и восхищением.

И решила остановиться на последнем, когда еще одна волна удовольствия согрела ноющее лоно.

Лоу накрыл Хэдли своим телом, теплым, сильным и крепким. Замечательное чувство. Поврежденной рукой прижал ее кисть к кровати, как совсем недавно его прижимала она.

– Это всего лишь я, – повторил он, целуя ее нижнюю губу. Их пальцы переплелись, когда Лоу раздвинул ее ноги, устраиваясь между бедер. Он прижался лбом к ее лбу. – Я никогда и никого так не хотел. Никогда. Боже мой, Хэдли, скажи, что ты хочешь почувствовать меня внутри.

– Да, – едва выдавила она.

– Скажи. – Он обнял ее свободной рукой за шею и приподнялся на локтях. Выгнувшись, прижался к ее входу, дразня и нажимая, заставляя извиваться.

– Скажи.

– Я хочу тебя...

Он вонзился в нее еще до того, как Хэдли договорила. Одним беспощадным ударом. Не ожидая почти болезненного вторжения, она вскрикнула, впиваясь ногтями ему в шею.

– Не шевелись, – резко приказал он, напрягаясь все телом.

Хэдли и не могла двигаться, лишь затаила дыхание. Раз, два, три... Тело расслабилось. Лоу застонал и отодвинулся... Нет!... И снова вошел в нее, только медленно. Ужасно медленно. Идеально медленно. Достаточно медленно, чтобы Хэдли зажмурилась, охваченная желанием.

– Да? – прошептал он.

– Лоу, – ответила она.

От его поцелуя она расслабилась, наслаждаясь близостью и упиваясь трением их тел. Свободной рукой провела по теплой мужской коже, исследуя и радуясь тому, насколько

крепки плечи и спина. Царапнула ему бок, и Лоу задрожал.

Хэдли подняла колени, чтобы он вошел глубже. Оба застонали, когда ее мышцы сжались вокруг его плоти. Она вскрикнула и подвинула бедра, принаравливаясь к проникновению, пока его кучерявые волоски не защекотали чувствительный комок нервов, пульсирующий в клиторе.

Какое сильное удовольствие. Достаточно, чтобы стереть годы мучений. Каждый страх, каждое волнение, каждую ночь, которую она провела в одиночестве, размышляя, что ждет ее в будущем. Теперь с прошлым покончено. Навсегда. Она почувствовала теплые слезы, стекающие по вискам, от радости сдавило горло.

– Хэдли.

– Это так прекрасно, – пролепетала она.

– Как и должно быть, – прошептал Лоу, целуя милые глаза. – Этого я и хотел. – Он прижался губами к ее губам и почувствовал вкус соли.

«Я тоже», – подумала она.

Не жди ничего и не разочаруешься. Она убеждала себя, что если во время близости испытает всего лишь избавление от фобии и легкое удовольствие, этого будет достаточно.

Но не тут-то было.

Неважно, что за те несколько раз с Джорджем Хэдли ни разу не ощутила оргазма и много лет даже не целовалась. Все это не имеет значения. С Лоу ей внезапно захотелось всего, здесь и сейчас. Как легко он кончил под ее неопытной рукой. Он не стыдился и не сопротивлялся. Чувствовал лишь страсть и доверие. Она хотела того же. Ее тело снова жадно обхватило его плоть, и желание превратилось даже не в решимость, а в нечто большее.

– Черт побери! – прошептал Лоу. – Да, *min älskling*, ja[9].

– А, а!

Это происходит на самом деле.

Срочно нуждаясь в якорю, Хэдли свободной рукой сжала его крепкий бицепс, двигаясь навстречу поднимающимся и опускающимся бедрам.

На лбу Лоу выступили капли пота. Он сжал пальцами ее кисть, завел за голову и придавил к матрасу. Хэдли была так близка к пику и так отчаянно хотела его испытать. Через пару мгновений их с Лоу уже было не остановить. Сюда могла ворваться толпа, а Хэдли даже не смутилась бы. Ее не было. Она потерялась. Устремилась к забвению, неизвестности и собирающейся тьме, грозившей поглотить ее целиком, если бы Хэдли решилась туда нырнуть.

И боже, она-таки испытала это чувство!

Оргазм пронесся, как летняя буря, вырвав долгий страстный крик из ее легких. Она испытывала бесконечное удовольствие, которое трясло и сжимало, пока не потеряла способность дышать. Хэдли показалось, что она умрет. Тело Лоу сжалось, и он, тоже закричав, кончил вместе с ней. Казалось, он был так же потерян и потрясен, как и она. Лоу рухнул, и Хэдли обняла любимого за шею и обхватила ногами его бедра.

Глава 24

Хэдли дважды проверила будильник. Три часа. Она не запомнила, как уснула. Кровать, к сожалению, пустовала. Однако паника, нахлынувшая на Хэдли поначалу, понемногу ослабла. Она прислушалась к шуму и, к своей радости, поняла, что Лоу еще не ушел. Под веселый свист раздавались звяканье и постукивание, в трубах шумела вода. В доме чувствовалось присутствие другого человека, на этот раз Лоу, а не служанки, которая

бросит хозяйку на следующий день.

Лоу.

Хэдли улыбнулась, глядя в потолок, зажмурилась, ощущая нахлынувшее ликование, и выбралась из постели.

Поспешно сбегав в ванную, Хэдли натянула шелковый пеньюар цвета серого чибиса, покрытый яркими бегониями, быстро подпоясалась и бросилась на поиски источника шума – в кухню. На пороге она задержалась, поморщившись от яркого света лампы, отражавшегося от белой плитки. Когда глаза привыкли к освещению, она увидела любопытное зрелище – обнаженный зад Лоу.

Магнуссон уперся рукой в дверцу холодильника и, наклонившись, разглядывал его содержимое. Длинные ноги, покрытые светлыми волосками, переходили в красиво очерченные ягодицы с ямочками. Однако у нее в груди потеплело от того, что мельком заметила меж его ног.

Боже, он такое творил с ней за последние несколько часов... а она с ним. Хэдли не могла поверить. Вот он каков. Вовсе не сон, а мужчина во плоти. Очень крепкой плоти. Как красиво перекачивались мышцы на спине Лоу, пока он рассматривал баночки и коробочки. Холодильник был почти пуст: масло, варенье из инжира, красные апельсины. Немного вареной курятины для кота, который терся о ноги Лоу, будто они с гостем стали лучшими друзьями.

– Что это, как думаешь? – спросил он Четвертого. – Зеленый пух лишает меня надежды. Вроде что-то мясное.

– Прямая ветчина недельной давности, – предупредила Хэдли хриплым со сна голосом. – Что ты делаешь?

Лоу оглянулся через плечо и выпрямился. Какая жалость, ей так нравился прежний вид. Но ленивая улыбка на его губах возместила потерю. Отросшие песчаные волосы на затылке спутались и блестели в ярком свете. Он убрал с глаз длинную прядь и закрыл дверцу холодильника.

– Готовлю завтрак, – ответил Лоу, скрестил руки на широкой груди и облокотился на холодильник.

– В голом виде?

Он лениво пожал плечами.

– Почему бы и нет?

В самом деле. Ходячая порнография прямо на кухне. Хэдли приблизилась, чувствуя себя богатой туристкой на сафари, пытающейся разглядеть пасущуюся газель.

– В три ночи?

– Умираю с голоду.

– Я тоже, – призналась Хэдли.

Его глаза сверкали весельем.

– Все стоны и ласки исчерпали мои телесные ресурсы.

– Да уж, – прошептала она, чувствуя тупую боль между бедер.

Лоу покачался и чмокнул ее в лоб, просто и нежно, будто делал так годами. Хэдли почувствовала неповторимый запах его кожи и глубоко вздохнула. Лучше, чем лилии у кровати. Лучше чего бы то ни было.

Его оценивающий взгляд скользнул по ее халату. Лоу удовлетворенно хмыкнул и почесал затылок.

– Кстати, я помыл посуду.

– Не нужно было, – немного смущенно ответила Хэдли.

– Но кому-то надо было это сделать. Почему у меня такое чувство, что ты не занимаешься домашним хозяйством?

– Потому, что это правда, – призналась Хэдли, касаясь пальцами ног его пальцев. У Лоу был потрясающий подъем. – Я не стану извиняться за семейное богатство. Я же не бью баклуши, а работаю. И кстати, грязная посуда осталась после моей готовки, поэтому не так уж я безнадежна на кухне. Могу поджарить тост и сделать чай.

Лоу пошевелил большим пальцем в ответ, проводя по ее ступне.

– И почистить апельсины.

– И почистить апельсины, – согласилась она с улыбкой.

– Ну, вместе мы сможем что-нибудь сотворить, потому что если ты пригостишь нас чай и тосты, я поджарю омлет. – Лоу посмотрел на мурчащий пушистый комок, пытавшийся пролезть между их ногами. – На троих. Или скормим коту пряную ветчину и посмотрим, превратится ли он в Пятого?

– Хвастун. Вы двое настолько спелись, что скоро ты сбросишь меня с кровати и устроишься под одеялами в обнимку с Четвертым.

– Ни за что, пока ты жива. – Лоу мимоходом легонько провел пальцем по бедру Хэдли, отчего у нее под шелковым халатом побежали мурашки. – Мне больше по вкусу твои коготки.

Она поставила чайник на плиту и вытащила небольшую металлическую банку из набора «МУКА-САХАР-КОФЕ-ЧАЙ». В сосуде с надписью «КОФЕ» лежали лишь монетки и гвозди. Лоу нашел железную сковородку и спичкой зажег плиту.

– Кстати, чуть не забыла: твой ожог выглядит намного лучше, – заметила Хэдли, кивая на его руку.

– К счастью, поблизости оказалась опытная медсестра, которая забинтовала его как надо.

Хэдли усмехнулась и поставила две пустые чашки на блюдечки.

– Очень странно в пятницу ночью на кухне готовить завтрак в компании голого мужчины, – заметила она, насыпая заварку и украдкой разглядывая его тело. – Странно, но приятно.

– А что бы ты делала без меня?

– Спала. Или, принимая во внимание события прошедшей недели, напрасно пыталась бы уснуть в отцовском особняке. Если бы мне пришлось провести еще одну ночь в том печальном мавзолее, я бы с ума сошла.

– Вряд ли доктор Бэкол хочет, чтобы ты за ним ухаживала.

– Ты, конечно, прав. – Хэдли поставила на место банку чая и сунула кусочки хлеба в электрический тостер. Она наклонилась и взяла Четвертого, который лениво устроил свои передние лапы на ее плече. – Ты уже посмотрел пиктограммы?

– Для третьей канопы я сузил список до нескольких имен. – Лоу отрезал кусок масла и бросил на сковородку. – Готова вернуться к нашему заданию?

– Если хочешь, можем начать завтра. Я свободна на выходных. – Хэдли хотелось, чтобы Лоу остался с ней. Такие желания были для нее удивительно новы, и, переборов свою фобию прикосновений, она чувствовала себя как ребенок, впервые попробовавший сахар – лучилась от радости, счастья и изумительно теплого удовлетворения.

И этого было недостаточно.

Хэдли хотелось большего. Того, что уже испытала, и нового опыта. Узнать, каково просыпаться в его объятиях, принимать с ним ванну, ходить на рынок и закупать еду, чтобы забить холодильник и буфет.

Глупости.

Лоу разбил яйца на горячее масло и сообщил имена, которые подошли пиктограммам. Они с Хэдли поспорили о значениях одного из символов. И приготовив скромный поздний ужин, она сняла Четвертого с плеча, радуясь, что есть план на завтра.

Они поставили горячие чашки и тарелки на круглый столик у окна, выходящего на спящий город. Лоу посмотрел на пару отполированных стульев, задвинутых под стол, и попробовал их передвинуть поближе друг к другу.

– Вот те раз, у тебя все же есть вещи, не прибитые к полу.

– Не смейся. Ты удивишься, что Мори могут сотворить с парочкой стульев и оконным стеклом.

– Я больше переживаю из-за сковородки и ножей в ящике стола.

– Со мной лучше спорить только в спальне.

– Я с радостью проверю твой совет на практике, – поддразнил ее Лоу, провожая к стулу.

Пока они наслаждались импровизированной трапезой, Хэдли скармливала Четвертому кусочки под столом и расспрашивала Лоу о семье. Он рассказал, как его родители иммигрировали из Швеции, как основали небольшую рыболовную компанию, которая стала успешной. Как после вступления в силу закона Вольстеда его отец решил рискнуть всем, переделав половину своих лодок для перевозки контрабанды. Но когда она спросила Лоу о детстве, а потом про Адама и его дочь, что-то в нем изменилось.

– Не хочешь лезть не в свое дело, – заметила она, погружая кусочек тоста в смесь из апельсина и яичного желтка.

Несколько секунд Лоу молчал.

– Похоже, придется рассказать. Ну, вообще, это необязательно, но мне хочется поделиться.

Когда Лоу опять замолчал, Хэдли попыталась его разговорить:

– Дело касается Адама?

– Скорее Стеллы. – Он постучал вилкой по тарелке. – Есть небольшая вероятность, что она моя.

Хэдли затаила дыхание, размышляя над его словами:

– Твоя... дочь?

Лоу тяжело вздохнул.

– Мы с Адамом учились в одном классе в начальной школе. Мириам была на год младше. Мы все дружили, но в подростковом возрасте многое изменилось. Мой отец хорошо зарабатывал, так что мы переехали в другой район в дом получше. Я завел новых друзей, а Мириам и Адам стали встречаться. После окончания школы, я уехал учиться в колледж, а они остались дома и поженились.

Он отпихнул тарелку.

– Примерно через год все изменилось. Моя семья, благодаря бутлегерству, разбогатела буквально за ночь. По-моему, Адаму это не понравилось. Он погрузился с головой в работу, и его отношения с Мириам разладились. Пока я учился в Беркли, мы с ней

переписывались, и, приехав домой на выходные...

Хэдли моргнула, глядя на тарелку, не в силах встретиться с ним взглядом.

– Это случилось лишь однажды и никогда не повторилось. Больше глупости я в жизни не делал.

– Ты ее любил?

– Не в романтическом смысле. Не знаю, пытался ли я цепляться за жизнь, которой у меня больше не было, или ревновал. Они были взрослыми. Работали, поженились, сняли дом, а я, как мальчишка, напивался в колледже, шутил по глупости, не зная, кто я такой и чем хочу заниматься. А потом Мириам потянулась ко мне.

– И ты ее не оттолкнул.

– Адам было моим лучшим другом, а я... – Лоу покачал головой. – Меня грызло чувство вины, я чуть не бросил университет. Потом Мириам сообщила, что беременна. И с разницей в пару недель, отцом мог быть любой из нас. Она умоляла меня ничего не говорить, и я пытался молчать. Обычно я ловко лгу. – Он неестественно усмехнулся.

– Но ты рассказал.

– На месте Адама я бы хотел знать. Конечно, он расстроился. Удар у него неслабый, хоть габаритами он мне и уступает, – Лоу указал на свой нос. – Адам мне прямо сказал, что ему плевать, если ребенок родится с голубыми глазами и светлыми волосами, все равно он будет принадлежать ему, а не мне. Они с Мириам помирились, и со временем он меня тоже простил. Я этого не заслужил, но такие дела.

– Стелла...

– Вылитая Мириам, даже кудряшки и те она унаследовала от матери. – Лоу мимолетно натянуто улыбнулся. – Малышке всего четыре. Поговаривают, общие черты становятся четче, когда дети старше.

– Существует новый анализ на совпадение групп крови.

– И что за анализ? Точность даже не дотягивает до пятидесяти процентов. – Лоу пожал плечами. – Адам не хочет выяснять, и я уважаю его решение. И я не уверен, что знай я наверняка, что-то бы изменилось. Я несколько лет уже пытаюсь предложить ему финансовую помощь... на врачей и особые школы. Но он не терпит подачек.

Хэдли склонила голову и уставилась ему в лицо.

– И поэтому он хранит для тебя всякие ценности?

– Только так я могу дать ему деньги. Адам упрямый, но имеет право поступать, как хочет. – Он печально улыбнулся. – В конце концов, это неважно. Они все равно моя семья, несмотря на то, течет ли в Стелле моя кровь или Адама. Мне повезло, что они есть в моей жизни, и довольно.

Хэдли не знала, что сказать. Она испытала целую гамму чувств – от ревности и обиды до жалости и уважения, и даже чего-то большего. Лоу не только снес ее барьеры, он разрушил собственную стену... невидимый вал, о котором она даже представления не имела. Он был прав, ему не надо было рассказывать. Если бы он не открылся, она бы никогда об этом не узнала.

А теперь она в курсе, но его откровения значения не имели. Хэдли тронуло, что ему захотелось с ней поделиться наболевшим. Сердце сжалось от таких новостей.

– Теперь ты плохо обо мне думаешь? Хочешь, чтобы я ушел?

Хэдли помешала чайные листья в остатке золотистой жидкости на дне чашки.

– Ужасно опрометчиво с твоей стороны уйти сейчас. Кто же поможет посуду?

Краем глаза она заметила, что Лоу расслабился и глубоко вздохнул. Несколько секунд спустя, он сжал ее пальцы.

– Не хочешь принять горячую ванну? Я ее видел и, наверняка мы там поместимся вдвоем.

– Я в этом сильно сомневаюсь.

– Но ведь будет забавно попробовать, ja?

– Ja, – повторила Хэдли, чувствуя тепло от радости. – Я согласна.

Глава 25

Лоу был бы рад никогда не покидать постель Хэдли, однако на следующий день он наконец выбрался из ее квартиры, чтобы сменить одежду. Они договорились встретиться после полудня и поискать третью перекладину. В этот момент ему было плевать, чем заниматься, даже охотой на кроликов, только бы вместе с ней.

Лучась ярким удовлетворением, Лоу, как безумец гнал на Лулу по Мейсон-стрит. Подъехав к знаку «стоп», он едва сдержал дурацкую улыбку, глядя на пассажиров ближайшей машины. Одна ночь с Хэдли, и он в эйфории. Пьян от секса и удовольствия, которое испытал, держа ее в объятиях. Нет ничего лучше, чем чувствовать, как твердые углы и острые края смягчаются под кончиками его пальцев. Или упасть на грудь Хэдли после того, как они кончили вместе, и слушать, как их бешеное сердцебиение замедляется до размеренного. Будто они оба оказались под водой, медленно погружаясь в наслаждение.

Но дело не только в близости, а во всем. Ему нравилось ее общество, остроумие. То, как эти черные глаза с приподнятыми уголками щурились от улыбки. То, как она скептически вскидывала тонкую бровь, язвительно, с аристократическим акцентом, упрекая его за безумные идеи.

Рассказав про Стеллу, Лоу был готов, что Хэдли его осудит. Он бы точно не винил ее за такую реакцию, уж слишком много на нее свалилось. Ему никогда не забыть, как навзрыд рыдала мать, узнав эту новость. Она была разочарована и в отчаянии от безвыходности ситуации: ей не только не позволили бы забрать внучку к себе, но даже понаблюдать за девочкой издалека. Адам отказал, не желая смущать малышку, и был прав.

Но Хэдли хорошо восприняла это известие. Лоу внимательно наблюдал за ней, уверенный, что если она как следует поразмыслит, то снова станет шарaxаться от него. Но нет, случилось маленькое чудо. Лоу был рад как никогда.

Лоу въехал в Пасифик-Хайтс, и город превратился в такое же размытое пятно, как и блуждающие в голове ленивые мысли. Его мир будто перевернулся, а потом встал на место. Будто Лоу не сознавал свое шаткое положение, пока не почувствовал, как приятно стоять прямо.

Все волнения, обуревавшие его после возвращения домой, показались не такими страшными. А все проблемы решаемыми. Его разум нагнал по скорости мотоцикл, создавая картины блестящего будущего с Хэдли. Большой дом, семья. Она будет управлять отделением антиквариата. А он... ну он пока еще не придумал. Путешествия с дядей не казались такими привлекательными как прежде. Плохая еда, пропитанная потом одежда, тяжелая работа, болезни и бессонница. Все это можно вытерпеть, когда убегаешь от чего-то, но не тогда, когда у тебя уже есть кто-то или что-то.

Может, раскопки под ужасным солнцем вместе с Хэдли не были бы так плохи. Лоу представил ее в пустыне в традиционном египетском платье джелаба и улыбнулся. Возможно, ей будет проще, чем ему. Интересно посмотреть на ее лицо во время прогулки по

руинам храма.

Размышляя об этом, он взбежал по ступенькам дома Магнуссонов и, открыв сетчатую дверь, едва не столкнулся с Уинтером. Тот неподвижно стоял, источая холод сильнее, чем мясо в морозилке.

– Где, черт побери, тебя носило?

– И тебе, черт возьми, добрый день, – поздоровался Лоу, обходя брата.

Уинтер вытянул руку.

– Тебя не было всю ночь, и ты возвращаешься в таком виде? Что ты натворил? Путался с проституткой?

Лоу пристально посмотрел на брата.

– Только попробуй повторить!

– Ты защищаешь хранительницу музея? – Разные глаза Уинтера сузились, а на губах заиграла мрачная кривая усмешка. – О да, я знаю. Грета рассказала, что ты приводил ее сюда.

Черт побери слуг и их болтливость.

– Ты не впервые шляешься по ночам. Неделю назад Йонте рассказал, что ты приехал домой в «паккарде» под утро. Ты и тогда был с хранительницей?

– Не твое дело.

– Она наследница из высшего общества. Черт побери, Лоу! Если уж встречаешься с такой девушкой, то хоть веди себя, как полагается. Если тут все болтают, думаешь, ее слуги молчат?

Он хотел было возразить, что у Хэдли нет горничной, но передумал. И Уинтер не так уж не прав. Хэдли дружила с лифтером, который сегодня холодно посмотрел на Лоу, спускавшегося вниз. Не говоря уже о других жильцах ее дома, которые, если бы заметили его в неуточное время, точно бы сплетничали. Он особо не таился.

– Сфера антиквариата Сан-Франциско не так уж обширна. Пойдут слухи, что ты с ней встречаешься, и молва дойдет до сотрудников ее музея. Попечители, спонсоры... Осторожно, а не то испортишь репутацию дамы.

– Я осторожен.

– И ты обычно не выполняешь свои обещания и удираешь из спальни через окно. Не обижай ее.

– Мне приятно знать, как ты веришь в меня, – кисло ответил Лоу.

– Зачем ты заходил к Велме?

Хоть кто-нибудь может держать язык за зубами?

– Не твое дело. По просьбе ее отца мы с Хэдли работаем кое над чем для музея.

Уинтер вскинул бровь со шрамом.

– Пожалуйста, скажи, что в этом деле не замешан Голдберг.

– Конечно, нет. – Во всяком случае, насколько известно Хэдли. И ему не хотелось об этом думать ни сейчас, ни когда-либо. Боже, в доме так жарко. Лоу ослабил галстук, чувствуя капли пота на лбу.

Между ними повисло натянутое молчание, пока Уинтер не сдался, и, тяжело вздохнув, не продолжил по-шведски:

– Луве, так нельзя. Я знаю, что ты хочешь пробить свою дорогу в жизни, но ты не можешь мотаться по всему земному шару с дядей, в противном случае ты, как и он, останешься один.

– Ненавижу Египет и раскопки, – раздраженно признался Лоу по-шведски.

– Значит, брось это занятие! Работай на меня. Ты можешь управлять новым складом, встречаться с клиентами.

– Неј. – Лоу покачал головой. – Не выйдет. Я на грани великого открытия, если бы я только... – Он замолчал. – Не хочу заниматься этим вечно, но сначала нужно выполнить последний заказ.

Уинтер смерил брата долгим взглядом, будто хотел сказать что-то еще, но передумал. Он снова перешел на английский и выпалил:

– Звонили из судоходной компании. На следующей неделе придут ящики, которые ты послал из Египта. Грета расскажет тебе подробнее.

Лоу пробормотал «спасибо» и обошел брата.

– Ты уже разобрался с Монком?

Ради бога! Уинтер хуже матери. Пора убраться из этого дома до того, как сойдет с ума. Наверное, надо снять квартиру в деловом районе. В большой план Лоу это не входило. Он собирался купить уютный дом и позаботиться об Адаме и Стелле. Но ведь не завтра же! А в списке есть дела поважнее. Самое неотложное: как можно скорее собрать нужное количество наличных и заплатить Монку.

И ближайший источник финансирования связан с охотой за перекладами, которая оказалась намного сложнее, чем он предполагал. Здоровье доктора Бэкола, Ноель Ирвинг, магия... Хэдли.

Хэдли.

Лоу мог обойтись без штата слуг и предметов роскоши. Лучше жить свободным и в бедности. Но он не солгал брату: перекладыны – его последняя подделка. Хэдли подобного ни за что не потерпит. А заполучить ее, ему хотелось гораздо больше, чем заполучить деньги. У Адама и Стеллы есть все необходимое, а Лоу заберет свою долю и уйдет на покой.

Надо найти последние перекладыны, продать настоящий амулет доктору Бэколу, а Монку – подделку в уплату за фальшивую статую крокодила. Надо только упросить Бэкола отдать настоящую купчую на перекладыны, чтобы предоставить ее гангстеру с официальными документами на основание амулета. Отец Хэдли не собирался перепродавать проклятую находку. Он желал лишь избавиться от Ноеля Ирвинга.

На самом деле, простая схема. Никто не пострадает; все довольны. И Хэдли не стоит знать, что он собирался обмануть ее отца. Пока для выполнения задуманного надо найти две последние перекладыны.

Но сперва побриться и принять ванну.

Его ждет охота вместе с напарницей с волосами цвета вороного крыла.

Лоу с радостью снова встретился с Хэдли. За одну ночь между ними все изменилось. Упали барьеры. Теперь она встретила его с распростертыми объятиями. Он подхватил ее с колотящимся сердцем, не собираясь отпускать. Лоу никогда не был так счастлив.

И в то же время так встревожен...

Потому что везенье, благодаря которому они нашли первые две перекладыны, испарилось. Два адреса они посетили за выходные, еще два в начале следующей недели, выбираясь во время обеденного перерыва Хэдли и после окончания ее рабочего дня. Каждый раз скрывали следы с помощью зачарованных мешочков Велмы. Они изображали сотрудников благотворительной организации, агентов, торгующих вразнос, давно потерянных родственников. Лучше всего им удалось сыграть роли сельского священника и

его скромной жены.

И зря только устраивали водевиль. Потому что, к их огромному сожалению, все имена вели в тупик.

Однако эта неделя принесла свои плоды. Отец Хэдли шел на поправку. И пусть Лоу не удалось подтвердить, что Ноель и Оливер – одно и то же лицо, «Денежный мешок» не появлялся. И на головы им больше не сваливались волшебные химеры.

Но приятнее всего было топить неудачи в утешительных встречах, полных смелых сексуальных выкрутасов: на пассажирском сиденье серебристого «паккарда», в темных коридорах, в общественной уборной и, в особо мерзкий день, – на лестнице черного хода в пустую церковь во время осмотра запущенного кладбища.

Каждая новая встреча была подарком. Все равно Лоу снедало растущее раздражение, никак не связанное с перекладами. В его голове звучали слова Уинтера: «Если уж встречаешься с такой девушкой, то хоть веди себя, как полагается». Почему его брат всегда прав? Потому что Лоу старался скрыть их связь: ходил на цыпочках вокруг ее отца и коллег; пробирался в ее квартиру в неурочное время, где преодолевал множество лестничных пролетов, чтобы не встречаться с лифтером; парковал Лулу через дорогу у гостиницы «Фэрмонт».

Подобная ситуация унижительна для обоих.

И почти через неделю после их первой ночи, в десять вечера, Лоу прятался за кипарисами у основания музейной башни, ожидая, пока мистер Хилл – тот самый охранник, который застал их с Хэдли в кабинете доктора Бэкола – уйдет на перерыв. Как только страж порядка укатил на машине за угол, музейная дверь приоткрылась, и показалось лицо Хэдли.

– Все чисто! – прошептала она весело, заводя Лоу в музей и запирая дверь.

Он осмотрел темный вестибюль. В одиночестве тут жутковато.

– Сюда ведь не войдет другой охранник?

– Двое стоят на посту снаружи.

– А мистер Хилл...

– Вернется не раньше полуночи.

– Если бы сведения об этом попали не в те руки, тебя бы обокрали.

– За десять лет произошли лишь две попытки взлома. И вряд ли кто-то может подогнать грузовик к парадному входу и вынести все, никого не потревожив. Где твой авантюризм, Охотник за сокровищами?

– Хм, наверное, пал под колесами нашего невезения на этой неделе. – Лоу наткнулся на стойку и стиснул зубы, когда резкий скрежет металла эхом отразился от стен. – Боже, Хэдли. Я чувствую себя непослушной мальчишкой, на спор проникшим в дом.

– Надеюсь, к завтрашнему дню лифт в моем доме починят. Тогда ты сможешь по-тихому подняться по лестнице, не встретив всех жильцов по пути.

– О, какая радость!

Она опустила руки на его грудь и подняла голову.

– Ворчун!

– Я просто раздражен. – Но теперь, ощутив запах ее волос, немного расслабился. На секунду прижался лбом к ее лбу и поцеловал в кончик носа.

– Как я рада, что ты пришел, – прошептала она. – Мне не спалось без тебя прошлой ночью.

– Мне не нравится разлучаться с тобой. Физически плохо. Хочу закончить охоту,

чтобы мы перестали прятаться и лгать.

– Я думала, что ты живешь ложью, – поддразнила она его.

– Вы меня портите, мисс Бэкол, – прошептал он ей в губы.

– Я вроде еще никого не испортила.

– Постарайся ограничиться одним разом, а то мне не хочется, чтобы ты испортила кого-либо другого.

Хэдли выгнулась ему навстречу, радостно и глуповато улыбаясь. Лоу поспешил ее поцеловать, но только начал разогреваться, как Хэдли прервала поцелуй и взяла его за руку.

– В отделении антиквариата мы услышим, если мистер Хилл вернется. Я хочу кое-что тебе показать.

Лоу, не особо переживая и чувствуя воодушевление, миновал билетные кассы и армии молчаливых статуй. Высокие потолки и плитки мраморного пола, казалось, одновременно усиливали и поглощали звук шагов, когда они шествовали, любуясь картинами, стоившими больше любой роскошной машины семьи Магнуссон.

Обойдя коллекцию «Искусства стран тихоокеанского региона», они увидели арку со сделанной от руки надписью: «Сокровища Древнего Египта – мумификация, магия и ритуалы». Лоу много раз посещал эту выставку, даже когда большинство экспонатов еще находилось в старом здании Мидвинтера. В детстве он был ими очарован, что стало одной из причин, побудивших его учиться на археолога. Странно думать, что предметы, на которые он в десять лет глазел с восторгом, позже будут отданы в распоряжение Хэдли.

Лоу остановился перед витриной с женской мумией. На забальзамированной коже еще сохранились клоки волос. Зубы, в основном, остались нетронутыми, но у экспоната недоставало ноги; во время землетрясения половина музейных мумий испортилась и разбилась на куски. Но то, что привлекало сюда публику, находилось в соседней витрине: крепко замотанный мумифицированный кот, которого нашли в одной гробнице с человеческим телом.

– Лучший образец мумии кошки на всем Западном побережье, – похвасталась Хэдли.

– Отличный экземпляр геометрического обертывания Птолемеевского периода.

– Ты так поступишь с Четвертым, когда придет его время?

Глядя на витрину с удовлетворенной улыбкой, Хэдли сцепила руки за спиной и склонила голову набок.

– Думаю, ему бы понравилось. Да и крошечный саркофаг неплохо бы соорудить. Кто знает, возможно когда-то мы оба окажемся в музее. Люди станут изучать наши забальзамированные тела и назовут меня Кошатницей.

– Ты ненормальная, *min k̄ara*[10].

На ее губах появилась хитрая улыбка.

– Мне нравится, как вы флиртуете, мистер Магнуссон. – Хэдли посмотрела ему в глаза и отступила на пару шагов. Лоу показалось, что он сам мумифицирован, а она будто тянет его бинты, привлекая к себе одним взглядом.

Если Хэдли собирается сохранить свое тело для музея, Лоу не отказался бы лежать рядом.

– Вон там находится то, что мне хотелось тебе показать, – сказала она с радостным блеском в глазах.

Глава 26

Под взглядом Лоу Хэдли повернулась и подошла к стеклянной витрине высотой

примерно по пояс, стоявшей рядом с квадратной колонной. Внутри находилась небольшая коллекция личных вещей, найденных в захоронении Кошатницы: сосуды для благовоний, расческа, ювелирные украшения. А еще посередине красовались три канопы; четвертая пропала во время землетрясения.

Хэдли наклонилась и присмотрелась.

– Мои родители нашли это захоронение в некрополе рядом с Фивами в 1895 году, всего за три года до моего рождения. Интересно, не послужило ли это источником вдохновения для моей матери, когда она решила припрятать перекладыны?

– Только эти сосуды принадлежат к другой эре, чем заказанные ею канопы, – заметил Лоу.

– Да, и все же представляю, как она входит сюда, злясь на отца за намерение убить Ноеля. Ее обуревают отчаянное желание сохранить мир между компаньонами, чтобы из собственного эгоизма не потерять мужа и любовника. И тут ей на глаза попадаются эти канопы, – Хэдли постучала ноготком по стеклу.

– Решение проблемы: спрятать перекладыны в том, что люди будут хранить и ценить, – согласился Лоу, заглядывая поверх плеча Хэдли и с удовольствием обнимая ее за талию.

– Точно. – Хэдли коснулась обнимающей ее руки, тихо выражая свое одобрение. – И я подумала, что если мы хорошенько их рассмотрим, увидим нечто, что поможет нам расшифровать две последние пиктограммы.

Как Лоу ненавидел эти нерешаемые пиктограммы. Ему хотелось послать и их, и мать Хэдли к чертям. Лоу вдохнул чистый запах ее кожи, ощущая мыло и благоухающий шампунь, под которыми скрывался естественный аромат. Пьянящая Хэдли. Он едва сдерживался, чтобы не зарыться лицом в ее волосы и не поцеловать в затылок.

Она слегка вздрогнула, но, чуть задыхаясь, продолжила свои рассуждения:

– Знаешь, отец подарил Кошатницу музеем в связи со вступлением на пост директора департамента.

– Ммм. – Лоу поцеловал ее пару раз в шею, остановившись у первой пуговицы закрытого черного платья, преградившей ему путь. – Возможно, поэтому доктор Бэкол решил, что я буду в восторге от возможности стать его преемником.

Хэдли погладила двумя тонкими пальцами его запястье под краем рукава. От этого легчайшего прикосновения Лоу пробрало вплоть до паха.

– Ты ведь не передумал? Предупреждаю: нарушишь наше соглашение, и я похороню тебя под десятью люстрами.

– Обожаю твою романтическую натуру, – ответил Лоу, стискивая ее крепче и прижимаясь к ягодицам.

Хэдли дернулась и застонала.

– О боже!

– О да!

Лоу чуть прикусил кожу за ее ушком.

– Какой у вас крупный гобелен, мистер Магнуссон.

Он рассмеялся ей в волосы.

– Я чуть не упал, услышав такое из твоих уст в кабинете доктора Бэкола. Рифмовать ты не умеешь, а еще ученая дама из Стэнфорда.

Хэдли фыркнула, усмехнулась и выдохнула:

– В мой кабинет...

– Ты ведь хотела, чтобы я взглянул на канопы. – Он отпустил ее талию и потянул за собой. – Наклонись и упрись в витрину.

– Здесь? Нас заметят.

– Очень на это надеюсь, – обеспокоенно и в то же время счастливо выпалил Лоу. – Тогда мы перестанем скрываться, будто занимаемся чем-то постыдным. Ну-ну, нет уж, – пожурил он Хэдли, прижимая ее к стеклу. – Руки сюда и не двигайся, пока не скажу.

– А то что?

– А то позову охрану и расскажу, что ты спятила и пытаешься украсть вечного компаньона Кошатницы. Не шевелись. – Он надавил одной рукой на ее поясницу, а другой приподнял край платья, чтобы ощупать красивую попу. – Что у нас тут? – Ярко-синие трусики, усыпанные золотистыми звездочками с переплетенными полумесяцами в центре. – Твой экстравагантный вкус в белье не перестает меня изумлять. Выглядишь, как эротическая картина Ван Гога.

Хэдли усмехнулась, оглянувшись на Лоу, а стоило ему скользнуть рукой под расшитую ткань, резко втянула воздух и улеглась на витрину. «Боже, какая мягкая кожа». Лоу благоговейно ощупал сначала одну округлость, потом вторую, потянул шелк, пока трусики не скользнули между ягодицами, обнажая нижнюю часть бледной попы. Красота. Ему особенно нравилось, как Хэдли вздрагивала под его ласками. Ее реакция подействовала на него будто красная тряпка на быка. Член явно оценил открывшийся вид.

Лоу не спеша стянул звездные трусики. С этого угла ее попа выглядела как перевернутое сердце. Но привлекало его то, что находилось у нее между бедер.

– Подними ногу, – хрипло приказал Лоу, отбрасывая белье, и попросил: – Разведи ноги шире.

– Лоу...

– Тс-с. – Он скользнул на колени позади Хэдли и поцеловал верхний край чулок. Облизнул ямочки под округлыми ягодицами. Хэдли тихо, хриловато стонала. И только в нетерпении переступила с ноги на ногу, как он раздвинул ее бедра обеими руками. – Боже мой.

Он увидел влажную, возбужденную, розовую плоть в обрамлении мокрых черных кудряшек.

Опьяненный ароматом ее женственности, он склонился и принялся медленно облизывать, пока Хэдли не застонала и не согнула колени. И продолжил, пробуя теплую влагу, сочащуюся из ее лона. Такая влажная, и вся для него.

– Пожалуйста, – прошептала Хэдли.

О, как же ему понравилась ее мольба. Если она станет повторять это слово ежедневно всю оставшуюся жизнь, он умрет счастливым. И Лоу попытался помедлить, чтобы снова услышать эту просьбу, но сейчас ему так же отчаянно хотелось испытать наслаждение, как и Хэдли.

Он коснулся кончиком языка маленького бутона, несколько раз двигая его из стороны в сторону, чтобы оценить реакцию. И как только Хэдли вскрикнула и приподняла бедра, чтобы дать ему больший доступ, полностью отдался процессу и подарил ей желаемое. Он размеренно вылизывал ее сверху вниз и снизу вверх, посасывая и щелкая языком. Обводя клитор по часовой и против часовой стрелки. Пока он держал ритм, Хэдли дарила ему восхитительные звуки.

И какое-то время Лоу верил, что может просто давать, а не брать, но ноющая боль в

яичках стала невыносимой. Боже, Хэдли превратила его в бешеное животное, неспособное себя сдерживать. Никто его так сильно не привлекал. Ее запах, вкус, фигура. Смех. Ледяной взгляд. Аристократический акцент. То, как она шурила один глаз, решая проблему. Все это его возбуждало. Слава богу, Лоу не встретился с ней в семнадцать, когда едва выдерживал несколько часов в школе без оргазма. Он бы никогда не получил среднего образования.

Раскрыв ее складки одной рукой, дрожащими пальцами другой он расстегнул ширинку, откуда выскользнул тяжелый и твердый как сталь член. Проведя по нему рукой, Лоу почувствовал облегчение. Проклятье, он не мог больше ждать.

Не обращая внимания на возражение, он поднялся, расставил ее ноги и с прерывистым стоном направил член в ее влажное жаркое лоно. Хэдли напряглась и вскрикнула, выгнувшись и оторвавшись от стеклянной поверхности.

– погоди! – предостерег Лоу, нажав рукой на спину и снова укладывая ее на витрину. Он начал двигаться быстро и решительно, совершенно не сдерживаясь. Просто несся к забвению, непременно желая довести Хэдли до новых высот. Завоевать и овладеть ею.

И если тихий голосок в голове лишь предупреждал Лоу об осторожности и призраках ее прошлого, то другой голос, погромче, избавил от сомнений.

– Да, да, да! Боже, спасибо тебе, да, спасибо... – кричала она, уцепившись за край витрины. Хэдли повернула голову так, что прижалась щекой к стеклу и от восторга открыла рот.

Никакой хрупкости, надломленности и призраков.

Ее крики звучали в полутемном зале, отражаясь от витрин и колонн. Их могли застать, но, черт побери, если он оставит Хэдли неудовлетворенной. Лоу только сильнее сжал ее потрясающие бедра обеими руками и быстрее задвигался, ощущая, как по шее потекла струйка пота. Пока они были лишь частями машины, наполняющими друг друга наслаждением, будто топливом. Со временем прерывистые стоны и мольбы стали отчаянней, Хэдли сжала его крепче.

– Вот так, кончи для меня, – прошептал Лоу.

Он скользнул рукой по ее бедру к влажным кудряшкам. Средним пальцем погладил напряженный клитор раз, другой... Хэдли стала задыхаться, дернулась и стиснула член, пока Лоу не застонал и не начал действовать еще упорнее. А потом...

Да.

Вот раздался ошеломленный прерывистый крик. Не останавливаясь, Лоу довел Хэдли до оргазма, лаская пальцем клитор, пока она не перестала кричать и содрогаться. Она прижала ладонь к его руке, показывая, что больше не выдержит.

В груди Лоу зародилась радость собственника, а в пояснице стало жарко. Боже, яйца сейчас взорвутся. Ускорившись, он двигался в Хэдли, с одержимостью стремясь к цели, готовясь присоединиться к ней на пике наслаждения. И, о боже, нет!

Неудивительно, что ему было так хорошо. Он забыл проклятый презерватив.

Неважно, как это получилось. Придется выйти из нее сейчас же.

Поддавшись какому-то безумному порыву, Лоу застонал и вышел из ее влажного жаркого лона. На такое способен лишь святой! И тут же схватил Хэдли за руку. Он едва расслышал ее изумленный стон, когда поставил ее на колени и обхватил затылок. Боже, она его за это возненавидит, но он не мог остановиться и прижал головку члена к ее губам.

– Хэдли, – взмолился Лоу. Он понимал, что ведет себя по-скотски, но пусть она...

Хэдли раскрыла губы, посмотрела на него расширенными карими глазами, взяла его

член в рот и принялась сосать.

Все мысли вылетели из головы. Лоу откинул голову, и нахлынул экстаз. Он толкнулся в ее рот и стал кончать.

Небесные боги, казалось, что он отдает ей душу. Лоу вздрогнул, пошатнулся, едва не упал и сжал ее волосы в кулаке. Черт! Он едва дышал. Но пока по венам текло наслаждение, он постепенно стал различать окружающее пространство. И вместе с тем испытал сильный стыд.

В любую секунду Хэдли могла отпихнуть его и послать к черту. В любую секунду. Лоу в этом не сомневался. Поэтому, когда она выпустила его из своего рта, вовсе не ожидал нежных поглаживаний или легкого поцелуя в головку, отчего по ногам пошла дрожь, заставив приподняться на носочки.

А когда Хэдли наконец отпустила его и встала, Лоу к своему изумлению увидел ее игривую улыбку. Милостивые боги, какая это была улыбка! Одновременно дразнящая и робкая, что сбивало с толку. Лоу обнял Хэдли и поцеловал в макушку, повторяя ее имя, как молитву, пока они пошатывались на нетвердых ногах.

– Не знаю, о чем я думал. Позабыл презерватив, – пробормотал он, вдыхая цитрусовый аромат ее волос. – Мне жаль.

– А мне нет.

Он приподнял ее лицо и изумленно убедился в ее искренности:

– Ты в самом деле не обижаешься.

Хэдли покачала головой.

Лоу тяжело вздохнул, а на его лице появилась глупая улыбка, пока он натягивал и застегивал штаны.

Хэдли заправила его рубашку.

– И еще: случившееся натолкнуло меня на одну мысль.

– Да?

Их ласки подвигли бы Лоу на многое, только не на мысли.

Хэдли пояснила:

– Когда ты наклонил меня к витрине, я подумала, что с третьим именем что-то не так.

– А я считал, что довел тебя до эйфории и блаженства.

– О, ты так и сделал, поверь, – мечтательно произнесла Хэдли. У нее глаза закрывались от удовлетворения. – Но после того, как ты стянул меня со стекла, будто бешеный мародер...

Лоу застонал.

– Не переживай, мне очень понравилось, – ответила она, вскинула бровь и робко улыбнулась. – Но...

– Но?

– Кажется, я вспоминала «гобелен» и твои подколки насчет моей способности рифмовать. И тут поняла, в чем проблема. Мы правильно расшифровали пиктограммы, а вот моя мать неправильно написала имя.

– Правда?

Хэдли схватила его за лацканы пиджака и взволнованно произнесла:

– Лоу, я точно знаю, где третья канопа. И могилы там и в помине нет.

Глава 27

– В пиктограмме зашифровано не Л-Е-В-А-Й-Н, а Л-Е-В-И-Н. Пять букв, а не шесть.

– Левин? – Лоу глядел на нее как в тумане, поглупев после сильного оргазма. – В нашем списке я такого не припомню.

– А его там и нет. Но я как раз вчера прочла статью в «Кроникл» о строительстве кинотеатров в Сан-Франциско. Многие из них оплачены братьями Левин, включая тот, что находится в Ричмонде. «Александрия» – личный проект Сэмми Левина.

– Почему мне знакомо это имя?

– Потому что он одержим тем же историческим периодом, что и мы. – Хэдли поправила узел его галстука. – У нас еще остался один заговоренный мешочек?

– Да.

– Нам он понадобится. В газете говорится, что в воскресенье вечером в «Александрии» состоится торжество. Хозяин пытается войти в голливудское общество, чтобы снять побольше фильмов в Сан-Франциско, и выставит свою личную коллекцию на всеобщее обозрение. Готова поспорить, что там мы найдем канопу Квебехсенуфа.

Попытка не пытка.

И они решили проверить эту зацепку...

Ранним вечером воскресенья Лоу открыл дверцу серебристого «паккарда» и помог Хэдли сойти на тротуар, где перед кинотеатром «Александрия» собрались состоятельные гости. Мимо увенчанных цветами лотоса колонн они прошли через вход в египетском стиле и встали возле закрытой билетной кассы в очередь: мужчина в костюме собирал у дверей приглашения. Репортеры неподалеку фотографировали красивую пару – судя по ажиотажу, кинозвезд. Но даже легкий блеск Голливуда не мог отвлечь Лоу от странного, острого ощущения слезки. Он использовал последний мешочек Велмы ради безопасности, но все равно не мог избавиться от чувства, что что-то пошло не так.

Хэдли прошептала:

– У всех есть приглашения.

– Я что-нибудь придумаю.

– Пожалуйста поспеши, а то я вижу знакомого в только что подъехавшей машине.

Лоу застонал. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь раскрыл их легенду. Легче обманывать в приватной обстановке, чем в толпе. Он внимательно рассмотрел очередь и украдкой провел Хэдли мимо нескольких пар.

Швейцар поднял голову и улыбнулся.

– Добрый вечер.

– Будет добрым, когда мы войдем, – ответил Лоу с тем же воодушевлением. – Чертовски прохладно. Не хотелось бы вас затруднять, но моя помощница случайно оставила наше приглашение в гостинице. Вообще, это моя вина, Мы приехали сегодня из Лос-Анджелеса, и дорога заняла больше времени, чем я думал. Заснул в номере, когда надо было переодеваться.

– Что ж, просто...

– А потом она позвонила мне и сказала, что машина готова. Пришлось собираться в спешке, и мы едва сюда успели. В общем, если вам очень нужно это приглашение, конечно, мы можем перезвонить в приемную «Палас-отеля» и попросить кого-нибудь из управляющих открыть номер и найти необходимое.

Швейцар посмотрел на очередь нетерпеливых гостей и почесал ухо.

– В гостинице мы записаны как сотрудники «Коламбия пикчерс», если надумаете туда звонить, – добавил Лоу.

– Из «Коламбии»? – Швейцар посмотрел на шубу Хэдли и указал рукой на вестибюль.
– В этом нет необходимости, прошу, заходите.

Ну, все-таки получилось неплохо.

Лоу провел Хэдли в кинотеатр. В просторном зале лежал зеленый узорчатый ковер. Множество колонн. Бронзовый египетский барельеф на стенах. Вереница гостей поднималась и спускалась по прекрасной лестнице к площадке, где подавали напитки и закуски. Но внимание Лоу привлекла выставка в дальней части помещения.

Частная коллекция Сэмми Левина.

Хэдли была права. У них общая одержимость. Однако мистер Левин тяготел к сюрреализму. В центре коллекции стоял большой египетский трон с крепкими изогнутыми подлокотниками, украшенными цветами лотоса. Табличка над ним указывала, что это реквизит из фильма «Клеопатра», значит это на нем сидела полуодетая Теда Бара. Неудивительно, что мистеру Левину удалось его получить, потому что предметы на полках вокруг трона составляли богатое, разнообразное собрание египетских экспонатов, начиная с голливудского реквизита до скульптуры, которая выглядела очень древней и настоящей.

Мистер Левин был неприлично богат.

И ему хватит средств не только построить несколько кинотеатров в Сан-Франциско, но и приобрести сокровища, место которым в департаменте антиквариата музея.

– Ты знала, что у него такая коллекция? – прошептал Лоу Хэдли на ухо.

– Мистер Левин несколько раз перебивал цену музея де Янг на аукционе. Ничего особенного: несколько драгоценностей и сломанная погребальная маска. До меня дошли слухи, что он мало разбирается в том, что приобретает. Просто забирает желаемое, как мальчишка в магазине игрушек. Чем больше блестит, тем лучше.

Лоу понял, что Хэдли с Левином не знакома. Она видела его мельком на благотворительном вечере в прошлом году и знала, что он немного не в себе. Поговаривали, будто у него устроено тайное убежище на втором этаже кинотеатра и иногда между сеансами его видели на балконе попивающем виски в халате.

Лоу мог себе представить, как одна из каноп стоит среди этого странного собрания антиквариата и новодела. Но любопытство сражалось с вновь появившемся чувством, что за ними следят. Неужели прежний партнер доктора Бэкола осмелится натравить на них волшебных созданий у всех на виду?

Лучше найти чертову штуковину и убраться отсюда поскорее.

С подозрением осмотрев толпу, Лоу прижал Хэдли к себе поближе и встал в очередь, которая двигалась мимо полицейского в униформе, охранявшего выставочные экспонаты. Половина присутствующих понятия не имела, сколько стоили предметы в пределах их досягаемости. Проклятье, большинство просто хотели сфотографироваться на троне. Голливуд важнее пыльных реликвий.

Ну и ладно. Значит, можно спокойно рассмотреть половину выставочных экспонатов. Он принялся искать нужную урну, но стоило им обойти несколько полок, Лоу заметил кое-то ужасно знакомое.

Статую золотого крокодила.

Левин был тем самым таинственным клиентом Монка.

Нет, это совершенно невозможно! Лоу зажмурился, желая, чтобы эта статуя исчезла, а потом снова взглянул. О, да, тот самый крокодил. И так как он точно знал, что подлинная статуя стоит в витрине в Нью-Йорке, значит это подделка Адама.

В теле Лоу словно разгорелся пожар. Он ослабил галстук, ничего не чувствуя от внезапного наплыва паники, спутавшей его мысли. Лоу утер лоб и оглянулся. Ладно, еще не все потеряно. Им надо только найти чертову урну и сбежать. И, возможно, искомого вообще здесь нет. Хэдли ведь могла ошибиться. Он повернулся, чтобы высказать свое предположение, но увидел, что любимая стоит совсем рядом с полкой и пристально смотрит на крокодила.

– Лоу, эта статуя напоминает экспонат позднего периода, который украли из захоронения в Эль-Файюме. Как же этот крокодил оказался здесь?

Лоу молчал, чувствуя, будто пол под ногами расплавился. Его бросило из жара в холод, а на коже выступили капли пота.

Нужно рассказать ей сейчас, но тогда Хэдли заподозрит, что амулет тоже подделка. Она узнает, что он собирался обмануть ее отца, и возненавидит за это. Всю прошлую неделю он чувствовал себя не в своей тарелке из-за необходимости скрывать их связь, но проблема не только в этом. Он обманывал себя, думая, что удастся не открывая правды, спрятать свою незаконную деятельность. Он считал, что сможет вернуть долг Монку и помочь отцу Хэдли без ее ведома. Отличный план, выполнить который далеко не просто.

Но с первой встречи на железнодорожной станции и до прошлой ночи, которую он провел в ее постели, их отношения стали значить для него намного больше, и теперь он попал впросак.

Он потеряет Хэдли из-за своей лжи. Надо было ей признаться. Она приняла историю с Адамом и Стеллой и, возможно, примет и его не совсем законную деятельность. Но теперь слишком поздно.

Он был дураком, проклятым идиотом.

К ним подошел высокий худой мужчина во фраке. На висках виднелись две седые полоски, напоминающие крылья в черных волосах.

– Добрый вечер. Вам нравится моя коллекция?

– Мистер Левин, – ответила Хэдли на октаву выше, чем обычно.!

Коллекционер украдкой посмотрел на Хэдли.

– Мы не встречались? Дорогая, вы кажетесь мне очень знакомой.

– Боюсь, что нет.

– Мы только сегодня приехали из Лос-Анджелеса, – выпалил Лоу, сумевший каким-то образом взять себя в руки.

– Да, из «Коламбия Студиос», верно? Швейцар сообщил одному из моих подчиненных, и я просто не мог не встретить вас сам. Чем вы занимаетесь?

Чудесно. Уж Левин точно поймет, что они солгали о забытом в гостинице приглашении. Лоу протянул руку и быстро придумал вторую версию.

– Я продюсер Джеймс Андерсон, а это моя помощница мисс Блэк. Мы приехали сюда, чтобы найти место для съемок детективного фильма. Узнали о вашем торжестве и решили попридти. Надеюсь, вы не против, что мы явились без приглашения?

– Конечно нет, это приятный сюрприз.

Левин слишком сильно сжал его руку. Хотя, может, Лоу и показалось. Он напомнил себе, что Монк часто проводил тайные сделки и вряд ли сообщил его имя покупателю. Не стоит паниковать.

Левин прищурился.

– А что вы снимаете?

Лоу кратко описал роман с продолжением Дэшила Хэммета из журнала «Черная маска» о циничном частном детективе, занимающемся поисками исчезнувшего на улицах Сан-Франциско драгоценного камня. Левин слушал, а вот Хэдли – нет. Время от времени она с любопытством поглядывала на статую крокодила и, выслушав восторженный ответ коллекционера на выдуманный Лоу рассказ, сделала шаг вперед и указала на интересующую ее вещь.

– Извините, мистер Левин, мне очень понравился этот экспонат. Как вам удалось его получить?

– Моя дорогая, странно, что вы спрашиваете. Я купил эту статую у человека, который, скажем так, торгует антиквариатом подпольно.

– О боже!

Левин скрестил руки на груди и наклонился ближе к Хэдли.

– Я вас шокировал? – спросил Левин. – Потому что я тоже был до крайности изумлен, когда мой юрист сообщил, что с бумагами на крокодила что-то не в порядке. И тем больше меня выбило из колеи известие, что существует еще одна такая же статуя в частной коллекции шотландского лэрда, который теперь живет на Манхэттенне.

– Подделка? – Хэдли прищурилась, разглядывая статую. – Как интересно. Она очень похожа на подлинник.

Левин улыбнулся.

– Правда, похоже? Ваш напарник очень талантлив.

Между ними повисло молчание, которое распространялось в забитом вестибюле кинотеатра, пока все не утихло. Лоу уже попадал в такие ситуации, в которых надо молниеносно принять решение, выкарабкаться благодаря подвешенному языку либо сбежать. Но, черт побери, сейчас он застыл, не в силах вымолвить ни слова.

И вдруг все выскользнуло у него из рук: деньги, будущее, гордость. И, судя по выражению лица Хэдли, она сама.

И, будто Бог не наказал его достаточно, из-за спины Левина выступил темноволосый мужчина в длинном коричневом пальто.

– Рад новой встрече, Магнуссон. Я переживал, что ты меня избегаешь.

Монк Моралес.

За ними следил не бывший партнер Бэкола. Если бы весь мир Лоу не разрушился, он, возможно, посмеялся бы над иронией судьбы, что использовал последний волшебный мешочек Велмы не на том человеке.

Левин кивнул паре полицейских, охранявших его коллекцию, и обратился к Лоу.

– Давайте мы вчетвером переговорим в моем кабинете наверху. А офицеры позаботятся, чтобы нас не прервали.

Глава 28

Хэдли не произнесла ни слова, когда Левин провел их в закрытый коридор на втором этаже кинотеатра. Тут какая-то ошибка. Должно быть объяснение, правдоподобная причина. Она вспомнила тот день, когда они ели суп-пюре из моллюсков на пристани, и миссис Алиото сообщила, что Лоу ищет Монк Моралес. Тот лишь отмахнулся. Сделал вид, что это ерунда.

Но изготовление подделок вовсе не ерунда.

В ее голове образ Лоу разделился надвое: мужчина, которого она знала, кому подарила свое тело и сердце, и тот, кем его представляла до знакомства: кладоискатель,

охотник за сокровищами, член семьи преступников.

Изготовитель подделок.

Левин открыл дверь. Снаружи ждал полицейский, а Хэдли прошла за Лоу и мистером Моралесом в большой кабинет из черного дерева, с дорогими коврами, камином и нелепым пафосным столом, занимающим половину комнаты. У стен стояли шкафы с книгами и несколькими египетскими экспонатами. Канопа тут не было. И сейчас ей на это плевать.

Левин остановился у камина, на мгновение погрел руки, а потом уселся за огромный стол в кожаное кресло с высокой спинкой, напоминая скорее короля, чем владельца кинотеатра.

– Должен сказать, мисс Бэкол, я и не думал, что вы заводите друзей из низов.

Она застыла.

– Вы знаете меня?

– Вы похожи на свою мать как две капли воды. С ней дружила моя покойная жена.

Они общались на музейных вечеринках.

Возможно, его покойная жена приобрела канопа у ее матери.

Левин открыл ящик и вытащил сигару.

– И ваш отец всем известен. Мы иногда встречаемся в Нью-Йорке. Во всяком случае, раньше виделись, когда он приезжал на Восток, чтобы купить экспонаты для музея.

– Он никогда вас не упоминал, – язвительно ответила она.

Левин отрезал кончик сигары.

– Я видел его несколько лет назад. Но когда люди Монка сообщили, что вы двое, – он кивнул на Лоу, – вместе бродите по городу, я удивился. А доктор Бэкол знает, что вы проводите время с мошенником? Потому что вряд ли подобные связи хороши для музея. Особенно, если пойдут слухи, что мистер Магнуссон занимается подделками.

– Не вмешивайте ее, – сказал Лоу. – Она ничего не знала. И, если честно, мистер Левин, я с вами сделок не заключал. Это между мной и Монком.

– Конечно, черт побери! – воскликнул Монк, сдвигая шляпу так высоко, что она едва не упала с головы. – И как ты собираешься уладить наше дело?

– Только так, как могу: верну твои деньги. – Лоу прищурился и поднял руку, чтобы успокоить гангстера. – Я завтра заскочу к тебе и отдам половину наличными...

– Мне не нужны деньги, – отрезал Левин, бросая сигару на стол, будто ребенок-переросток. – Я хочу настоящую статую.

– У меня ее нет, – сказал Лоу.

– Неужели? – Левин схватил телефонную трубку и со стуком опустил перед ним. – Значит, я сам позвоню тому шотландцу-коллекционеру и дам знать, что есть вероятность, что и его крокодил – подделка.

Лоу на миг прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Послушайте...

– Сколько ты этим занимаешься? – спросила Хэдли, вмешиваясь в разговор. Ей было плевать, в обществе гангстеров они или королей. – Сколько?

Лоу повернулся к ней лицом.

– Хэдли...

– Ты так делал со всеми находками, которые привозил из Египта?

– Нет, нет, – повторил он. – Я все тебе расскажу, – прошептал он, умоляя взглядом. – Прошу, просто дай мне поговорить с Монком.

Ей сразу стало холодно, а в голове прошла параллель от статуи крокодила к тому, зачем они пришли в этот кинотеатр. – И амулет тоже? – прошептала она, закрывая рот ладонью.

– Хэдли...

Она отшатнулась от него подальше.

– Скажи мне сейчас же. Посмотри мне в глаза и скажи, что не хотел обмануть моего отца. Что ты не планировал взять его деньги, а сам... – Боже, она не могла дышать, едва произносила слова: – Прошу, скажи, что ты не собирался позволить ему умереть, чтобы подзаработать.

Лоу подбежал к ней, когда она попыталась отойти. Он успел схватить ее за руку и прижал к груди. Она чувствовала, как колотится его сердце.

– Клянусь всеми святыми, я не собирался. Точнее, планировал поначалу. Мне нужны были деньги и быстро. Я не знал ни тебя, ни твоего отца. Не предполагал, что между нами случится.

У нее перед глазами все поплыло.

– Но это случилось,

– И я изменил свои планы, – настаивал Лоу, пытаясь поймать ее взгляд. – Я не смог бы... не стал бы. Боже, Хэдли, прошу, поверь мне. Я обещал, что когда буду держать тебя за руку, то не стану лгать.

– Ты должен был мне сказать! – Хэдли вырвалась и вытерла глаза. Обида и гнев искромсали ее здравый смысл на кусочки и сдули их как конфетти. В груди болело. Она не могла ни видеть, ни дышать. И будто по зову сирены, на ее горе явились призраки, принеся с собой тревогу. Хэдли почувствовала их появление: тени заскользили в углах комнаты... Черные фигуры двигались на периферии ее полных слез глаз. Температура в уютном офисе упала на несколько градусов.

– Ваши личные проблемы достойны внимания, – сухо сказал Левин. – Уверен, ваш отец будет рад тому, что вы путаетесь с такими мужчинами как Магнуссон. Но если не хотите, чтобы об этом узнал весь город, то убедите вашего хахаля сделать то, что я просил. Я хочу получить настоящую статую и немедленно.

Лоу не обратил на Левина внимания и потянулся к отступающей Хэдли.

– Не надо, глубоко вдохни. Можешь убить меня потом, если хочешь, но не вреди им. Ты об этом пожалеешь.

– Ты должен был мне сказать, – повторила она. Черное море призраков Мори нахлынуло в кабинет. Они забирались на шкафы, носились по потолку, поднимались от пола. Их получеловеческие фигуры окружили Лоу.

Они так голодны.

Хэдли была на грани потери самообладания. Смутно услышала, как у нее вырвалось тревожное рычание.

– Что, черт побери, происходит? – пробурчал Левин.

– Магнуссон, – рявкнул Монк. – Если хочешь еще работать, то слушай: я хочу получить свои деньги, а Левин – настоящую статую. Тащи сюда свой зад и начинай звонить.

– Хэдли, умоляю, считай, если надо, – попросил Лоу.

Но ей уже было плевать на все.

– Я не шучу.

Монк поднял руку, послышался металлический щелчок.

Хэдли повернулась и увидела, что на Лоу нацелен пистолет. И тут она потеряла контроль.

Мори собрались у полки возле Монка и столкнули вазу, которая упала на его плечо, усеивая керамическими осколками.

– Аррр!

Гангстер пошатнулся и выронил пистолет.

Лоу кинулся за оружием, а Левин закричал и в замешательстве подскочил с кресла.

И в неразберихе Хэдли выпустила Мори на волю, мысленно давая позволение: «они – ваши».

Зловещий холод всех призраков пробрал ее до костей.

Шелестя страницами, с полок посыпались книги. Будто снаряды в кожаных обложках они падали на троицу со всех сторон. У Монка подогнулись колени, и гангстер упал на пол, погребенный под фолиантами. Разбилось стекло. Взорвались лампочки, погрузив помещение в темень, освещаемую лишь мигающим оранжевым пламенем камина.

– Хэдли!

Дверь распахнулась. Из коридора полился белый свет, когда в кабинет вбежали двое полицейских.

– Какого...

Беспорядок, крики, стук. Ящики картотечного шкафа открывались один за другим, а их содержимое поднялось в воздух, трепеща вокруг Левина. Духи отпихнули огромный стол с жутким скрипом. Левин вовремя подпрыгнул: его чуть не придавило к стене стулом.

К Хэдли кто-то кинулся, отпихнул в сторону и сбил с ног. Она ударилась спиной об пол, а из легких выбили весь воздух.

Боль, резкая агония. Ужасная яркость перед глазами усилилась, а потом отступила. Хэдли с трудом пошевелилась, наконец вдохнула и открыла глаза. Ее что-то придавило. Судя по теплу, вовсе не дух.

– Хэдли!

Кто-то несколько раз повторил ее имя, а потом начал произносить цифры.

Она заморгала в замешательстве, пытаясь скинуть невероятную тяжесть.

– Десять, одиннадцать, двенадцать...

Тут над ней в тени появилось лицо Лоу. Она увидела, что его губы шевелятся. Услышала, как он считает. И когда связала одно с другим, печально всхлинула.

– Все в порядке, я держу тебя. Все нормально.

Ярость испарилась вместе со слезами. Хэдли почувствовала, что Мори слабеют и бешено протестуют, когда окружающий неистовый хаос начал успокаиваться. Духи пропали один за другим.

Где-то вдали послышались сердитые крики оглушенных людей. Едкий дым. Кто-то тушил огонь. Но все эти тихие звуки вышли на передний план, когда Лоу закричал ей на ухо. Вес и тепло его тела вдруг пропали.

Она подняла голову и увидела, что полицейский поднял Лоу на ноги.

– Арестуйте его, – сердито закричал Левин, вытирая руки о потрепанный фрак. Неподалеку у камина дымилась стопка книг.

– По какому обвинению? – спросил один из полицейских, Он сдержанно рассматривал помещение, усеянное множеством испорченных книг и осколков, и нахмурил брови, явно переживая, что снова появится невидимый торнадо.

– Мне плевать. Порча имущества, кража...

Второй полицейский отпихнул ногой книгу и взял пистолет Монка.

– Например, ношение незарегистрированного оружия?

Коллекционер помог Монку подняться.

– Просто арестуйте его и назначьте высочайший залог.

– А с ней что делать?

– Если коснешься ее, я тебя придушу, – процедил Лоу сквозь зубы, вырываясь из схватки полицейских.

– Вы все слышали, как он мне угрожал, – заметил Левин.

Когда Хэдли встала на одно колено, Левин отшатнулся, глядя на нее со страхом и недоверием. Она видела ту же безумную неуверенность на лицах других людей десятки раз. Коллекционер знал, что кавардак устроила именно она, хоть это было и немыслимо. Но Левин был слишком труслив, чтобы задавать вопросы. Лучше придумать рядовую причину произошедшего, независимо от того, насколько она неправдоподобна.

– Отпустите ее, я потом свяжусь с ее отцом, – сказал Левин.

Хэдли покраснела от гнева, но не успела и рта раскрыть, как в коридоре раздались шаги. Еще люди, еще расспросы. Пресса уже здесь, на торжестве. Не хватало, чтобы все узнали, куда она вляпалась.

Хэдли встала на подкашивающихся ногах и посмотрела на Лоу. В меняющемся свете камина она увидела ссадины на его лице. Капли крови на воротнике белой рубашки. И новая волна обиды чуть не нахлынула снова. Боль от предательства и потери разрывала ее сердце, как кусты дикой ежевики.

Хэдли не могла находиться с Лоу в одной комнате. Только не сейчас. Если она снова потеряет самообладание, Мори спялят весь чертов кинотеатр дотла.

Глава 29

Хэдли молча вышла за дверь и миновала небольшую группу обеспокоенных служащих, пытавшихся заглянуть в кабинет. Спускаясь по лестнице, она проталкивалась через толпу галдящих зевак и попутно слушала обрывки разговоров: «Что происходит? Драка? Полиция кого-то арестовала».

Выбравшись из толчеи, Хэдли увидела других работников театра и полицию. А вход все еще охранял тот кретин, что сдал их Левину.

Куда же идти? Она запахнула шубу и опустила голову, направляясь в противоположный угол вестибюля. От паники мысли прояснились. И хоть рассудок требовал бежать, она ощутила нечто странное, отчего волосы на руках встали дыбом. Сделала пару шагов по одному из боковых коридоров, и чувство усилилось. Где?

Хэдли заметила надпись «Дамский оазис» и поспешно вошла, оказавшись в элегантной комнате отдыха. Тут стояли пальмы в горшках, диваны и мягкие кресла. Дальше находилась ярко освещенная уборная. Все тихо, спокойно и обманчиво нормально.

На противоположной стене висело большое позолоченное зеркало, украшенное папирусом, а под ним на узком мраморном столике совершенно невинно стояла канопа с головой сокола.

В кабинке спустили воду, и Хэдли, сдерживая беспокойство, стала ждать, прислушиваясь к стуку каблучков и журчащей из крана воде. Наконец, из уборной вышла женщина средних лет и натянуто улыбнулась. Как только дверь закрылась, хранительница бросилась к урне, подняла ее над головой и с силой опустила на мраморный стол.

Засверкало золото. Хэдли подхватила покотившуюся по столу перекладину и, не обращая внимания на жуткую энергию, исходящую от реликвии, сунула в карман шубы.

– Боже мой! Дорогая, вы в порядке? – спросила вбежавшая на шум незнакомка.

Хэдли толкнула дверь и молча вышла. Впервые за последние недели, у нее была ясная голова. Если любовь – густой туман, то разбитое сердце – холодный зимний дождь, который все смоеет. И несмотря на раскрывшиеся за последние недели обманы – то, что отец скрыл интрижку ее матери, тайные мотивы Оливера, – случившегося сегодня она не ожидала. Но справится, как бы больно ни было.

И Хэдли знала только одного человека, способного рассказать ей всю правду.

В толпе на балконе показалась светловолосая голова. Гости торжества собрались у лестницы, наблюдая, как полицейские силой тащат Лоу вниз. Ей все равно, пусть гниет в тюрьме.

Хэдли быстро проскользнула под ограждающей веревкой в ту часть зала, где находилась пострадавшая коллекция Левина, и схватила еще одну нужную ей вещь.

Хэдли было не до сна: полночи она рыдала, а остальное время пыталась отогнать Мори, чтобы Четвертый не попал под раздачу. В какой-то момент эмоциональная боль стала настолько острой, что она начала искать способ простить Лоу.

Но можно ли надеяться, что больше он ее не обманет?

Хэдли невольно представила, какое непростое будущее ждет ее с Лоу. Полное лжи и бесконечных уловок. Как она будет сидеть дома и тосковать по нему, пока он на другой стороне земного шара предает ее... возможно, даже с другими женщинами.

Похоже, первоначальное мнение было верным. Лоу слишком красив, у него подвешен язык, он легко лжет. Умеет придать всему этому шарм, но это лишь маскировка. Нет ничего очаровательного в том, чтобы строить жизнь на лжи. И когда это прекратится? Хэдли бы не удивилась, если бы выяснилось, что она еще знает не обо всех обманах.

Неужели она такая дура?

Хэдли поставила себе задачу отыскать ответы.

На следующее утро она вытерла слезы и в одиночестве отправилась на поиски.

Найти Адама Голдберга оказалось просто. Хоть Лоу и утверждал, что его друг исполняет роль дракона, охраняющего сокровища, но она была уверена, что Адам вовлечен в аферы с антиквариатом. Дружески поболтав с юной телефонисткой, Хэдли раздобыла список предприятий в Филморе с фамилией «Голдберг» в названии, и когда на линии раздалось «часовщик», сразу поняла, что нашла нужный адрес.

На улице моросил серый дождик. Чтобы спрятать лицо, Хэдли надела старую шляпку с широкими полями, а затем, дабы избежать слезки, проехала сначала в одном такси, потом пересела в другое. Убедившись, что ее не преследуют, заплатила водителю и попросила подождать, а сама вошла в небольшой магазин.

Над дверью зазвонил колокольчик, сообщая владельцу о приходе клиента. Хэдли сняла перчатки и оглядела теплую комнатку, чувствуя запахи флюса для пайки и меди. Деревянный стол отделял небольшой участок для посетителей от рабочего места, где на стене возле печи и шлифовальных машин висели пилы и фигурные молотки. В противоположной части комнаты над столом висела яркая лампа на поворотной рамке, освещающая чистые подносы с проволоками, шестеренками и шурупами. В уголке возле большого стола разместился столик, где над цветным рисунком склонилась Стелла. У ее локтя сидел заводной черный кот – подарок Лоу.

У Хэдли сдавило грудь, когда она смотрела на девочку, которая ее не заметила. Неужели она действительно ребенок Лоу? И сколько раз он смотрел на кудряшки Стеллы и думал о том же? Можно только представить, как больно ему отступить и смотреть, как она растет, ощущать груз вины, лежавший на душе.

Лоу предал Адама, своего лучшего друга. Неужели удивительно, что и с ней он поступил также?

На узких ступеньках раздалися шаги. Лестница, должно быть, вела в квартиру над магазином. Показался Адам, вытиравший руки полотенцем. Узнав гостью, он просиял, а потом встревожился и окинул ее настороженным взглядом.

– Доброе утро, мистер Голдберг, – резко поздоровалась она.

– Хэдли...

Стелла подняла голову от рисунка и моргнула. Ее круглое личико расплылось в улыбке. Она бросила карандаш и направилась к Хэдли, но неуверенно застыла на полпути и в поисках защиты, отошла к отцу.

Адам посмотрел через плечо посетительницы.

– А Лоу тоже здесь?

– Когда мы расстались прошлой ночью, его собирались отвезти в тюрьму.

– Господи, что произошло?

Хэдли достала из кармана пальто золотого крокодила и поставила его на стеклянную крышку стола, под которой лежали ряды золотых и серебряных карманных часов на отрезе бордового бархата.

– Это случилось. Вчера вечером мы столкнулись с Монком Моралесом. Полагаю, вам прекрасно известна данная статуэтка.

Адам тихонько выругался на идише.

Хэдли повернула крокодила к себе.

– Превосходная работа, должна сказать, вы меня одурачили, а это многое значит. Но оказалось, что покупатель, мистер Сэмюэль Левин, очень зол, что его надули, поэтому приказал арестовать Лоу.

Адам положил руку на голову Стелле и притянул ее к себе, будто защищая.

– А он знает, что фальшивую статую изготовил я?

– Нет, я сама додумалась. – Хэдли вытащила маленькую золотую перекладину. – Я должна была понять: странно ведь, что вы лишь храните вещи для Лоу, особенно после того, как он рассказал, что Велма Туссен зачаровала сейф с ценностями. Если сейф защищен магией, почему Лоу не установил его в своем доме?

Адам поник.

– Ну да, почему. – Он усадил дочь за столик, закрыл магазин, опустил жалюзи и исчез за дверь. Через минуту он вернулся с коробкой, напоминающей сундучок, черная поверхность которого была покрыта красными символами.

– Накройте стекло, – попросил он.

Она развернула коричневую кожу на стеклянном прилавке. И тут же поняла зачем: коробка была слишком грубой и могла поцарапать поверхность.

– Чугун, – пояснил Адам. – Велма утверждает, что он скрывает вещи. Похоже, работает, поэтому у меня нет причины сомневаться в ее словах.

В ту же минуту, как он открыл замок и поднял крышку, Хэдли поморщилась и отвернулась. От содержимого исходила такая сильная черная энергия, что ее можно

потрогать.

Адам издал низкий горловой звук.

– Вы это ощущаете? Лоу тоже. К счастью, мы со Стеллой не такие чувствительные. – Он вытащил два предмета из коробки и положил их на кожу. – Это оригинал, а вот – сделанная мной копия.

Стараясь не обращать внимания на мерзкую энергию, Хэдли склонилась над столом и от удивления открыла рот. Два одинаковых амулета, состоящих из основания Осириса и двух перекладин.

– Боже милостивый! Вы его копировали по найденным нами частям?

Адам кивнул.

– Лоу хотел сделать копию, чтобы... – Он отвел карие глаза, опустил взгляд и кашлянул.

– Да, он признался мне, – ответила Хэдли. – Собирался обмануть моего отца на сотню тысяч долларов, а оригинал продать другому.

– Не продать... а оплатить долг Монку за фальшивую статую крокодила. Монк без колебаний способен пустить пулю в лоб тому, кто вызвал его неудовольствие.

– Да, именно это он чуть не сделал прошлой ночью. – Хэдли взяла копию амулета и взвесила на ладони, сравнивая с подлинником. Не считая сильной энергии, исходящей от артефакта, она не ощущала никакой разницы. Даже красноватый оттенок золота был выбран правильно. И Лоу собирался отдать настоящий амулет в уплату долга Монку? Конечно, ему нужно было много наличных, но он ведь мог попросить помощи у брата-бутлегера. Черт, если бы он честно рассказал ей и попросил выручить, она бы с легкостью помогла ему с деньгами.

– О боже! – Адам вздохнул и почесал затылок. – Интересно, позвонил ли он брату, чтобы тот внес за него залог?

– Я связалась с полицейским участком час назад и узнала, что Лоу не сделал положенный ему звонок.

– Возможно потому, что Уинтер сдерет с него кожу живьем, если узнает. А гордость Лоу больше Золотых ворот, вы же заметили.

Хэдли не понимала, откуда у лгуна и мошенника вообще осталась гордость. Жаль, что она не может его поколотить и вбить немного здравого смысла в голову этого глупца, чтобы показать всю нелепость его действий. Насколько он упертый, что уничтожил то, что было между ними из-за такой бессмыслицы, как деньги, и такого бесполезного чувства, как гордость.

– Какая красота, – прошептала Хэдли, снова опуская фигурку на кожу. – Не знаю, как вам это удастся, но сходство полное. Я со своим опытом не могу отличить фальшивку. Изумительная работа.

Адам пожал плечами и махнул рукой. Прошло несколько секунд тишины, пока он прошептал:

– Знаете, он вас любит.

От новой волны боли ее глаза снова наполнились слезами.

– Влюбленные не лгут друг другу.

– Вы ошибаетесь. Как раз влюбленные лгут больше всего.

Она украдкой взглянула на Стеллу, и Адам это заметил. Хэдли не знала, догадался ли он о том, что Лоу рассказал ей об их прошлом, но грусти в глазах мастера вынести не могла.

– Если в музее узнают о делишках Лоу и о том, что я с ним встречаюсь, моей карьере придет конец. И ему известно, как она для меня важна. Моя работа – это все. Вся моя жизнь связана с департаментом антиквариата, и... – Что толку объяснять, действительности это не изменит. – Похоже, я недооценила его опрометчивость.

– Не думаю, что проблема Лоу в отсутствии чувств, – осторожно произнес Адам. – Дело в обратном: когда он совершает ошибки, то настолько сосредоточен на том, чтобы все исправить, и настолько уверен в своей способности все уладить, что забывает об общей картине и лишь ухудшает ситуацию.

Хэдли отвернулась, чтобы сдержать бурлящие чувства, и вытащила конверт из кармана.

– Вот, – сказала она, протягивая его Адаму. – Это сумма его залога. Он находится в полицейском участке Ричмонда. Внутри я написала телефон прямой линии местного капитана.

Адам попытался вернуть конверт.

– Внесите залог сами, заодно с ним поговорите.

– А Лоу вам рассказал, зачем амулет нужен моему отцу? – хрипло спросила она. – Он поведал... обо мне?

Адам был сбит с толку.

– Я знаю, что части амулета спрятаны в Сан-Франциско, и сколько ваш отец готов за них заплатить.

– Мой папа очень болен, а этот амулет может спасти его жизнь.

Адам глубоко вздохнул.

– Вы знаете, как умерли родители Лоу?

Хэдли кивнула.

– В аварии. Но это мне известно лишь из газет. Лоу никогда об этом не упоминал.

– Неудивительно. То было ужасное время. Но вы же знаете, что за рулем сидел его старший брат Уинтер?

Она кивнула.

– Он плохо это перенес, винил себя. А Лоу горевал всего пару недель, а потом отправился в Египет. Думал, что сможет убежать от случившегося. Возможно, так и произошло на какое-то время. – Он пожал плечами. – Но, дело в том, что Лоу ни при каких обстоятельствах не выбрал бы деньги, если на кону стоит жизнь вашего отца. Его во многом можно обвинить, но он не чудовище.

Хэдли опустила голову и стиснула зубы, чтобы сдержать слезы.

Через несколько мгновений Адам потянул ей третью перекладину вместе с настоящим амулетом, в который были вставлены первые две.

– Возьмите. Если разберетесь с Лоу и все же захотите сделать копию, то знаете, где меня найти. А если нет... – Он криво усмехнулся. – Ну, он будет мне должен.

– Вы уверены?

Адам отмахнулся и положил копию амулета в коробку, настояв:

– Возьмите.

– Тогда оставьте себе крокодила. Вы ведь его сделали. – Она положила амулет в карман. – Если, конечно, хотите рискнуть. Я постаралась, чтобы за мной не следили, но Монк Моралес держит ухо востро.

Адам положил крокодила в коробку и постучал костяшками по закрытой крышке.

– Тут статуя в безопасности. Велма сказала, что хватит лишь железной коробки: люди веками скрывали ценности в железе. Но ее магия обеспечивает двойную защиту.

Хэдли натянуто улыбнулась, надела перчатки и тут застыла при мысли.

Железо.

Она знала кое-что, сделанное из железа. Оно стояло прямо во дворе семейного дома. Мысленно она представила изображения пиктограмм последней урны. Код которой они не могли расшифровать. Ни одно имя в списке не подходило. Она тысячу раз перепробовала все возможные сочетания.

Кроме одного.

Забавно, как одна неверная буква может совершенно поменять слово.

– Вы в порядке? – спросил Адам.

– Нет, совсем не в порядке, – пробормотала она. И так радовалась отличной идее, которая была настолько захватывающей, что Хэдли не заметила машину, припаркованную через дорогу, и мужчину, вышедшего с водительской стороны, когда она уезжала прочь в такси.

Глава 30

Лоу забрал свои вещи из окошка, кивнул капитану и вместе с Бо поднялся по лестнице в вестибюль полицейского участка.

– Надо было позвонить прошлой ночью, – выговаривал ему стройный мускулистый помощник, опередив Лоу, когда они вышли в унылый дневной свет, льющийся из серых окон. – Если бы шеф Райан знал, что Магнуссона арестовали по сфабрикованному обвинению, он бы выбрался из постели и лично устроил бы подчиненным взбучку.

Лоу поправил галстук и попытался расправить складки на пиджаке. У него жутко болела спина из-за того, что пришлось спать в камере. Лоу смутно запомнил, что не ел ничего со вчерашнего обеда. Однако, все эти физические неудобства и близко не сравнимы с тяжелой болью в душе.

Монк хотел его убить.

Левин готов выставить изготовителем подделок и лишит всякой репутации как археолога.

Теперь не имеет смысла искать перекладыны, поэтому он точно ничего не получит от Бэкола. И в результате Лоу приговорил беднягу к смерти, заодно бросив его дочь на милость опасного человека, владеющего черной магией и страдающего нездоровыми пристрастиями.

И хуже всего то, что Лоу не только потерял Хэдли, но и погубил ее репутацию и карьеру.

– Господи, Бо, я так облажался.

Бо нахлобучил кепку и яро согласился, подтверждая страхи Магнуссона-младшего витиеватым выражением на кантонском, означавшим «абсолютно точно».

– Я был бы тебе благодарен, если бы ты не рассказывал об этом Уинтеру.

– Я в этом не сомневаюсь, – согласился Бо. – Ты порядочный человек, несмотря на недостатки, и ты мне нравишься. Но ты ведь понимаешь, что я предан Уинтеру.

– Просто отвези меня домой. Но сначала надо заскочить к Адаму и узнать, почему он так и не появился.

Капитан сообщил, что Адам позвонил ему в десять утра, обещая прийти минут через тридцать, а сейчас уже час дня. С теперешним везением Лоу, вряд ли Адама задержало что-то хорошее. И хотя ему отчаянно хотелось поехать прямо к Хэдли, надо сначала

повидать друга.

Бо указал на обочину.

– Я привез сюда Лулу. Йонте ждет у входа в автомобиле «пирс-эрроу». Я поеду с ним в театр и заберу «паккард». Молись, чтобы машина еще была целой, иначе Уинтер убьет тебя дважды.

– Одного раза более чем достаточно, – ответил Лоу.

– Эй, взбодришься, – ласковее продолжил Бо. – Ты выберешься, как всегда.

Все всегда бывает впервые.

Лоу застегнул пальто и смотрел, как Бо вприпрыжку спустился по ступеням и сел в лимузин Уинтера. Но когда собрался выйти за дверь, услышал сообщение полицейского телефониста одному из детективов.

Лоу вернулся к регистратуре.

– Вы, кажется, что-то сказали о Филморе?

Телефонист посмотрел на него с подозрением и вопросительно взглянул на детектива.

– Да, о Филморе, – подтвердил детектив. – Там сегодня утром кое-что случилось.

– Убийство?

– Мы пока не знаем. А вам какое дело?

Лоу почувствовал, как кровь отлила от лица, кончики пальцев закололо. Он едва не поскользнулся, выбегая из участка, не в силах произнести ни слова.

Лоу летел на Лулу по городу, ни о чем не думая. Стоп-знаки проносились смазанным пятном. Он не обращал внимания на гудки и безрассудно срезал углы по мокрому асфальту, то вклиниваясь в поток машин, то вырываясь из него.

Он остановил Лулу под визг тормозов и, вилля задней частью мотоцикла, скользнул за двумя припаркованными полицейскими автомобилями. Толпа за ограждением, перекрывавшим вход в магазин Адама, уже начала расходиться. Дверь охраняла парочка копов в форме.

Сердце Лоу ушло в пятки, когда он заметил грузовик с надписью «Городской морг», едущий дальше по улице. Он соскочил с Лулу и бросился к входу в магазин, выкрикивая что-то по-шведски.

Офицер схватил его за руку.

– Эй, вам туда нельзя. Вы говорите по-английски?

Лоу тут же перешел на понятный язык:

– Я друг владельца этого магазина. Адама Голдберга. Где он? Что случилось?

– Сэр, успокойтесь. Как вас зовут?

– Лоу Магнуссон. – Он постарался присмотреться, вдруг узнает одного из знакомых полицейских, которым приплачивал Уинтер, но эти стражи порядка были ему неизвестны. – Брат Уинтера Магнуссона.

Первый полицейский понял намек и прошептал что-то второму. И когда Лоу попытался их обойти, сказал:

– Эй, эй, вам туда нельзя.

– Нет, мне нужно туда! – Лоу отпихнул руку офицера. – Что случилось с Адамом?

– Извини, приятель, – сказал полисмен, закрывая ему дорогу двумя руками. – Вашего друга нашли мертвым пару часов назад.

– Примите наши соболезнования, – серьезно произнес второй, сняв шляпу и склонив голову.

Лоу переводил взгляд с одного на другого, медленно воспринимая сказанное.

Умер.

Адама больше нет.

Невозможно.

Произошла какая-то ошибка.

Лоу моргнул и попытался что-то сказать, но его голосовые связки не работали. Он облизнул сухие губы и попытался еще раз:

– Как? Почему? О боже... где Стелла? Она...

Пожалуйста, боже, нет!

Это невозможно. Только не снова! Он потерял слишком многих и не мог лишиться Адама и Стеллы. Просто не мог. Такого не бывает!

– Вам стоит поговорить с детективом. Мистер Магнуссон, вы в порядке?

Он кивнул.

Они впустили его, но не дали обойти прилавок. Магазин был разгромлен. Повсюду валялось разбитое стекло и раскиданные инструменты. Всем этим полицейским тут не место. Помещение, знакомое Лоу точно так же, как и собственный дом, вдруг стало чужим.

– Детектив Козн, это Лоу Магнуссон, друг Голдберга, – представил его первый полицейский.

Темноволосый мужчина в длинном темно-синем плаще оторвал взгляд от блокнота.

– Как вы сказали? Мистер Магнуссон?

– Тот самый, – подтвердил коп.

Детектив сочувственно кивнул.

– Я знал вашего отца. Примите мои соболезнования. Вы были близки с мистером Голдбергом?

Лоу кивнул, пытаясь что-то увидеть поверх плеча детектива.

– Где Стелла?

– Маленькая девочка?

– Да, да, где она?

Детектив опустил руку на плечо Лоу.

– Она в порядке и в безопасности. Возможно, немного не в себе... хозяин соседнего магазина нашел ее под столом в том углу.

– О... Боже! – Лоу ощущал, что разваливается. Его руки так сильно дрожали, что он сжал кулаки. – Я-я н-не понимаю, ч-что происходит.

– Когда вы в последний раз виделись с другом?

Думай! Когда?

– Дня два назад или три. – Когда он пришел рассказать Адаму о новом плане отдать Монку настоящие бумаги и фальшивый амулет, а доктору Бэколу – подлинник. – Я принес бутерброды, – произнес Лоу, будто это было важно. – Они играли в прятки со Стеллой.

Детектив записал ответ в маленький блокнот.

– А откуда вы его знаете?

– Мы друзья детства, я вырос в этом районе.

– Сколько ему было лет?

– Что?

– Какой возраст?

– Такой же, как у меня – двадцать пять лет. А какая разница? – озадаченно уточнил

он.

Детектив прищурился и кивнул на рабочую половину магазина.

– Похоже, тут кто-то что-то искал. Вы случайно не знаете, что именно? Были ли у мистера Голдберга враги? Его кто-нибудь преследовал?

Боже. Неужели в этом виноват он, Лоу? Убил ли Адама Монк или Левин? Быть того не может. Откуда они узнали? Один из подручных Монка? Лоу был так осторожен, а гангстер вроде и не знал, кто изготавливал подделки, когда допрашивал Лоу в театре прошлой ночью.

– Я так не думаю.

– Супруги, живущие по соседству...

– Акерманы, владельцы лавки скобяных товаров.

– Да. Хозяйка сообщила, что примерно в половину десятого в этот магазин зашла дама.

Лоу застыл.

– Кто?

– Миссис Акерман ее не знает. – Детектив посмотрел на сделанные карандашом записи. – Темноволосая, высокая дама в черной шубе.

Хэдли.

– Она провела там минут пятнадцать и уехала на такси. Как только она ушла, из голубого «кадиллака» вышел мужчина и направился в лавку.

Лоу не знал никого, кто бы водил такой автомобиль. Но боже милостивый, какого черта тут делала Хэдли? Она нашла Адама, и кто-то за ней проследил. Но кто?

– Миссис Акерман услышала крики, – продолжал детектив. – Мистер Голдберг велел посетителю убираться. Она попыталась войти, но дверь была закрыта. Ее супруг постучал, но никто не ответил. Тогда они вызвали нас. В этом районе находилась патрульная машина, но к тому времени, как сюда добрался офицер, незнакомец выскочил за дверь и укатил в «кадиллаке».

– А миссис Акерман хорошо рассмотрела скандалиста?

Детектив кивнул.

– Темноволосый, высокий, худой. Красивый мужчина. Ее супруг записал номера. – Детектив прищурился. – Вам знаком человек по имени Оливер Гинн?

У Лоу словно пол вдруг ушел из-под ног. Он оперся рукой на прилавок, чтобы устоять, и попытался как можно небрежнее ответить:

– Кажется, имя знакомо, но я не знаю, где его слышал.

– Мы его не можем найти. Диспетчер предоставил адрес, связанный с регистрационным номером автомобиля, но дома больше нет – сгорел в Великом Пожаре. Принадлежал покойнику по имени... – Он сверился с записями. – Ноэль Ирвинг.

Оливер Гинн.

Ноэль Ирвинг.

И тут буквы словно поменялись местами в его потрясенном сознании.

Анаграмма.

Проклятая анаграмма!

– В общем, кем бы тот парень ни был, мы считаем, что он убил вашего друга и перевернул тут все вверх дном, что-то искал. Возможно, его спугнул постучавший в дверь Акерман.

– Как?

– Прошу прощения?

– Как он умер? – будто издалека спросил Лоу.

– Мы пока не определили причину, сэр. Говорите, ему было двадцать пять? Супруги Акерманы и пара других соседей подтверждают ваши слова, как и удостоверение личности. – Детектив снял шляпу и поскреб затылок. – Но когда мы его нашли, знаю, что это безумие, но он выглядел...

– Как? – спросил Лоу, пытаясь рассмотреть выражение лица представителя правопорядка.

– Он выглядел как старик.

Боже милостивый!

Лоу уставился на детектива на мгновение, пока в голове роилась тысяча мыслей, но ни одна из них не имела смысла... и тут его взгляд опустился на сломанные карандаши на полу.

Он приказал взять себя в руки и справиться с потоком эмоций, от которых колени подкашивались. Ему просто надо продержаться еще немного.

– А куда отвезли Стеллу?

– В Тихоокеанский еврейский сиротский приют. Все в один голос говорят, что ее ближайший живой родич – отец мистера Голдберга...

– Он пьяница, – сердито отрезал Лоу. – Адам ни за что не подпустил бы его к Стелле. Хотя старику на нее плевать. По последним сведениям, он где-то в Филадельфии.

– Все равно суд с ним свяжется. А вы еще кого-то знаете? Может, есть тетка? А семья покойной матери?

– Девочка знает меня. Я приходил к ней каждую неделю с тех пор, как она родилась. Я ее семья.

– По закону?

О боже.

– Стелла глухая, ей нужен особый уход, – сообщил Лоу.

Детектив положил шляпу на стол и кивнул.

– Директор приюта об этом знает.

Лоу начал что-то говорить, но детектива позвал другой полицейский с улицы.

– Слушайте, вы можете подать в суд на опеку и поговорить с дамами в приюте. Договориться о часах посещения. Но мы не можем просто отдать ее любому. Мне очень жаль, знаю, вы расстроены. Поверьте, я сделаю все, чтобы выяснить, что здесь сегодня случилось. Дайте свой номер, по которому мы с вами сумеем связаться. Подождите, я скоро вернусь.

Ничего не видя, Лоу вытащил визитку и оставил на столе рядом со шляпой детектива. И когда тот отправился поговорить с полицейским, Лоу подошел к огороженной кладовке в задней части магазина. Без колебаний отодвинул пустую коробку и открыл тайную панель на стене. Железный ящик, слава богу, стоял на месте.

Ключ они с Адамом спрятали отдельно. Лоу порылся в коробке со старыми инструментами, нашел его на дне и быстро открыл ящик.

На него уставилась статуя крокодила. Лоу справился с изумлением через несколько секунд. А через мгновение осознал, что не чувствует странной энергии. Но когда отодвинул статуэтку, нашел только один амулет. И, кажется, он догадывался, куда делся оригинал.

Хэдли вряд ли пришла бы просто поболтать о погоде.

И если Ноель Ирвинг убил Адама, чтобы получить настоящий амулет, то какого черта он сотворит с Хэдли?

Глава 31

Хэдли уже несколько часов искала в отцовском доме ключ к семейному мавзолею. Плевать, что слуги считали ее поведение безумным. Отец в любую минуту вернется с осмотра в больнице, и Хэдли была готова рассказать ему о происходящем без утайки: что ей известно об интрижке матери и Ноеля Ирвинга, а также о своем участии в поисках переключателя вместе с Лоу.

И то, что археолог предал их обоих.

А сама она влюбилась в того, кто разбил ей сердце.

Все равно, это станет известно рано или поздно. Левин уже мог позвонить отцу. В любом случае, надо попасть в семейный мавзолей. Она даже готова сбить руки в кровь, чтобы снести эту дверь.

– Мисс, я в самом деле не знаю, где еще искать. Возможно, ключ лежит в сейфе. Когда ваш отец вернется домой, мы его и спросим. Но если вы к его возвращению поставите весь дом вверх дном, хозяин расстроится. В его состоянии, это нежелательно, – пояснила старшая экономка и смахнула прядь волос с покрасневшего лица.

– Если мы не найдем этот ключ, его состояние само по себе ухудшится. И о каком сейфе ты говоришь? В отцовском кабинете?

Круглолицая экономка побагровела.

– Нет, есть еще один.

– Еще один?

– Разве нельзя просто...

Хэдли прищурилась.

– Покажи мне сейф, Шарлотта. Сейчас же.

Хэдли поднялась за экономкой по главной лестнице в отцовскую спальню. Около кровати стоял комод, в котором не выдвигался один из ящичков. Шарлотта сняла лампу и отодвинула мебель от стены. Задняя поверхность комода отворилась, и показался черный сейф точно по размеру закрытого ящика.

– Я не знаю код, – призналась Шарлотта.

Однако Хэдли его знала, потому что отец использовал одни и те же цифры: дату рождения дочери. Несколько быстрых поворотов ручки, и замок, щелкнув, открылся. Она постаралась не слишком приглядываться к содержимому: фотографиям ее матери, официальным документам, пачке наличности. В маленьком конверте лежало несколько ключей, и Хэдли без проблем нашла нужные: на чеканном кольце висели большой и маленький ключи.

Семейный мавзолей был возведен дедом ее матери в 1856 году, после постройки дома для Мюрреев, разбогатевших во времена недавней золотой лихорадки. Поговаривали, что прадед хотел воздвигнуть его на кладбище Лорен-хилл, носившее в то время название Лоун Маунтин, но подрался с клерком из кладбищенской конторы, когда попытался купить кусок земли. Разозлившись на городские власти, он решил соорудить мавзолей на своем заднем дворе.

Строение было небольшим. Крыша в неоклассическом стиле едва превышала рост Хэдли на полметра. И хоть в ширину мавзолей был больше, чем в высоту, дальняя половина

заросла кустами черники, а все здание казалось маленьким под сенью австралийской акации бабушки Хэдли. Одна из двух колонн сильно треснула во время землетрясения, но дом и мавзолей пережили Великий пожар, так как находились на юго-западной стороне Рашн-хилл.

Промочив волосы под дождем, Хэдли сунула тяжелый ключ в бронированную железную дверь. Ржавый замок поддался, но пришлось налечь на дверь всем весом и приложить все силы. С протестующим скрипом, от которого Хэдли поморщилась, створка открылась.

Хэдли включила фонарик. Шесть крипт, по три с каждой стороны, прикрытые бледным покрывалом пыли. Прабабушка, прадедушка, бабушка и дедушка. Хэдли пошла дальше и обратила внимание на две верхние крипты под потолком.

ВЕРА МЮРРЕЙ БЭКОЛ

ЖЕНА И МАТЬ

-1906 гг.

Ее гроб лежал за резной гранитной дверью. Конечно, внутри не было никакой перекладины. Отец нашел бы канопу, когда тайком положил останки жены в мавзолей после беспорядков, вызванных Великим пожаром. Он нарушил закон, запрещающий хоронить в пределах Сан-Франциско.

Однако последняя крипта, будущее место упокоения доктора Бэкола, еще пустовала. Если мать что-то спрятала, то лучше места не придумаешь.

– Сейчас начнется, – прошептала себе под нос Хэдли и вставила меньший ключ в железную дверцу крипты.

Страх словно отвесил ей пощечину.

Эту мерзкую энергию она бы узнала где угодно. Адам был прав: железо отлично хранит артефакты.

Она направила луч фонарика во тьму. Последняя канопа – крышка в виде головы человека – Имсети, хранитель печени.

Как же пошутила мать, спрятав перекладину в том месте, которое никто не откроет до смерти ее отца, когда для него будет слишком поздно воспользоваться амулетом.

Сейчас Хэдли ненавидела Веру Бэкол как никогда.

Отключив фонарик, Хэдли вытащила канопу из крипты и в последний раз посмотрела на пиктограммы перед тем, как разбила урну о гранитный пол. Что-то золотое покатилося по керамическим осколкам прочь из мавзолея прямо в грязь.

Хэдли вышла из помещения в серый день и рассмотрела находку. Эта перекладина оказалась необычной: сверху находилась петля, к которой крепились длинная золотая цепь. Верхушка амулета. И когда все части сложены вместе, артефакт превращался в ожерелья.

Хэдли переступила через шишковатый корень акации и собралась поднять перекладину, но ее пальцы наткнулись на чужую руку. Она подняла голову и оказалась лицом к лицу с Оливером Гинном.

– Здравствуйте, мисс Бэкол, – поздоровался он и поднял перекладину.

Хэдли отшатнулась и чуть не упала.

– Расхищаете могилы?

Ноель стер грязь рукавом черного пальто. На полях его шляпы собрались капельки дождя.

– Это вам не принадлежит, – сказала Хэдли, пытаюсь отнять находку.

Ноель длинными пальцами схватился за цепочку и оттащил перекладину вне

достижимости.

– По правде говоря, эта перекладина – собственность древних жриц пустыни. Твой отец дурак, что взялся собрать амулет. И еще больший идиот, что отправил тебя на поиски после того, как твоя мать постаралась, чтобы артефакт ему не достался.

– Моя мать не хотела отдавать его и вам, Оливер, Ноель, или как вы, черт возьми, себя называете.

– А. – Он прищурился. Лицо, которое она когда-то считала красивым и молодым, не изменилось, но теперь Хэдли знала, что это неестественно, поэтому заметила, что его щеки запали, а глаза немного помутнели. – Я уже много лет живу под именем Оливер, но не солгу: мне нравится слышать «Ноель» из твоих уст. Ты мне так напоминаешь Веру.

– Не путайте меня с моей матерью.

– Да, ты намного холоднее ее. Но я вижу теперь, что отчужденность – просто защитная реакция. Ты выросла одна, без тепла, которое могла дать мать.

– Действительно. Потому что, когда миссис Бэкол была жива, особой материнской заботы не проявляла. Отдала меня слугам и занималась своими делами. Была слишком занята, наставляя рога отцу, чтобы растить ребенка.

– Она тебя любила. И, к сожалению, твоего отца тоже. Арчи не заслужил ее привязанности. Он больше занимался карьерой вместо того, чтобы дать ей необходимое.

– Да. Он точно не дал ей того, что вы – тайное заклинание, которое лишило ее жизни.

Оливер сдвинул брови.

– Эта магия спасла жизнь вам обоим.

– А заодно наградила проклятием!

– Проклятием! Почему? Ты не умерла через восемь лет, как мать, – продолжал он, глядя на нее так, что у нее волоски на руках встали дыбом. – Знаешь, когда я услышал, что нашлось основание амулета, сразу понял – твой отец постарается наложить на него свои лапы. Но не ожидал, что ты настолько похожа на мать.

– Почему? Ожидали, что Мори заберут мою душу через восемь лет после того, как я унаследовала проклятье матери?

Он посмотрел ей в глаза.

– Я понятия не имел, что так случится, пока той ночью на торжестве в музее не увидел, как жнецы карабкаются по стенам. Сперва, я решил, что они наконец пришли за мной. А потом, что они явились за тобой, и все повторяется. Я только нашел тебя, а они снова у меня отбирают...

Хэдли открыла рот, чтобы возразить, но Ноель был в другом мире, его глаза остекленели и затуманились. Через мгновение он вернулся с небес на землю.

– А когда я понял, что жнецы слушаются тебя, на меня сошло невероятное открытие. Хэдли, разве ты не понимаешь? Ты обладаешь божественной силой. Охотничьи псы Сета выполняют твои приказы. Ты сбила моего грифона...

– Вы послали магических созданий убить нас.

– Я послал их забрать вот эти вещицы, – сказал он, поднимая цепочку. В тумане повисла перекладина. – Ни один из них не причинил бы тебе вреда.

– Ваш огнедышащий голем обжег Лоу.

Он помрачнел.

– Я сказал, что они не стали бы вредить тебе, а не этому скандинавскому кретину. И вини его за то, что он пакостит тебе с самого начала. И он, и твой скупердый отец – ты не

можешь себе представить, как я разозлился, когда узнал, что папаша послал тебя встретиться с Магнуссоном на станции в Солт-Лейк-Сити.

Хэдли отшатнулась.

– Так это вы послали за Лоу тех головорезов?

– Я заплатил им, поручив забрать основание амулета любыми средствами. Магнуссон должен был погибнуть в Чикаго, и если бы не их некомпетентность, так бы и произошло. Только позже я узнал, что той женщиной, с которой он сбежал на поезде, оказалась ты. И когда твой горластый любовник Джордж Хьюстон...

– Джордж? – Боже милостивый! Одного этого имени хватило, чтобы ее паника превратилась в гнев, который вызвал Мори. Она чувствовала, как они сопят у живой изгороди рядом с высокой акацией.

– О да. Тебе не следовало делить постель с этим мужланом, которого можно купить одним стаканом спиртного. – Такая манера выражаться выдавала старика, прячущегося под личиной молодого человека. – Хьюстон рассказал, как подслушал, что отец приказал тебе встретиться с Магнуссоном на приеме в особняке Флада. Я не мог поверить, что он воспользовался собственной дочерью для грязных делишек.

Ноель ошибался, но Хэдли не стала его поправлять. Она посмотрела вдаль и заметила отца в инвалидной коляске, оставляющей две грязные рытвины на траве.

– Здравствуй, Арчи.

– Здравствуй, Ноель, грязный кусок дерьма.

Ноель жестоко усмехнулся, и в ту же секунду Хэдли схватилась за перекладину, свисающую из его кулака. Одно из звеньев цепочки порвалось, но она забрала последнюю часть!

– Ну-ну, моя дорогая. – Ноель посмотрел на бывшего партнера, а потом снова перевел взгляд на Хэдли. – Это было грубо. Неужели ты в самом деле так предана отцу? А не припоминаешь, как этот человек предал тебя в присутствии коллег и продал твою должность первому же охотнику за сокровищами, наткнувшемуся на основание амулета.

– Бога ради, я вовсе не хотел ее обидеть! – Доктор Бэкол остановился в нескольких метрах. – Это был «пряник» для Магнуссона. И я бы поступил так миллион раз, если бы у меня возник хоть мизерный шанс уложить твой труп в могилу. – Он обратился к дочери: – Хэдли, не приближайся к нему. Он опасен.

– Я знаю, кто он, я все знаю. И о магии, дающей бессмертие, и о его интрижке с моей матерью, и что я унаследовала духов после ее смерти.

– Хэдли, – позвал ее отец прерывистым голосом.

Ее глаза обожгли слезы, а Мори подобралась ближе.

– Почему ты мне не сказал? У меня есть право знать, я не ребенок.

– Просто хотел тебя защитить. И не желал, чтобы твое мнение о матери испортилось.

– С чего бы? Вера была очень умна и полна нереализованных талантов. Она совершила ошибку, решив, что ты ее оценишь.

– Конечно я ее ценил, она была моей женой!

Лицо Ноеля напряглось от гнева.

– Пусть на бумаге она была твоей женой, но умерла в моих объятиях, – хвастался он, стуча себе в грудь.

– Незабываемое зрелище, – рявкнул отец Хэдли. – Весь город разгромлен, и я спешу домой, где в моей постели лежишь ты. В моей постели. В моем доме. С моей женой! – Его

руки задрожали. – И ты ее убил, заразил этой болезнью в Египте. А ведь она была беременна моим ребенком. И именно ты попросил позвать ту жуткую ведьму. Проклятье Хэдли – твоя вина!

– Боже мой, Арчи, – закричал Ноель. – Это не проклятье. Она управляет жнецами. Обладает даром богов. Я не удивлен, что ты не оценил ее способность, раз вводил в заблуждение все эти годы.

– От тех чар у тебя прогнили мозги.

Ноель покачал головой и повернулся к Хэдли, тут же переходя к уговорам:

– Пойдем со мной. Я увезу тебя в Каир и покажу невероятные вещи. Те, что так нравились твоей матери.

Дымчатые тени окружили ствол акации и поднялись по мокрой коре, а тон Ноеля стал еще более убедительным.

– Только подумай, Хэдли. Я понимаю, что у тебя есть сомнения насчет нас. Я даже не осуждаю, что ты взяла в любовники того типа Магнуссона. Но ты не можешь отрицать, что нас связывает нечто большее. Это судьба, Хэдли. Мы – две половинки, которые станут целым. У тебя есть способность управлять смертью, а я – бессмертен.

Ее отец издал полузадушенный вздох.

– Ты с ума сошел? Сначала моя жена, теперь – дочь? Тебя мало убить! Нужно вырыть могилу и замуровать тебя внутри.

– А мне следовало бы поступить точно также с тобой, но я обещал Вере, что не убью тебя.

– Ты убиваешь меня чертовым проклятием старения.

– Просто направляю туда, куда надо. Но если тебя нужно как следует подтолкнуть, я с радостью помогу.

У Хэдли кружилась голова от множества Мори. Некоторые из них питались ее гневом и паникой, другие сосредоточились на чем-то другом. И когда она поняла на чем именно, то взяла себя в руки, чтобы достать основание из кармана шубы.

– Хэдли, – предупредил Ноель, заметив блеск золота.

– Пусть отец и совершал ошибки, но моя мать любила его достаточно, чтобы не бросать. У меня все же есть с ней нечто общее, потому что я тоже останусь на его стороне.

– Хэдли, – предупреждающе крикнул доктор Бэкол.

– Не волнуйся, папа, у меня есть все части амулета, – сообщила она, отступая от Ноеля к двери мавзолея. – Ты мог бы сам попросить меня их найти.

– Хэдли...

Готовясь к неизведанному, она вставила последнюю перекладину в верхнюю часть амулета. Эта часть присоединилась к артефакту, будто под действием магнита, словно живая. Дрожащими, мокрыми от дождя пальцами Хэдли приладила перекладину на место.

Глава 32

Все части скреплены, амулет собран. Хэдли ожидала, что произойдет что-то величественное, драматичное и пугающее. Но...

Ничего.

Ни двери в преисподнюю, ни вспышки света, ни волшебного дыма. Она вертела артефактом, высматривая то, чего не было. Фыркнула, потрясла амулет – все равно ничего.

Тихое хихиканье Ноеля превратилось в хохот.

– О, Арчи. Видел бы ты выражение ее лица! Твой драгоценный позвоночник Осириса

не работает. Боюсь, тебя надули, потому что я не вижу никакой волшебной двери в мрачный загробный мир.

Боже милостивый! Неужели Адам ее обманул, и она присоединила последнюю перекладину к подделке? Хэдли сердито закричала. Скрипя зубами, вместе с ней взвыли Мори. Они хотели вырваться на свободу. Грохот вдалеке все приближался и приближался.

– Хэдли! Повесь амулет ему на шею. На шею, так нужно! – завопил ее отец.

Хэдли уставилась на порванную цепочку, а потом перевела взгляд на Ноеля. От его ухмылки она почувствовала мурашки страха. Глупый надменный ублюдок. Может ей и не удастся его убить, но она еще заставит его молить о смерти.

Отдаленный шум усилился, пробирая до мозга костей. И с яростным воплем Хэдли выпустила Мори, натравив их на Ноеля.

Тени слились над мавзолеем, когда жнецы завертелись вокруг ветки шириной больше человеческой груди и длиной метров пять. Высокая старая акация затряслась, древесина заскрипела, кора раскололась. И с ужасным треском этот внушительный снаряд рухнул сквозь морозящий дождь.

Ноель дернулся в сторону, когда ветка упала у ног Хэдли с такой силой, что та клацнула зубами. И встретилась взглядом с разозленным злодеем. Он на мгновение прикрыл глаза и пробурчал:

– Прости меня, Вера.

И повернулся к доктору Бэколу. Поток странных слов сорвался с его уст. Что это? Египетский вариант арабского?

Ветер разметал пряди ее волос, пока Ноель кричал что-то в небеса.

Отец Хэдли завопил: его ноги сплелись. Послышался треск костей.

– Папа! – Хэдли, шатаясь, спустилась по ступенькам и поскользнулась на грязи, когда акация снова затряслась. Духи раскачивали новый сук, а по траве пронеслась красная вспышка.

Источником шума были не Мори, а Лулу.

Черная фигура соскочила с мотоцикла. Хэдли едва узнала Лоу. Мокрая одежда прилипла к стройному мускулистому телу. Высокий мужчина с растрепанными золотыми кудрями над прищуренными глазами двигался угрожающе грациозно. Словно сам дьявол, появившийся из ада и собирающийся вырвать сердце из груди врага.

И этот враг – Ноель.

Поднявшись из грязи, Хэдли заметила, что из внутреннего кармана пиджака Магнуссон вытащил изогнутый серебряный кинжал.

– Лоу! – закричала она.

Он мельком посмотрел на нее, но будто и не узнал. Вел себя будто одержимый. Как Лоу вообще сюда попал? Ему рассказал Адам? Хэдли не помнила, о чем бормотала, когда уходила из магазина часовщика.

– Амулет! – процедил ее отец, тяжело дыша от боли. – Повесь... ему... на шею.

Лоу бросился на Ноеля и сбил с ног, словно тот был всего лишь кожаной боксерской грушей. Со злодея слетела шляпа. Хэдли чуть снова не поскользнулась, когда сражающиеся наткнулись на упавшую ветку, и та откатилась ей под ноги.

Рыча, Лоу схватил противника за волосы поврежденной кистью и пару раз ударил затылком по веткам. Ноель сопротивлялся, боролся, а потом собрался с силами и стукнул Лоу по лицу так жестоко, что Хэдли вскрикнула.

Но Лоу просто встряхнулся и изменил тактику, выкрикивая шведские проклятья. Нажав на запястье Ноеля, он замахнулся и с хрипом опустил кинжал. Клинок пронзил ладонь безумца, пришили к ветке.

Ноель закричал, попытался поднять руку, но не вышло, на ладони собралась лужица крови.

А рана уже заживала, стягиваясь вокруг клинка.

– Хэдли, сейчас же дай мне амулет! – потребовал Лоу.

Она заколебалась, держа в кулаке грязный артефакт. Надо сказать Лоу, что цепочка сломана. И еще много чего. Ей хотелось, чтобы это безумие закончилось, и начать с чистого листа. На минуту остаться с Лоу наедине, обсудить ситуацию и найти решение, как они делали много раз, пока все не пошло прахом.

Пока он не разбил ее сердце на тысячу осколков.

Боже, как же ей хотелось ему доверять.

Больше всего на свете.

И все же в глубине души она ему доверяла, потому и протянула амулет.

Он в мгновение ока схватил реликвию. Всего на секунду их глаза встретились. Но когда она не проронила ни слова, Лоу с яростью взглянул на Ноеля и надел порванную цепочку на шею злодея так, будто хотел придушить того амулетом.

Мори завопили в унисон, о чем-то предупреждая. Что-то грядет.

Земля затряслась, ветка треснула, а мерзкая энергия амулета вдруг усилилась, образуя под спиной Ноеля черную дыру.

Работает!

Дыра ширилась, как черный нимб, захватывая плечи безумца и опускаясь к ногам. Темными ангелами Мори слетели с дерева и окружили Ирвинга.

Ноель в ужасе завопил. Но он был не один такой. Лоу пытался отцепиться от мерзавца. Они вместе соскальзывали в пустоту, будто тьма состояла из зыбучих песков – голодная, черная как смоль пасть готова была сожрать их живьем.

Хэдли подбежала, обеими руками схватилась за руку Лоу и потянула.

– Держись! – закричала она, вонзая каблук в землю и упираясь в ветку для противовеса. Не выходит! Хэдли чувствовала, как темная сосущая энергия пустоты вытягивает ее силы. Лоу был слишком высоким, слишком тяжелым. Мокрая одежда выскальзывала из рук, и Хэдли чуть его не упустила.

С колотящимся сердцем она сжала Лоу покрепче, стиснула зубы и потянула сильнее.

Ноель снова закричал: кинжал пропорол ладонь, и тело, тут же рухнув в пустоту... пропало.

Будто выиграв игру в перетягивание каната, Лоу вдруг пошатнулся и перелетел через ветку. Они с Хэдли рухнули в грязь, держа друг друга за руки. Она чуть не задохнулась, когда Лоу развернулся и перекинул ноги через ветку. Затем оба поднялись на колени.

Один за другим Мори опустились в уменьшающуюся дыру, будто стая черных птиц в водоем. Дыра, что несколько секунд назад была достаточно широкой, чтобы проглотить тело Ноеля, теперь сократилась до размера тарелки, когда туда залетел последний призрак.

Краем глаза, Хэдли заметила блеск золота. Амулет лежал на ветке, а край сломанной цепочки пришили клинком к дереву.

Лоу тоже его увидел, схватил и бросил в закрывающуюся пустоту. Будто получив все желаемое, черная пасть сомкнулась и пропала.

Со стороны лужайки раздался утомленный вздох.

Обогнув ветки, Хэдли бросилась к отцу. Он сидел в инвалидном кресле и выпрямлял ноги. Ему все еще было больно, глаза по-прежнему бледны, но он жив.

– Папа, – позвала она, не в силах сдержать текущие по щекам слезы, и приказала испуганным слугам, прибежавшим с черного хода. – Вызовите карету скорой помощи.

– Сработало, я чувствую, что магия исчезает, – прохрипел отец.

Но покинуло их не только волшебство.

Лоу завел Лулу. Хэдли попыталась до него докричаться, но не поняла, слышал ли он ее. Он просто схватился за руль и укатил, не оглядываясь.

Уехал прочь.

Глава 33

Месяц спустя...

Хэдли поставила полный бокал шампанского на край стола, когда послышался отдаленный смех празднующих ее назначение сотрудников. Она еще никогда в жизни не пожимала столько рук. Нелегко привыкнуть к прикосновениям без перчаток, но теперь с поздравлениями покончено, и ей пришлось сдерживать желание вымыться: одна фобия сменила другую. Однако Хэдли удалось одержать небольшую победу над собой.

Ей нужна передышка. Если она тут задержится еще ненадолго, мисс Тилли попытается ее обнять. Хэдли стиснула зубы и содрогнулась.

Не все сразу.

В кабинет прихромал отец, опираясь на костыли. Он кивнул на коробку со всякой всячиной, стоявшую у ног с Хэдли, и произнес:

– Последняя.

– Уверен, что хочешь отдать мне этот стол? – Она прислонилась к краю столешницы.
– У тебя есть последний шанс повременить с отставкой. Наши коллеги уже навеселе. Не сомневаюсь, они с удовольствием выпьют, если ты передумаешь.

Доктор Бэкол улыбнулся.

– Представляешь, сколько бумаг придется оформить? К тому же, твои визитки уже напечатаны. Ну и каково тебе на посту главы департамента?

Как ни странно, не так приятно, как она представляла.

– Обескураживающе.

– Тьфу! Все с тобой будет хорошо. О, и кстати, я попросил мисс Тилли подать объявления в археологические журналы: ищем специалиста на смену Джорджу. И если тебе нужна помощь с проведением собеседований...

– Я справлюсь.

Он моргнул, изучая ее лицо сквозь пылинки, летающие в свете дневного солнца, льющегося из окна. И хотя зрение вернулось к нему через несколько дней после последней стычки с прежним партнером, он до сих пор подолгу смотрел на нее пристальнее, чем до слепоты.

– Не будь слишком гордой и зови на помощь, если что.

– Конечно, – завершила Хэдли, когда в комнату вошел отцовский помощник Стэн и забрал коробку с вещами.

– Сэр, нам пора. Снаружи уже ждет шофер.

– Отнеси коробку в багажник, я задержусь еще на минутку.

– А когда тебе к врачу? – спросила Хэдли, как только Стэн вышел из кабинета.

– Через полчаса, но он меня подождет. Я кое о чем хотел с тобой поговорить.

– Папа, я ценю твою заботу, но сама справлюсь.

Он оперся на костыль и покачал головой.

– Дело не в этом. Я хотел поговорить с тобой о мистере Магнуссоне.

От звука его имени у Хэдли в груди защемило. Неужели прошел месяц с их последней встречи, когда тот укатил на мотоцикле? Потому что бессонных ночей хватило бы на целый год.

– А что с ним? – спросила она, пытаясь не выдать эмоции.

– Ты его любишь?

Хэдли отшатнулась и скрестила руки на груди. Да, отец видел, как она переживала в первые дни после того, как Лоу исчез из ее жизни, когда попеременно то злилась, то страдала от обиды. Но теперь ей удалось по большей части взять себя в руки.

– Не знаю. А почему ты меня об этом спрашиваешь? Ничего не изменилось. Он даже не попытался со мной связаться.

– Я не об этом.

– Все равно не важно. Не удивлюсь, если больше не увижу этого мужчину. – Конечно, она проезжала мимо дома Магнуссонов пару раз, высматривая на дорожке его красный мотоцикл. Но так ничего и не заметила и в конце концов оставила попытки. – Может, он уже снова сбежал в Египет. И мы так расстались, что сомневаюсь в его решимости продать нашему музею еще одну находку из пустыни.

Отец прищурился.

– Мистер Магнуссон не в Египте. Вообще-то, сегодня утром он заходил ко мне домой. До того, как я приехал сюда.

Хэдли затошнило, а руки и ноги закололо. В голове сразу возник десяток вопросов, но ей удалось лишь выдать:

– Зачем?

– Показал мне свои находки в Филах.

О, значит о ней Лоу не спрашивал. Деловой разговор. И она тут же разозлилась на отца.

– Ты шутишь? С ума сошел? Ты встретился с ним, зная, что он занимается подделками?

– Эти вещи подлинные. В основном керамика, несколько инструментов.

– Папа.

– Не смотри на меня как на идиота, – ворчливо парировал доктор Бэкол. – Я ведь сейчас прекрасно вижу. И сам попросил его принести мне находки.

– Невозможно. Какого черта?... – Ее пульс зашкалил. – Неужели ты с ним встречался и раньше?

– Я не хотел тебя расстраивать.

– Сейчас ты меня расстроил.

– Ну-ну, успокойся и отправь их прочь.

Хэдли посмотрела туда, куда он смотрел. Пара Мори выбралась из темного угла за книжным шкафом.

Сошествие Ноеля в преисподнюю избавило доктора Бэкол от проклятья старения, но не разорвало связь Хэдли с Мори. Когда она впервые это поняла, то от ярости и расстройства чуть не уничтожила кухню в отцовском доме. Но Хэдли смирилась с тем, что они остались.

Проклятье это или благословение, но от Мори ей не избавиться.

Ее задача ими управлять. Закрыв глаза, Хэдли быстро отослала их прочь и глубоко вздохнула.

– Я в порядке, продолжай.

– В последнюю нашу встречу Магнуссон сообщил, что подумывает отдать свои находки Беркли, поэтому я попросил показать мне керамику.

– Сколько раз вы встречались?

– У нас было неоконченное дело. Естественно, я попросил его меня навещать.

– Какого рода дело?

– Оплата, разумеется. Я считаю, что раз твоя мать, когда связалась с Ноелем, втравила нас в эту историю, меньшее, что можно сделать – воспользоваться деньгами ее семьи, чтобы все уладить. – Хэдли была потрясена отцовской прямоотой. Он никогда так не говорил о жене. Вероятно, доктор Бэкол распрощался с прошлым в своей раздражительной манере. – И сделка есть сделка, – закончил он. – Сумма, о которой мы договаривались поначалу, не соответствовала целому амулету.

– Ты заплатил Лоу?!

– Две недели назад.

– Он собирался тебя обмануть.

– В любом случае, амулет найден...

– В основном моими стараниями!

– ...Ноеля больше нет. Магнуссон исполнил свою часть сделки, я – свою, в противном случае меня бы грызло чувство вины. И тот факт, что прохвост не потребовал платы, улучшило мое мнение о нем. – Доктор Бэкол кивнул дочери и продолжил шепотом: – Если бы ты смогла забыть о его ошибках, то тоже бы это увидела: он пошел на многое, чтобы Левин не испортил тебе карьеру сплетнями.

Хэдли едва удержалась, чтобы не умолять отца все ей рассказать.

– Лоу со мной не связывался, поэтому не понимаю, какая мне разница.

– Возможно, тебе стоило бы его выслушать, – сказал отец, опираясь на костыли. – Больше я ничего не скажу. Это твоя жизнь. Но не забудь, что какое бы удовлетворение ты не испытывала в стенах музея, это не повод пренебрегать другими сторонами жизни. Не позволяй своему стремлению к успеху стать единственным источником счастья.

Забавно слышать подобное от мужчины, посвятившему все свое существование карьере, но Хэдли просто смотрела отцу вслед, не сказав больше ни слова. В основном потому, что слишком расстроилась. Вся боль и горе, которые она сумела скрыть, вырвались на свободу.

– Мисс Бэкол?

Она стряхнула с себя сумбурные ощущения и посмотрела на дверь, где стояла секретарь-бухгалтер, заменившая на посту мисс Тилли, пока последняя напивалась на празднике. Сотрудница держала в руке ярко-оранжевую тигровую лилию.

– Вам тут доставили цветок.

Хэдли мысленно прокляла мисс Тилли за то, что она ничего не сказала своей заместительнице.

– Выбросьте.

– Выбросить? Но почему?

Потому что сколько бы раз она не просила посыльного перестать носить цветы, он

утверждал, что тогда у него будут проблемы на работе. Разве она не знает, кто такие Магнуссоны? Будто члены этой семьи с пулеметами выследят юношу, если он не доставит дурацкий цветок. Какая нелепость. Хэдли иногда казалось, что мисс Тилли просила посылного приходиться потому, что он ей нравился.

– Ничего, – ответила она секретарю, внезапно чувствуя смирение, а не злость. Отцовская отповедь застала ее врасплох. Пятнадцать минут назад она была в полном порядке. Хотя нет, не в порядке, но терпимо. И да, иногда она оплакивала то, что было у них с Лоу, особенно после того, как перестала надеяться, что он появится и по крайней мере попытается пояснить, почему обманул ее.

Но он так и не пришел.

Говоря по правде, она скорее обижалась на то, что он не стал бороться за нее и за то, что у них было, чем на ложь. Отец ведь тоже правды ей не говорил, но они помирились. Неужели Лоу посчитал, что она его не стоит?

Хэдли тяжело вздохнула. Просто вряд ли она сумеет выжить, если опять начнет о нем горевать.

– А как называется цветочный магазин? – спросила она у секретарши.

– «Цветы Лунде».

Пора признать, что между ними все кончено, и оборвать последнюю связь с Лоу раз и навсегда.

Хэдли вызвала такси и уехала с работы пораньше, сообщив водителю название магазина. Ее отвезли к югу от парка, в Филмор. До лавки Адама всего квартал. Можно было догадаться.

Попросив водителя подождать, она вошла в цветочный магазин, движимая спокойным смирением, и позвонила в колокольчик на прилавке.

Из подсобки вышла светловолосая розовощекая женщина средних лет.

– Добрый вечер, чем могу вам помочь? – сказала она с сильным скандинавским акцентом.

– Пару месяцев назад вам заказали ежедневную доставку цветов мне на работу. Лилии...

– О! Мистер Магнуссон, ја. – Она улыбнулась. – А вы работаете в музее.

– Да, это я.

Хозяйка магазина нахмурилась.

– Вам ведь доставляли цветы?

– Доставляли, проблема в том, что я хочу, чтобы вы отменили этот заказ.

– Почему? Вас не устраивает качество?

– К качеству никаких претензий. – Хэдли вздохнула, чтобы успокоиться. – Мы с мистером Магнуссоном больше не встречаемся, и, думаю, он просто забыл сам к вам зайти.

– О, какой ужас. Бедняга.

Бога ради, только не снова. Неужели сегодня все на стороне Лоу?

– Он многого лишился, – серьезно сообщила цветочница. – Сначала мистер Голдберг, а теперь возлюбленная.

Хэдли склонила голову на бок.

– Вы говорите о мистере Голдберге, часовщике?

– Ја, такая жуткая трагедия. Жалко, что он перешел в мир иной.

Хэдли застыла. Наверное, она не так поняла.

– Разве он умер?

Цветочница кивнула.

– Его убили прямо в магазине. Полиция так и не нашла преступника. Вы не знаете?

Об этом писали в газете.

Хэдли застыла на несколько мгновений, отчаянно пытаясь успокоиться и думать логически.

– Когда это произошло?

– Месяц назад.

Месяц. Тогда... она в последний раз видела Лоу. Он в ярости заехал на задний двор дома ее отца и напал на Ноеля, и... о господи!

– А девочка? Неужели ее тоже убили?

– Нет. – Продавщица цветов отрицательно покачала головой и нахмурилась, будто сама мысль об этом кощунственна.

Хэдли заморгала и отступила от прилавка.

– Мне пора. Благодарю.

– Подождите! А как же доставка цветов?

– Ничего страшного, – прошептала она, выбегая из лавки.

Тяжело дыша, Хэдли назвала водителю адрес и всю дорогу сжимала сумочку на коленях. От шока из головы вылетели все мысли. Когда машина остановилась у дома Магнуссонов на Бродвее, Хэдли чуть не вылетела из автомобиля до полной остановки.

Когда она побежала к парадному входу, на подъездной дорожке показалась знакомая блондинка.

– Мисс Бэкол?

Хэдли сменила направление и подошла к большим воротам.

– Астрид! Лоу дома?

Мисс Магнуссон почесала ухо и скривила губы.

– Ну не совсем...

Подошел помощник Уинтера Бо, кивнул и поздоровался:

– Добрый день.

– Я ищу Лоу, – повторила Хэдли.

Между Астрид и Бо произошел некий безмолвный разговор, и сестра Лоу кивнула, будто давая разрешение.

Бо приподнял край кепки.

– Вообще-то, мы как раз собирались ехать к нему. Если хотите, можете к нам присоединиться.

Хэдли даже не смогла ответить, просто кивнула и побежала платить таксисту. Пару минут спустя она уже расположилась на заднем сиденье лимузина «пирс-эрроу» вместе с Астрид, пока Бо выводил машину из Пасифик-Хайтс.

Астрид попыталась заговорить, но Хэдли слишком переживала, чтобы общаться. Неловкое молчание длилось на всем протяжении немаленьких городских кварталов. И только когда они проехали по Рашн-хилл, она поняла, что не додумалась спросить, куда они направляются.

Затяжной подъем по улице Филберт навел воспоминания о поездке по Телеграф-хилл вместе с Лоу. Как они отправились в такси из Колумбария. О зелено-красных попугаях. Как они притворились парой, собирающейся купить дом у того бедного

потрепанного агента, продающего старый особняк семьи Роузвуд. Лоу назвал его «Мрачным особняком».

И вот это здание на верху холма.

У обочины выстроились грузовики. Рабочие собирали обломки и взбирались по лестницам, окрашивая фасад. Окна на третьем этаже заменили.

Хэдли разглядывала все это, пока лимузин замедлился и припарковался.

– Что тут происходит?

– Поверь, я спросила то же самое, когда впервые увидела эту полуразрушенную лачугу, – сказала Астрид, махнув рукой на викторианский особняк в итальянском стиле. – Лоу обвинил меня в отсутствии воображения. Мы тебя проводим.

Как в тумане Хэдли прошла вслед за ними по тротуару, где вместе с Лоу боролась с грифоном. Мимо здоровающихся рабочих, к ступенькам, ведущим в открытую дверь. Тут было ярче и теплее, чем ей запомнилось. Значит, подключили электричество и отопление. И она чувствовала запах свежей краски: непристойные граффити пропали, как и старая мебель. В углу в прихожей стояла новая вешалка, над резной скамьей висели шляпа и два плаща – один до боли знакомый, а другой – детский.

И тут раздался низкий голос, от которого у Хэдли перехватило дыхание.

– Нет, наверх нельзя. Там работают, sötnos (милая).

Лоу стоял у подножия лестницы, держа за руку малышку в красном платье в белый горошек.

Хэдли застыла, будто приклеившись к половицам, а в прихожую вошли Астрид и Бо. Малышка увидела их, и ее личико, обрамленное кудряшками, озарила улыбка. Девочка тут же забыла про лестницу. Сестра Лоу бросилась и склонилась над девчушкой.

– Стелла-омела, – засюсюкала Астрид, подхватывая ребенка на руки. – Чем ты занималась? У тебя руки испачканы.

Стелла показала ладошки и пошевелила пальчиками, явно довольная собой.

– Пыталась поймать дикого попугая во дворе. Надо бы построить забор... – Лоу увидел Хэдли и запнулся.

Накатило странное тепло. Хэдли не знала, чего ей больше хотелось: заплакать или убежать.

– Мы тут привели гостью, – сообщил Бо Лоу. – Астрид, давай погуляем со Стеллой на улице, возможно, сумеем отыскать попугая.

Хэдли сосредоточилась на дыхании, когда они увели девочку. Лоу так и застыл в двух метрах от нее. На нем был коричневый костюм того же оттенка, что и свежескрашенная лестница, на ногах кожаные сапоги для верховой езды. В памяти всплыло, как она развязывала эти шнурки, что добавило топлива в эмоциональное inferno, грозившее сжечь ее сердце.

– Здравствуй, Хэдли.

– Здравствуй, Лоу.

У нее пересохло во рту. Столько хотелось ему рассказать, но теперь ничего не вспоминалось. Она провела месяц без Лоу, а ее глупому сердцу было плевать на всю боль, что он ей причинил. Ей пришлось подавить порыв подбежать к нему и прижаться к крепкой груди, почувствовать объятия, услышать размеренный стук сердца. Хэдли наконец притворилась, что осматривается, чтобы собраться с мыслями.

– Ты купил «Мрачный особняк», – выдавила она, пытаясь говорить, как ни в чем не

бывало.

– Купил. Брат помог ускорить покупку у банка. Они с радостью избавились от такой обузы: похоже, дома с привидениями спросом не пользуются.

Хэдли попыталась улыбнуться, но не смогла.

– Да уж.

– Если тебе любопытно, тут нет привидений. – Он сунул руки в карманы и неспешно подошел. – Аида проверила. Значит, все эти художники принимали желаемое за действительное.

Хэдли чуть не улыбнулась, но вспомнила о том, что ее сюда привело.

– Почему ты мне не сказал?

Лоу опустил голову и посмотрел на нее яркими голубыми глазами. Его лоб пересекали две глубокие морщинки.

– Хэдли...

– Ты должен был мне рассказать, я не знала, – выпалила она и сморгнула слезы. – Я пошла к цветочнице на Филмор, и она сообщила о смерти Адама. Не верится. Я помчалась напрямик к тебе домой...

– Эй, эй, все в порядке.

– Ничего подобного, это ужасно. Разве ты не понимаешь? Я отправилась в магазин к Адаму, чтобы поговорить. Я злилась на тебя за ложь и хотела узнать правду, считала, что если буду осторожна...

– Ноэль проследил за тобой, – хрипло продолжил Лоу. Он проморгался и кашлянул. – Ирвинг искал амулет, и не найдя, отправился домой к твоему отцу, где вы с ним и столкнулись.

В груди Хэдли растеклась ужасная пустота.

– Ты должен был мне сказать.

– Я думал, ты знала.

– Боже мой, Лоу, если бы я знала, то...

– Что? Что бы ты сделала? Адам умер, и в отличие от твоего отца, я не сумею вернуть его с помощью черной магии.

– Так нечестно, – прошептала она, чувствуя, как глаза жжет от слез.

– Тут все нечестно. Знаешь, скольких людей я похоронил за последние годы? Сначала умерла Мириам, потом мои родители – оба одновременно, – а теперь Адам.

– Мне так жаль. Я сочувствую твоему горю, но ты не должен был проходить через все в одиночку. Поговорил бы со мной.

– А как мне догадаться, что тебе этого хотелось? Я солгал, а ты меня бросила.

– Уж поверь, я бы тебя утешила, – сказала она, смагивая сердитые слезы. – Меня предавали много раз, но от тебя я такого не ожидала. С тем же успехом ты мог бы вонзить кинжал мне в живот, боли было бы меньше.

Глаза Лоу переполняли эмоции.

– Я правда не хотел делать тебе больно.

– Но сделал и должен был хотя бы попытаться поговорить со мной, если не о нас, то об Адаме. Тем более, после всего, что мы пережили. А может ты... – Она подождала, пока спазм пройдет, и все равно прохрипела: – ...винишь меня в том, что с ним случилось?

Лоу опустил глаза в пол.

– Я хотел винить тебя, поверь. Но именно я нашел проклятый амулет и привез его в

Сан-Франциско. Именно я попросил Адама сделать его копию. Поэтому в итоге мне некого винить, кроме себя.

– Лоу...

– Если я заваливаю дело, то с размахом. Я одновременно потерял тебя и Адама потому, что не признался в своей лжи, как настоящий мужчина. Удивительно, как сильно надо пасть, чтобы это понять.

Хэдли не знала, что сказать. Весь запал пропал.

– Так что да, я винил себя. Но прошло несколько дней, и я вспомнил о твоём отце.

– Моем отце? – ошеломленно повторила она.

Лоу позвонил мелочью в кармане и тяжело вздохнул.

– Когда твоя мать благодаря тому заклинанию получила восемь дополнительных лет, твой отец, вместо того, чтобы наладить отношения с женой, потратил целое состояние, мотаясь по всему свету в поисках древнего артефакта, чтобы убить лучшего друга. Хотя тот друг был чудовищем и полной противоположностью Адама.

– О, Лоу.

Он покачал головой, будто тема закрыта, и он не собирается к ней возвращаться. А потом снова принялся пояснять:

– Но видишь ли, на этом все не закончилось. После смерти твоей матери доктор Бэкол десятилетия цеплялся за мысль о мести. Десятилетия. Чертовски долго он злился. Всего можно было избежать, если бы он просто признал, что и сам виноват в случившемся. Наверное, ему следовало спросить себя, не связалась ли твоя мать с Ноелем потому, что он перестал уделять внимание их личным отношениям.

Они долго молчали. И тут до Хэдли дошло:

– То же самое случилось с тобой и Адамом, когда ты с Мириам...

– Все совершают ошибки. И простить себя намного проще, если окружающие тоже на это готовы.

Хэдли быстро утерла слезы рукой в перчатке.

– Ты удочерил Стеллу?

– Не совсем. – Он посмотрел на черный ход, через который Астрид и Бо увели девочку. – Суд не дает опекунство неженатым мужчинам. Особенно тем, у кого нет собственного дома, и кто проводит по полгода в других странах. Да и привод в полицию говорит не в пользу кандидата в опекуны. Похоже, чтобы вырастить ребенка, нужно быть высокоморальным человеком.

– Кто бы мог подумать, – посочувствовала ему Хэдли с кривой усмешкой.

– К счастью, судья совладелец одной из гостиниц, которую Магнуссоны снабжают выпивкой.

Хэдли кивнула.

– А, очень удобно.

– В самом деле. Поэтому он отдал Стеллу под временную опеку Уинтеру и Аиде. Мы забрали ее из приюта дней десять назад. Сначала она испугалась, но быстро привыкла. Похоже, девочку легко задобрить бисквитными пирожными и яркими игрушками.

Хэдли согласно хмыкнула и продолжила шепотом:

– А я помню, как ты соблазнял меня лимонным пирогом.

– И сделал бы это снова, не задумываясь.

В груди Хэдли разлилось тепло. Она отвернулась.

– Значит, ты купил «Мрачный особняк», чтобы стать опекуном Стеллы?

– И для этого тоже. В семейном доме полно народу, у Уинтера и Аиды скоро родится ребенок, а Стелла немного побаивается мастиффа. И я давно уже хотел жить отдельно, деньги твоего отца дали мне такую возможность.

– Он рассказал сегодня о вашей сделке, а также упомянул, что ты уладил все с Левином.

– Твой отец помог: отдал поддельное основание амулета с настоящими документами. Если бы вещь передал я, у Левина бы возникли подозрения, но доктор Бэкол убедил его, что платит ему за молчание о подделке крокодила настоящим артефактом.

– Милостивый боже. Папа обманул Левина? – пробормотала она.

– Доктор Бэкол хороший актер.

– Я не знала, что у него есть такой талант.

– Теперь все счастливы: Левин считает, что ему принадлежит редкая историческая реликвия, твоей репутации ничто не угрожает, и Монк доволен. Адаму бы понравилось, что его последний шедевр помог исправить ситуацию. Он бы точно одобрил эту аферу.

Они посмотрели друг на друга, и Хэдли засмушалась. Она отвернулась и потрепала рукав пальто.

– Не знаю, что сказать. Я чувствую, будто жила в другом мире, пока все это происходило.

– У тебя хватало своих дел. Поздравляю с должностью, ты ее заслужила.

Хэдли поблагодарила его, как тут их внимание привлек громкий стук молотка. Лоу махнул рукой, предлагая пройти дальше. Хэдли кивнула, и они двинулись в глубь дома.

– И что ты будешь делать? – спросила она, приноравливаясь к его шагам. – Теперь, когда у тебя есть Стелла, ты станешь отправляться на поиски сокровищ?

– Вообще-то я получил работу в университете Беркли. Буду вести полевые исследования на факультете антропологии и руководить небольшими раскопками для аспирантов.

– Станешь учителем?

Еще один сюрприз.

– Попытка не пытка. Я умею интересно рассказывать, это поможет во время уроков.

– Да, наверняка.

– Уинтер разрешил оставлять небольшую лодку на своем причале. Мне не придется садиться на паром до Беркли. Да и легче возвращаться домой к Стелле. Еще надо нанять слуг, найти няню и наставника по языку жестов. Но я начну преподавать в августе, поэтому для обустройства времени более чем достаточно.

Они остановились на пороге свежеевыкрашенной и выложенной плиткой кухни. Новые холодильник и стиральную машину еще не установили, а в центре помещения стоял длинный стол.

– Ты все продумал, и сюда вскоре можно будет переехать.

– Через пару недель. Сделать надо многое, но Уинтер подергал за ниточки, чтобы нанять дополнительных работников.

Хэдли посмотрела на ножки стола, а потом наклонилась и взгляделась, не веря своим глазам.

– Талантливые рабочие. Они нашли способ прикрепить стол к черновому полу до того, как положили плитку. А теперь ломают голову, как обездвижить холодильник.

Возможно, те, кто занимались твоей квартирой, смогут поделиться опытом?

– Лоу?

– Да?

– Я не... Почему?... Что ты делаешь?

Лоу повернулся к ней лицом и прошептал:

– Я пока еще не проработал все детали. Знаю, что на твоё прощение надежды мало, не то, чтобы ты на него не способна, скорее я его не заслуживаю. И понимаю, что слишком много прошу: принять не только меня, но и Стеллу. И я не жду, что ты переедешь сюда и станешь ей матерью. Сам я останусь для нее дядей – так проще.

– Лоу. – Хэдли недоверчиво покачала головой, подавила абсурдный ответ, а потом поняла, что не знает, что думать, а тем более сказать. Она опасалась, как бы Лоу не услышал, насколько быстро колотится ее сердце. – Я считала, ты махнул рукой на наши отношения. Полагала...

– Я уже упоминал, что знатно схалтурил, и переживал, что если явлюсь к тебе на порог лишь с извинениями, ты меня пошлешь куда подальше. Поэтому я собирался сначала со всем разобраться, а потом попытаться вернуть твоё расположение. Притвориться, будто заболел, и мне осталось жить шесть недель. – Он говорил легкомысленно, но голос охрип от сдержанных чувств. Лоу робко коснулся пряди волос Хэдли, от чего у нее по рукам побежали мурашки. – А если бы это не сработало, я готов был загримироваться под кого-нибудь другого. Покрасить волосы, изобразить хромоту. Возможно, представиться важной шишкой: герцогом или богатым наследником, который любит охотиться в Африке. Обворожить тебя очаровательными беседами и роскошным кольцом, а открыться только после свадьбы, надеясь, что ты со мной не разведешься.

Она выдавила смешок.

– А если бы это не сработало?

– Если хочешь увидеть меня на коленях, я готов умолять. Я ошибался, и если придется всю оставшуюся жизнь доказывать, что я лучше, с радостью этим займусь.

Лоу стоял очень близко. Настолько близко, что Хэдли чувствовала запах его волос, одежды и знакомый аромат кожи. Она смотрела на воротник его рубашки, стараясь успокоиться, чтобы сердце не неслось впереди разрозненных мыслей. – Отсюда далеко до музея.

– В помещениях для слуг есть комната для шофера.

– Я не умею нанимать слуг.

– Тут нам поможет репутация моей семьи.

От эйфории у Хэдли задрожали ноги.

– И я не знаю, как Четвертый воспримет жизнь за городом.

Лоу не спеша взял ее за руку и начал снимать перчатку, шепча:

– Мы в пределах города, *min kära*, а Стелла обожает котов, так что, если ему захочется поохотиться на попугаев, она составит ему компанию.

– Лоу, – позвала она, сжав его пальцы, чтобы он не дергался.

– Да, Хэдли?

– Я могу простить ошибки. И мне плевать на все аферы и махинации. Хочешь заявить президенту, что ты – Папа Римский, мне без разницы. Я лишь прошу, чтобы ты не лгал двум людям.

– И кому же?...

– Себе и мне.

Он снял перчатку, взял ее руку в свои и, целуя костяшки пальцев, сказал:

– Мисс Бэкол, мы договорились.

Эпилог

Январь, 1929 г., год спустя

Хэдли, щурясь в утреннем свете, приблизилась к проводнику, заносившему багаж в ожидающий поезд. Станция Твин Пикс была переполнена путешественниками, которые приезжали и уезжали из Сан-Франциско, и Хэдли радовалась и переживала, потому, что теперь стала одной из них. Она мечтала об этой поездке с самого детства. В животе бунтовали бабочки, и Хэдли не переставая улыбалась.

– Я только сейчас заметил две разные фамилии, сэр, – говорил проводник необычно высокому мужчине с пшеничными волосами. Хэдли остановилась за ним, не привлекая внимания, чтобы выслушать ответ.

– А вы проникательный молодой человек, – заговорщически прошептал Лоу проводнику. – Да, это правда. Мы намереваемся сесть на пароход через Атлантику. Мисс Бэкол – известная журналистка, она составит мне компанию в путешествии, чтобы записать мои мемуары. Дальние страны, волнующие приключения и все такое.

Парень округлил глаза.

– О, простите меня за грубость, сэр, но на багаже дамы номер вашего купе. Может поместить ее в соседнее, с ребенком и няней миссис Геллер?

Скрестив руки, Лоу покачался на каблуках сапог для верховой езды до того, как склонился к служащему.

– Нет, с багажом все верно. Вещи мисс Бэкол надо поместить в мое купе. Понимаете ли, она будет много писать.

Проводник медленно поднял брови.

– Понимаю. А есть ли... миссис Геллер, ребенок, мисс Бэкол, вы... А миссис Магнуссон тоже с вами поедет?

– Нет, только мы вчетвером.

– Понятно, – произнес шокированный служащий. – Не беспокойтесь, я не болтлив.

Хэдли встала рядом с Лоу и хмуро зыркнула на него.

– А, вот и она, – провозгласил он, обнимая ее за талию.

– Да, это я, твоя сопровождающая, – сухо отметила она. – Боюсь, забыла захватить печатную машинку, мистер Магнуссон.

– Надеюсь, у тебя хороший подчerk, – сказал он, скользнув рукой по ягодицам.

– Вы что-то говорили о дополнительной койке в купе миссис Геллер? – спросила она у проводника, пытаясь не привлекая внимания отодвинуться от Лоу.

– Там будет слишком много народу, – быстро вставил он и отпустил Хэдли, чтобы дать ужасно большие чаевые. – Оставьте все, как есть. И если вы лично проследите, чтобы нас обслуживали по высшему разряду до самого Нью-Йорка, у меня для вас будет еще кое-что.

– Да, сэр. Обращайтесь, я достану все, что вы хотите, – сказал служащий и потащил багаж.

– Значит теперь я «мисс» Бэкол, и мы не женаты? – спросила Хэдли, как только носильщик отошел подальше.

– Он заметил отсутствие кольца...

Хэдли не стала надевать его в путешествие. Обручальное кольцо было таким большим и броским, что их ограбили бы еще до границы штата. Его спрятали в тайнике в гардеробной.

– ... и наши фамилии.

По профессиональным соображениям Хэдли оставила свою девичью фамилию, но объяснять ситуацию незнакомым слишком сложно, во всяком случае, для нее. А Лоу их положение дало возможность выдумывать новые безумные истории на каждом торжестве, которое они посещали. Бог его знает, что он сказал знакомым профессорам в Беркли. Их собственные слуги считали Хэдли принцессой королевской крови, когда она переехала к мужу после свадьбы.

– Ты же знаешь, что эта история разнесется по поезду как лесной пожар.

Лоу поиграл бровями.

– Нет ничего занимательнее непристойных сплетен.

И пока она решала, ударить ли его по руке сумочкой или насладиться его поцелуем в висок, появились их сопровождающие: весь клан Магнуссонов, доктор Бэкол, миссис Геллер и Стелла, которая отпустила руку няни и обняла ноги Хэдли и Лоу словно гимнастический снаряд «Джунгли». Она радостно вскрикнула, прижимаясь к юбке Хэдли, и улыбнулась им обоим.

– Пока наслаждайся, sötnos (милая). Когда тебя укачает в поезде, ты еще пожалеешь, что дядя Лоу и тетя Хэдли не оставили тебя дома.

Стелла убрала черные кудряшки с лица и жестом показала «верблюда».

– Да, мы покатаемся на верблюде, мне тоже очень хочется, – сказала Хэдли, улыбаясь малышке.

– Чертовы твари воняют и плюются, – пробурчал Лоу, но в его глазах мелькнули искорки веселья. Он погладил Стеллу по голове. – Клянусь, у нее улыбка Адама.

Так и было. Девочка все больше напоминала Адама. Хэдли беспокоилась, что Лоу разочарован этим открытием, но их связь только усилилась. Три месяца назад они официально удочерили Стеллу.

Хэдли не сразу нашла общий язык с малышкой в основном потому, что переживала из-за своих духов. Четвертый – одно дело, а вот ребенок, не обладающий девятью жизнями – совсем другое. К счастью, девочка их не видела, и за год Хэдли редко испытывала негативные эмоции, которые бы привлекли внимание Мори.

Странно, что мужчина, который так ее раздражал прежде, теперь служил источником спокойствия.

Даже когда выдумывал истории для проводников.

– Ты уверена, что все взяла? А пистолет? – спросил ее отец.

– Мы будем останавливаться в роскошных гостиницах и любоваться достопримечательностями, а не выкапывать сокровища в пустыне, – напомнил ему Лоу. – Если бы я считал, что в нас могут стрелять, не взял бы с собой пятилетнего ребенка, жену и вас, миссис Геллер.

Седовласая женщина скорее предвкушала поездку, чем волновалась.

– Не беспокойтесь, доктор Бэкол, я положила в чемодан небольшую дубинку на случай встречи с бандитами.

Лоу переманил миссис Геллер из Тихоокеанского еврейского сиротского приюта. Она стала наставницей и няней Стеллы и с невероятной скоростью учила малышку языку жестов.

И хоть миссис Геллер никогда не уезжала за пределы штата Калифорнии, она очень хотела сопровождать их в поездке в Египет. Настоящая удача, принимая во внимание все разномастные истории, которые Лоу рассказал о своем последнем путешествии.

– Никто к нам в номера не залезет, разве что горничные для смены постельного белья, – убеждал всех Лоу.

– Лучше перестраховаться, – заметил Уинтер, обнимая свою жену-медиума за плечи. Их укутанная малышка лежала в коляске. Над племянницей ворковала Астрид, а Бо стоял рядом, наблюдая за ними.

– И вы доберетесь до Европы только через две недели? – уточнила Астрид.

– Не совсем. Четыре дня поездом до Нью-Йорка, – принялся пояснять Лоу, считая время по пальцам. – Шесть дней на пароходе «Олимпик» до Англии. Затем паромом во Францию и поездом до побережья, чтобы на следующее утро сесть на пароход, который идет еще три дня до Александрии.

Хэдли чуть не стала проговаривать план их поездки с Лоу; она запомнила наизусть весь маршрут еще несколько недель назад.

– Значит, через две недели мы уже ступим на землю Египта.

От этой мысли у нее в животе затрепетало.

– Обязательно сфотографируйте Пирамиды, – попросил Бо.

– И экспонаты в музее, – добавил отец Хэдли. – Вы же захватили с собой мое письмо к директору Амиру с приглашением приехать в Сан-Франциско?

– Ты уже два раза спрашивал, папа. – Налаживание отношений между музеем де Янга и египетским музеем в Каире помогло бы организовать передвижную выставку в Сан-Франциско. Хэдли хотела встретиться с директором и обсудить детали.

Она с нетерпением желала увидеть страну, что породила цивилизацию, которую всю жизнь изучала, и что так сильно изменила судьбы членов ее семьи. Без этого ее мир был бы другим: она бы не лишилась матери и не получила проклятье Мори. Но и не возглавила бы департамент антиквариата и не встретила бы мужчину, который теперь рядом с ней.

И эти подарки превратили ее проклятие в благословение.

Послышался первый свисток, значит, поезд скоро тронется.

– Нас ждет приключение, миссис Бэкол. Ты готова? – улыбаясь, спросил Лоу.

Она взяла его под руку.

– Дорогой, я давно готова.

Конец

Внимание! Электронная версия книги не предназначены для коммерческого использования. Скачивая книгу, Вы соглашаетесь использовать ее исключительно в целях ознакомления и никоим образом не нарушать прав автора и издателя. Электронный текст представлен без целей коммерческого использования. Права в отношении книги принадлежат их законным правообладателям. Любое распространение и/или коммерческое использование без разрешения законных правообладателей запрещено.

[1] Älskade broder – (швед. яз.) любимый брат.

[2] Ja – (швед. яз.) да.

[3] Цитата из книги «Дева из Лимберлоста» Джин Статтон Портер. Название упоминалось в книге Дж. Оруэлла «Дочь священника».

[4] Fan – (швед. яз.) – Черт.

- [5] Helvete – (швед. яз.) «ад», в данном случае переводится, как «черт».
- [6]Канопа – древнеегипетская погребальная урна.
- [7]Min käraste – (швед. яз.) моя милая.
- [8]Vacker – (швед. яз.) красивая.
- [9]Älskling, ja – (швед. яз.) любимая, да.
- [10]Min kära (швед. яз.) – моя любимая.